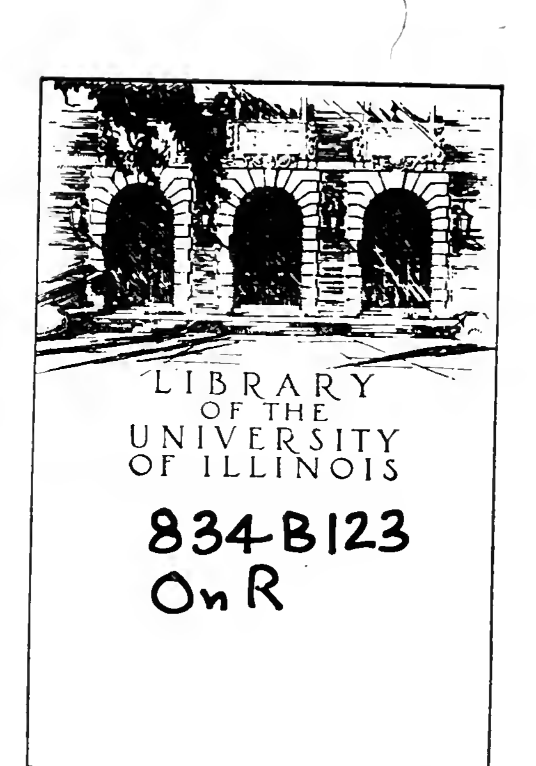

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ

НАПОЛЕОНА I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЮЛІЯ БАХЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.
1888.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ НАПОЛЕОНА I.

Историческій романъ

Юлія Бахера.

I.

Въ театрѣ.

Былъ седьмой часъ вечера; театръ Порто-Феррайя, главнаго и портоваго города острова Эльбы, мало по малу сталъ наполняться публикою. Объемъ зрительной залы былъ крайне ограниченъ, сцена мала, а мѣста для публики были устроены въ партерѣ и въ небольшихъ ложахъ, идущихъ вдоль стѣнъ. Убранство театра было роскошно и даже нѣсколько напоминало императорскій театръ въ Парижѣ, только въ меньшемъ размѣрѣ. Особенною роскошью отличалась одна изъ ложъ, принадлежавшая Наполеону, изгнанному императору; онъ-то и устроилъ представленія въ театрѣ Порто Феррайо и съ этою цѣлью выписалъ изъ Парижа труппу актеровъ. Театръ наполнялся быстро зрителями и черезъ какія нибудь полчаса всѣ мѣста уже были заняты. Въ партерѣ помѣстилось множество офицеровъ въ своихъ блестящихъ мундирахъ; служители Марса принадлежали отчасти къ тому отряду, который Наполеону было позволено взять съ собою, отчасти

къ волонтерамъ, добровольно сопровождавшимъ своего императора въ изгнаніе. Между послѣдними были и французы, и итальянцы, и корсиканцы и поляки; ихъ загорѣлыя отъ солнца лица напоминали о тѣхъ походахъ, которые прославили имя Наполеона; многіе изъ этихъ сподвижниковъ великаго императора видѣли пирамиды, переходили Альпы и побывали подъ снѣгомъ далекой Россіи.....

Въ ложахъ помѣщался блестящій цвѣтникъ дамъ въ роскошныхъ туалетахъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно пристрастіе Наполеона къ изящно одѣтымъ красивымъ женщинамъ. Занавѣсъ еще не подымался, въ партерѣ и въ ложахъ слышался сдержанный говоръ; конечно, по большей части предметомъ разговора были текущія событія на политическомъ горизонтѣ. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что великій императоръ не будетъ сидѣть сложа руки и не удовольствуется тою скромною участью, которую ему назначилъ европейскій ареопагъ. Но вотъ говоръ смолкъ, раздались первыя ноты увертюры. Въ это время въ одну изъ ложъ, находящуюся прямо противъ императорской, вошли двѣ дамы: одна изъ нихъ была женщина лѣтъ подъ сорокъ, а другая молодая дѣвушка, едва достигшая восемнадцати-лѣтняго возраста. Костюмъ обѣихъ дамъ былъ простъ и изященъ; единственнымъ украшеніемъ молодой красавицы былъ свѣжій букетъ гранатовыхъ цвѣтовъ, приколотый къ ея темнымъ локонамъ. Эта изящная простота еще болѣе выдѣляла ея красоту; въ темныхъ блестящихъ глазахъ молодой дѣвушки свѣтились и умъ, и энергія, и страсть. Конечно, такая интересная личность не могла ускользнуть отъ вниманія окружающихъ; въ особенности мужчины не скрывали своего удивленія и наводили бинокли на ложу этихъ двухъ дамъ. Никто въ театрѣ не зналъ фамиліи этихъ особъ и, казалось, всѣ горѣли желаніемъ узнать, кто онѣ такія? Всѣ спрашивали другъ друга, откуда явилась эта красавица, которую еще никто не встрѣчалъ въ Порто-Феррайо. Увертюра кончилась.

Съ послѣднимъ аккордомъ оркестра, двери императорской ложи съ шумомъ отворились и въ нее вошелъ Наполеонъ со своею сестрою Паулиною, княгинею Боргезе.

Избалованная княгиня, любившая наряды и удовольствія, была крайне поражена низложеніемъ своего геніальнаго брата. Въ то время, когда пришло это роковое извѣстіе, она уже не жила со своимъ мужемъ и находилась въ Ниццѣ, гдѣ вполнѣ наслаждалась жизнью и нисколько не думала о томъ, что ее поразитъ такой ударъ. Какъ только пришло извѣстіе въ Италію о паденіи Наполеона, тамъ повсюду возникли безпорядки, и приверженцамъ Наполеона пришлось удалиться изъ этой страны. Въ Генуѣ также вспыхнуло возстаніе. Одинъ изъ друзей княгини посовѣтовалъ ей удалиться въ болѣе безопасное мѣсто, и она въ одну туманную осенюю ночь уѣхала изъ Ниццы въ сопровожденіи своей преданной фрейлины Элоизы де-Биллонъ и вѣрнаго слуги и отправилась съ ними на островъ Эльбу къ своему низверженному брату.

Когда Наполеонъ вошелъ въ ложу, вся публика поднялась со своихъ мѣстъ; императоръ подошелъ ближе къ барьеру и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ присутствующихъ, затѣмъ повернулся къ стоявшей за нимъ княгинѣ, подалъ ей руку и отвелъ на назначенное для ея свѣтлости мѣсто.

Наполеонъ со времени своего пребыванія на островѣ Эльбѣ болѣе обращалъ вниманія на свой костюмъ, чѣмъ когда либо. На немъ былъ надѣтъ модный фракъ, вышитый серебромъ и узкія бѣлыя кашемировыя брюки, а его традиціонная трехуголка была замѣнена небольшою круглою шляпою съ кокардою—на половину пунсовою, на половину бѣлою, на которой было вышито три пчелы.

Не менѣе роскошно была одѣта и княгиня. Ея костюмъ состоялъ изъ темно-голубаго тяжелаго шелковаго платья, обшитаго брабантскими кружевами, а на головѣ былъ наколотъ голубой газовый тюрбанъ, съ котораго спускались два

страусовыхъ пера до самой спины, тюрбанъ же былъ украшенъ бриллiантами; на обнаженныхъ рукахъ и шеѣ также сверкало золото, разноцвѣтные каменья и дорогiе бриллiанты. Однако, если-бы кто попристальнѣе вглядѣлся въ лицо прекрасной княгини, то тотчасъ замѣтилъ-бы во взорѣ ея чудныхъ темныхъ глазъ какую-то тревожную грусть.

Почти одновременно съ Наполеономъ вошли въ сосѣднюю ложу и три французскихъ генерала: Бертрамъ, Друо и Камброннъ. Первый былъ гофмаршаломъ императорскаго дворца, второй генералъ-губернаторомъ Эльбы; всѣ они были вѣрными слугами, друзьями Наполеона и его сподвижниками во время походовъ.

Кромѣ нихъ еще въ театрѣ находились генералы: Малетъ, Рауль, Ерзмановскiй и многiе другiе офицеры, состоявшiе въ качествѣ тѣлохранителей Наполеона.

Въ одной изъ ложъ присутствовалъ также и англiйскiй посланникъ, полковникъ Гансъ Камстбулъ, сопровождавшiй Наполеона на островъ Эльбу и защищавшiй его отъ нападенiй разъяренной толпы. Полковнику былъ порученъ надзоръ отъ англiйскаго правительства за августѣйшимъ плѣнникомъ; въ его распоряженiи находился также корветъ, крейсировавшiй между Эльбою, Генуей и Ливорно.

Въ этотъ вечеръ на сценѣ театра Порто-Феррайо давали любимую пьесу Наполеона «Сида» Корнеля. Вся публика съ напряженнымъ вниманiемъ слѣдила за мастерскимъ исполненiемъ актеровъ, которые играли дѣйствительно превосходно и съ большимъ воодушевленiемъ, такъ какъ это были лучшiе представители парижской драматической труппы.

Между тѣмъ молодая красавица, о которой было упомянуто выше, казалось, не обращала никакого вниманiя на игру актеровъ; она съ какимъ-то лихорадочнымъ напряженiемъ смотрѣла на императорскую ложу и, казалось, слѣдила за малѣйшимъ движенiемъ Наполеона, но никто изъ публики не обратилъ вниманiя на равнодушiе молодой дѣвушки къ

представленію, за исключеніемъ Паулины, княгини Боргезе; она только что вошла въ ложу, уже замѣтила эту молодую дѣвушку и пораженная ея красотою стала слѣдить за нею.

Наполеонъ также никогда не оставался равнодушенъ къ женской красотѣ и Паулина, чтобы сдѣлать удовольствіе брату, всегда старалась приглашать на свои интимные вечера какую нибудь красавицу.

Кончился первый актъ, въ театрѣ раздались громкія рукоплесканія, а Наполеонъ аплодировалъ громче всѣхъ; ему хотѣлось господствовать не только на полѣ сраженія, но и въ области искусства.

Послѣ перваго дѣйствія Наполеонъ удалился со своею сестрою въ арьеръ-ложу; послѣ нѣсколькихъ замѣчаній относительно хода пьесы, княгиня хотѣла было обратить вниманіе брата на красавицу, какъ въ это время къ эксъ-императору подошелъ Бертранъ, желавшій сообщить ему нѣкоторыя важныя извѣстія относительно прибывшихъ на островъ новыхъ личностей. Наполеонъ хотѣлъ, какъ въ Парижѣ и во Франціи, такъ и на островѣ Эльбѣ имѣть своего Фуше, который бы доносилъ ему обо всемъ, что дѣлается вокругъ него. Княгиня-же, во время интимнаго разговора своего брата съ генераломъ Бертраномъ, снова принялась разсматривать прекрасную незнакомку и горѣла нетерпѣніемъ узнать имя и фамилію этой прелестной дѣвушки, начавшей въ это время, какъ казалось, интересный разговоръ со своей спутницей, такъ какъ уже болѣе не могла слѣдить за Наполеономъ.

Начался второй актъ. Императоръ подалъ руку сестрѣ и отвелъ ее на прежнее мѣсто, а самъ, казалось, весь обратился въ слухъ, слѣдя за исполненіемъ пьесы; княгиня боялась прервать его; но вотъ, однако, выпала удобная минута, одинъ изъ актеровъ замедлилъ почему то появленіемъ на сцену. Императоръ нахмурился, сказалъ по поводу этого нѣсколько словъ, затѣмъ взялъ бинокль и сталъ разсматривать

публику, чтобы хотя нѣсколько сократить время; но вотъ его взоръ упалъ на прекрасную незнакомку, и хотя представленіе на сценѣ возобновилось, но императоръ не отрывалъ глазъ отъ ложи красавицы. Подобное вниманіе Наполеона, конечно, не ускользнуло отъ княгини, даже и сама красавица замѣтила остановленный на ней взоръ императора, она покраснѣла и опустила внизъ свои прекрасные темные глаза; съ этого момента вниманіе Наполеона раздѣлилось между незнакомкою и сценою. Все это, конечно, не ускользнуло отъ наблюденій княгини и она тотчасъ замѣтила разсѣянность свего брата, и онъ самъ скоро обратился къ сестрѣ съ вопромъ—не знаетъ ли она эту незнакомку.

— Я очень рада, государь,—отвѣчала княгиня, что наши вкусы сошлись относительно этой особы, такъ какъ и мнѣ она очень нравится...

— И вы мнѣ до сихъ поръ ничего не сказали объ этомъ?—строго спросилъ Наполеонъ.

— Быть можетъ я и сообщила бы вамъ объ этомъ, но я очень хорошо знала, что такая красавица не можетъ быть незамѣченною, тѣмъ болѣе вами, такимъ знатокомъ женской красоты.

— Прошу тебя, — продолжалъ Наполеонъ болѣе искреннимъ тономъ,—не шути. Красота этой дѣвушки такъ очаровательна, что я положительно удивляюсь, какъ раньше я ее не замѣтилъ; теперь ты должна оказать мнѣ дальнѣйшую услугу, пригласить ее на свои вечера, если только это возможно по ея общественному положенію, въ чемъ я, впрочемъ, нисколько не сомнѣваюсь.

— Ваше величество останетесь вполнѣ довольны мною,— отвѣтила княгиня.

— Я вполнѣ довѣряю уму моей сестры, — замѣтилъ Наполеонъ. Затѣмъ наклонившись ближе къ княгинѣ прибавилъ: — Надѣюсь что эта красавица не принадлежитъ къ

числу тѣхъ искательницъ приключенiй, которыя меня такъ часто преслѣдуютъ своими искательствами.

— Я въ этомъ вполнѣ раздѣляю мысли вашего величества, такъ какъ эта дѣвушка держитъ себя очень прилично и принадлежитъ, по моему мнѣнiю, къ хорошей семьѣ.

Наполеонъ замолчалъ; второй актъ кончился и императоръ опять удалился вмѣстѣ со своею сестрою въ глубину ложи, и снова завелъ съ ней разговоръ о заинтересовавшей его личности; но ихъ бесѣда была прервана приходомъ генераловъ Камброннъ и Друо; Наполеонъ сталъ говорить съ первымъ, а княгиня, отошедъ подальше отъ бесѣдующихъ, краснорѣчивымъ взглядомъ и очаровательною улыбкою подозвала къ себѣ генерала Друо и завела съ нимъ интимный разговоръ. Княгиня никогда не могла удержать порывовъ своего любвеобильнаго сердца; красивые, стройные мужчины производили на нее всегда глубокое впечатлѣнiе и пользовались ея особою благосклонностью. Начался уже и третiй актъ, а аванъ-ложа императора все еще оставалась пустою, такъ какъ ни Наполеонъ, ни его сестра не думали занимать своихъ обычныхъ мѣстъ. Однако, императоръ скоро опомнился и, прервавъ разговоръ съ генераломъ Камброннъ, подошелъ къ княгинѣ.

— Право, Паулина, мы подаемъ очень дурной примѣръ публикѣ,—сказалъ онъ,—не хотимъ даже почтить, какъ слѣдуетъ, великаго писателя.

Княгиня засмѣялась, а Друо поклонился и вышелъ изъ ложи.

Только что Наполеонъ занялъ свое мѣсто, какъ, взглянувъ на ложу прекрасной незнакомки, увидѣлъ, что тамъ уже никого не было.

— Онѣ уѣхали!—сказалъ онъ сестрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула княгиня, взглянувъ въ свою очередь на противуположную ложу.

— А ты еще ничего о нихъ не узнала?—спросилъ императоръ сестру.

— Я жду каждую минуту своего слугу, онъ уже долженъ быть здѣсь,—отвѣтила княгиня и тотчасъ же направилась къ двери.

Дѣйствительно, слуга уже ожидалъ свою госпожу.

— Что вы узнали?—спросила поспѣшно княгиня,—кто эти дамы?

— Мнѣ не удалось узнать ни ихъ фамиліи, ни ихъ общественнаго положенія, такъ какъ только что я хотѣлъ навести объ этомъ справки, какъ онѣ уже уѣхали изъ театра; швейцаръ же недавно изъ Парижа и ничего объ нихъ не знаетъ, а такъ какъ я не могъ ихъ описать подробнѣе, то и другіе, къ кому я обращался, не могли дать мнѣ никакихъ свѣдѣній,—отвѣчалъ слуга.

— Продолжайте ваши розыски, мнѣ крайне необходимо узнать фамилію этихъ дамъ, но прошу васъ, поторопитесь, если вы не успѣете сдѣлать этого сегодня, то постарайтесь завтра до обѣда,—затѣмъ княгиня вернулась на свое мѣсто.

— Ну, чтоже?—спросилъ ее Наполеонъ.

— Ваше величество, имѣйте терпѣніе. Слуга искалъ напрасно, онъ не могъ пока еще ничего узнать,—отвѣтила княгиня.

— Но вѣдь онѣ уѣхали?—снова спросилъ Наполеонъ.

— Да, государь, но я надѣюсь, что эти дамы не нимфы, скрывающіяся на днѣ морскомъ, и не могутъ ускользнуть отъ нашихъ розысковъ,—утѣшила Паулина своего брата,—и притомъ нашъ островъ не такъ великъ, чтобы онѣ могли исчезнуть безслѣдно.

— Итакъ, будемъ надѣяться,—сказалъ Наполеонъ и всталъ съ своего мѣста, такъ какъ пьеса подходила къ концу и императору хотѣлось скорѣе вернуться въ свой дворецъ.

Княгиня также поднялась съ своего кресла и вмѣстѣ съ братомъ уѣхал изъ театра.

II.

Княгиня Боргезе.

Пробило уже одиннадцать часовъ, а княгиня Боргезе только что вышла изъ своей спальни въ будуаръ,—комнату хотя и небольшую, но убранную съ самою изящною роскошью,—и сѣла у мраморнаго стола въ большое и мягкое кресло. На Паулинѣ былъ накинутъ изящный пеньюаръ, она только что встала съ постели; однако сегодня ея свѣтлость проснулась ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ ей необходимо было разузнать кое что о дамахъ, видѣнныхъ ею наканунѣ въ театрѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующее представленіе было назначено на другой день.

Княгиня не жила во дворцѣ своего брата въ Порто-Феррайо, а поселилась въ виллѣ Сентъ-Мартино, находившейся недалеко отъ названнаго города и построенной самимъ Наполеономъ послѣ его прибытія на островъ Эльбу, такъ какъ и здѣсь императоръ хотѣлъ имѣть свой Сенъ-Клу, гдѣ бы могъ принимать людей, посѣщенія которыхъ онъ желалъ скрыть отъ окружающихъ; померанцовыя деревья на террасѣ виллы были посажены собственными руками императора; вообще мѣстоположеніе Сентъ-Мартино было прекрасно и дѣлало честь выбору Наполеона: вилла была построена посреди прелестной цвѣтущей долины, окаймленной высокими живописными горами, защищавшими ее въ то же время и отъ сѣверныхъ морскихъ вѣтровъ; кромѣ виллы Сентъ-Мартино въ этой долинѣ были разбросаны, тамъ и сямъ, сельскіе домики, выглядывавшіе изъ-за густой зелени окружавшихъ ихъ садовъ.

Наполеонъ при постройкѣ виллы предполагалъ провести туда дорогу, которой въ то время тамъ еще не было, а жители Эльбы пользовались дорогами, проложенными самою природою.

Наполеонъ очень часто посѣщалъ эту виллу то верхомъ, то пѣшкомъ, особенно когда въ ней поселилась княгиня; она часто давала въ Сентъ-Мартино небольшія празднества, на которыхъ почти постоянно присутствовалъ и Наполеонъ. Однако, княгиня, смотря по обстоятельствамъ, иногда переселялась и во дворецъ своего брата, гдѣ для нея было также приготовлено помѣщеніе.

Усѣвшись въ кресло подлѣ мраморнаго столика, княгиня позвонила и вслѣдъ затѣмъ явился слуга съ чашкою шоколада на серебряномъ подносѣ.

— Вернулся-ли посланный съ моимъ порученіемъ,—спросила Паулина у вошедшаго слуги.

— Уже болѣе часу онъ ожидаетъ приказаній вашей свѣтлости,—отвѣчалъ онъ.

— Пусть сейчасъ войдетъ,—приказала княгиня.

— Ну что, Франсуа?—спросила она вошедшаго,—вы, вѣроятно, принесли мнѣ хорошія извѣстія?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, ваша свѣтлость, такъ какъ, не смотря на всѣ усилія, я не могъ ничего узнать объ этихъ дамахъ.

— Неужели вы ничего не узнали?—снова спросила Паулина.

— Въ городѣ ихъ рѣшительно никто не знаетъ и никто никогда о нихъ ничего не слышалъ; ихъ никто не встрѣчалъ ни на улицѣ, ни въ одной изъ церквей, вотъ все, ваша свѣтлость, что только я могу сообщить вамъ.

— Это слишкомъ мало!—воскликнула Паулина и затѣмъ прибавила:—городъ такъ малъ, что такія двѣ личности, какъ эти двѣ дамы, не могли остаться незамѣченными; быть можетъ, онѣ только вчера пріѣхали въ городъ или же живутъ въ его окрестностяхъ и рѣдко бываютъ въ Порто-Феррайо. Прошу васъ, разузнайте въ гостинницахъ, не остановились-ли въ одной изъ нихъ эти незнакомки.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Франсуа, низко кланяясь и дѣлая шагъ къ двери.

— Подождите,—остановила его княгиня, быть можетъ, онѣ вовсе и не живутъ въ городѣ, тогда всѣ ваши труды будутъ напрасны и потому если вы ничего не узнаете въ Порто-Феррайо, то поищите въ его окрестностяхъ, но не щадите трудовъ, повѣрьте, что я съумѣю вознаградить ваше усердіе, если вы что нибудь узнаете объ этихъ чужестранкахъ.

Кивнувъ милостиво головой, княгиня отпустила слугу, который тотчасъ-же отправился въ Порто-Феррайо и принялся за розыски.

Паулина-же осталась у себя въ крайне дурномъ расположеніи духа, такъ какъ она знала очень хорошо, какъ былъ нетерпѣливъ ея братъ въ подобныхъ случаяхъ; она вспомнила о Парижѣ, о Фуше, какъ обыкновенно тамъ, въ этомъ громадномъ и населенномъ городѣ, скоро разузнавали о вновь пріѣзжающихъ и какая разница между Парижемъ и Порто-Феррайо.

И вспомнилось княгинѣ ея чудное прошлое, полное самыхъ пріятныхъ воспоминаній,—прошлое, которое врядъ-ли когда можетъ повториться, а теперь и она вмѣстѣ съ паденіемъ ея геніальнаго брата снизошла на степень обыкновеннаго частнаго лица; однако, не смотря на всѣ эти грустныя обстоятельства и на свои тридцать четыре года, княгиня все еще не утратила вполнѣ ни своей врожденной веселости, ни того искуснаго кокетства, которое приводило въ восторгъ окружавшихъ ее мужчинъ и еще болѣе выдѣляло ея замѣчательную красоту.

Семнадцати лѣтъ Паулина вышла въ первый разъ замужъ за генерала Леклеркъ д'Остэна, который умеръ пять лѣтъ спустя, послѣ брака, и годъ спустя послѣ его смерти молодая вдова вторично вышла замужъ за герцога Кваcталли, Камилла Боргезе, который мало жилъ со своею супругою, такъ какъ постоянно участвовалъ въ походахъ императора; но послѣ паденія Наполеона, супругъ Паулины порвалъ вся-

кую связь съ семействомъ жены и даже хлопоталъ о формальномъ разводѣ съ нею, что ему, однако, не удалось.

У Паулины отъ перваго брака былъ только одинъ сынъ, который жилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а отъ втораго брака у ней вовсе не было дѣтей.

Однако, всѣ эти житейскія невзгоды нисколько не повліяли ни на красоту, ни на характеръ Паулины, она попрежнему находила утѣшеніе въ объятіяхъ любви, мѣняя своихъ возлюбленныхъ довольно часто и утѣшаясь ихъ ласками.

Послѣ ухода слуги княгиня сидѣла задумчиво, погруженная въ свои мысли, какъ вдругъ у окна раздался пронзительный крикъ.

— Ахъ, да!—воскликнула княгиня. —со всѣми этими хлопотами, я совершенно забыла о тебѣ, Пьерро.

Тотчасъ же Паулина взяла съ стоявшей подлѣ нея на столикѣ тарелки кусокъ бисквита, встала съ своего мѣста, и подошла къ окну, гдѣ прикрѣпленная на цѣпи сидѣла бѣлая бразильская обезьяна и завидѣвъ приближающуюся хозяйку привѣтствовала ее радостными прыжками. Паулина приласкала забавное животное и спустила его съ цѣпи, а сама вернулась къ своему мѣсту и принялась за завтракъ. Выпивъ шоколадъ, княгиня ушла въ другую комнату, окна которой выходили на улицу и нѣсколько минутъ простояла молча, какъ бы ожидая кого-то, затѣмъ она снова вернулась въ свой будуаръ и позвонила; черезъ нѣсколько минутъ явилась мадамъ Бертенъ, ея камерфрау.

— Я хочу ѣхать скорѣй въ городъ, дайте мнѣ одѣться,— сказала княгиня.

— Такъ рано, ваша свѣтлость? — спросила мадамъ Бертенъ, удивленная требованіемъ княгини.

— У меня спѣшное дѣло. Поскорѣе, Бертенъ!

Съ этими словами княгиня отправилась снова въ свою спальню, служившую ей въ то же время, за недостаткомъ

помѣщенія, и уборной. Паулина спѣшила въ городъ, такъ какъ хотѣла поскорѣе разузнать что-нибудь о незнакомкахъ. Кромѣ того, ей необходимо было видѣть Друо—въ театрѣ, онъ обѣщалъ посѣтить ее на другой день утромъ и не сдержалъ своего слова, а между тѣмъ она сообщила ему о томъ интересѣ, который возбудила въ Наполеонѣ прекрасная незнакомка.

Между тѣмъ, мадамъ Бертенъ занялась туалетомъ своей госпожи, какъ вдругъ послышался стукъ копытъ.

— Это навѣрно генералъ!—воскликнула княгиня,—Пожалуйста, Бертенъ, посмотрите.

Эта послѣдняя поспѣшила въ прихожую и вернулась къ Паулинѣ съ утвердителвнымъ отвѣтомъ.

Княгиня велѣла просить генерала къ себѣ.

— Здравствуйте любезный Друо, здравствуйте, сказала княгиня вошедшему, который приблизился къ ней и поднесъ ея руку къ губамъ,—однако, вы долго заставили себя ждать,— прибавила ова, шутя.

— Но, дорогая княгиня, вѣдь еще очень рано. Кто же могъ предполагать, что сегодня вы такъ рано подниметесь съ постели.

— Совершенно вѣрно, Друо, вы правы. Но я горю нетерпѣніемъ узнать скорѣе что-нибудь о нашихъ незнакомкахъ и потому хотѣла одѣться и ѣхать въ городъ, но теперь я думаю, что могу остаться, такъ какъ навѣрно вы сообщите мнѣ что-нибудь объ этихъ дамахъ.

— Очень жаль, княгиня, что ваши ожиданія напрасны: я рѣшительно ничего не могъ узнать.

— Вы шутите, Друо. Неужели вы не посылали разузнать?

— Конечно, посылалъ, княгиня, но всѣ старанія остались безуспѣшны и единственно, что мнѣ удалось узнать, такъ это то, что двѣ какія-то дамы, сегодня въ сопровожденіи стараго слуги, проѣхали въ ворота Лунгено, но я не знаю

тѣ-ли это дамы, которыхъ вы ищете, или другія; въ городѣ ихъ не нашли, не смотря на то, что я описалъ ихъ наружность моему слугѣ.

— Все это ужасно! невыносимо!—воскликнула княгиня,—на этомъ противномъ островѣ нѣтъ ничего хорошаго кромѣ голыхъ скалъ, да безконечнаго моря. А что за люди живутъ здѣсь? Какіе-то грязные, оборванные пастухи, ужасные рыболовы, отъ которыхъ несетъ такимъ дурнымъ запахомъ, бѣдные ремесленники, да лѣнивые горожане—вотъ населеніе этой противной трущобы, а если когда и встрѣчаются люди, возбудившіе въ васъ какой-либо интересъ, то они пропадаютъ безслѣдно, точно утонули въ морѣ, или упали въ бездонную пропасть.

Друо спокойно слушалъ княгиню съ улыбкою на устахъ и когда она кончила, то возразилъ ей:

— Вы раздражены, княгиня, и совершенно несправедливо относитесь къ окружающей насъ природѣ; между тѣмъ стоитъ только взглянуть въ это окно, какъ тотчасъ можно убѣдиться въ томъ, что вы совершенно неправы.

— А вы хотите быть постоянно правымъ,—сердито сказала она и затѣмъ обратилась съ какимъ-то приказаніемъ къ мадамъ Бертенъ, продолжавшей заниматься своимъ дѣломъ и во время разговора княгини съ генераломъ. Потомъ снова повернувшись къ генералу Паулина продолжала:—Если-бы вы знали, Друо, мое нетерпѣніе, то постарались-бы принести мнѣ дѣйствительную пользу, вмѣсто того, чтобы давать одни только совѣты.

— Что же мнѣ дѣлать, дорогая княгиня? Если бы у меня были мои пушки, какъ въ прежнее время, то я велѣлъ-бы разорвать неприступныя скалы, лишь бы открыть убѣжище вашей таинственной принцессы, но такъ какъ теперь...

— Что-же теперь?—строго спросила княгиня.

— Теперь слѣдуетъ имѣть терпѣніе и смотрѣть на вещи болѣе равнодушно, нечего дѣлать!—пояснилъ Друо.

— Вы говорите какъ нѣмецъ, а не какъ французъ и при этомъ забываете нетерпѣніе императора.

— Быть можетъ, онъ давно забылъ о ней,—замѣтилъ Друо.

— Нѣтъ, я хорошо знаю характеръ императора и вполнѣ увѣрена, что онъ очень интересуется этою особою.

— Мнѣ кажется, что вы преувеличиваете, княгиня,— снова возразилъ генералъ.

— Нисколько. Вы отъ него самого услышите подтвержденіе моихъ словъ.

— Мнѣ, вѣроятно, долго придется этого ждать и я не думаю, чтобы вы были правы. Когда я оставилъ императора, съ нимъ были два архитектора, которымъ онъ показывалъ планы и вѣроятно они совершенно изгладятъ изъ его памяти прекрасную незнакомку.

— А я говорю вамъ, что вы ошибаетесь; я поѣду въ городъ, такъ какъ вполнѣ увѣрена, что императоръ ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, а вы должны быть свидѣтелемъ нашего разговора и тогда вполнѣ убѣдитесь, что я права.

— Хорошо, княгиня, хорошо!—воскликнулъ Друо и затѣмъ всталъ съ своего мѣста, такъ какъ прическа княгини была окончена и она должна была надѣвать платье и потому генералу пришлось выйти въ другую комнату.

— Возьмите съ собою Пьерро,—сказала княгиня, передавая ему обезьяну,—и посадите ее опять на цѣпь.

Друо ушелъ въ будуаръ и исполнилъ порученіе Паулины, затѣмъ сталъ играть съ обезьяной.

— Вотъ и я!—воскликнула княгиня, войдя уже совершенно одѣтою въ будуаръ, гдѣ былъ Друо.

— Вы сегодня не въ духѣ,—замѣтилъ генералъ, при-

ближаясь къ княгинѣ и обвивъ рукою ея талію, такъ какъ въ комнатѣ никого не было.

— Неужели? спросила она,

— Совершенно вѣрно. Вы стали бранить и островъ Эльбу, а развѣ можетъ быть онъ противенъ, когда на немъ живетъ такая женщина, какъ моя прелестная Паулина.

— Какъ вы любезны!—сказала княгиня, засмѣявшись,— подобный комплиментъ заслуживаетъ благодарности. Съ этими словами она положила обѣ руки на плечи генералу и нѣжно поцѣловала его. Друо возвратилъ ей поцѣлуй.

У нихъ зашелъ снова разговоръ о прелестной незнакомкѣ и Паулина стала предостерегать Друо, чтобы онъ не увлекся красотою этой очаровательной дѣвушки. Генералъ, конечно, сталъ увѣрять княгиню, что никогда не промѣняетъ свою Паулину на какую нибудь другую женщину.

— Однако, не думаю, чтобы ты былъ правъ относительно моего брата,—сказала княгиня.

Паулина и ея собесѣдникъ до такой степени увлеклись разговоромъ, что, стоя у открытаго окна, не слыхали шума отворившейся двери и были крайне удивлены, когда позади нихъ раздался знакомый голосъ:

— А можно мнѣ узнать почему онъ неправъ?

Бесѣдовавшіе поклонились Наполеону, смотрѣвшему на нихъ съ улыбкою.

Паулина, обрадованная посѣщеніемъ брата, подтверждавшимъ ея слова, захлопала въ ладоши и сказала:

— Онъ не вѣрилъ, что ваше величество сегодня сдѣлаетъ мнѣ честь посѣтить меня въ такой ранній часъ.

— Что это значитъ? сказалъ Наполеонъ, опускаясь на стулъ,—объясни точнѣе.

Княгиня разсказала брату свой предъидущій разговоръ съ Друо.

Наполеонъ и генералъ засмѣялись и первый сказалъ:

— Да, она права, Друо, совершенно права. Я именно

пришелъ узнать не имѣетъ ли княгиня какихъ либо свѣдѣній о вчерашнихъ незнакомкахъ.

— А между тѣмъ,—возразила княгиня,—мнѣ рѣшительно ничего не удалось узнать о нихъ, такъ какъ на этомъ противномъ островѣ не добиться никакого толку и я ничего не могу сообщить вамъ утѣшительнаго.

— Вы шутите, ваша свѣтлость?—замѣтилъ Наполеонъ.

— Нисколько, ваше императорское величество,—отвѣтила Паулина.

— И такъ ты въ самомъ дѣлѣ ничего не узнала?—серьезно спросилъ императоръ.

— Рѣшительно ничего.

— Слѣдовательно, со вчерашняго дня мы не подвинулись не на шагъ впередъ? снова спросилъ Наполеонъ.

— Совершенно вѣрно, ваше величество,—отвѣтила Паулина.

— Тогда подождемъ болѣе удобнаго случая,—замѣтилъ онъ, подошелъ къ окну и сталъ ласкать обезьяну.

— Вамъ слѣдуетъ, ваше величество, смѣнить генералъ-губернатора Эльбы; онъ дурно исполняетъ возложенную на него обязанность,—замѣтила княгиня, бросивъ взглядъ на Друо.

— Это не было бы для него наказаніемъ,—сказалъ Наполеонъ, тогда онъ могъ бы отправиться туда, гдѣ свѣтитъ солнце Франціи—и въ свою очередь бросилъ многознаменательный взглядъ на Друо.

— Простите, государь, если осмѣлюсь противоречить вашимъ словамъ. Я полагаю, что солнце Франціи свѣтитъ тамъ, гдѣ находится ея императоръ,—сказалъ онъ, кланяясь Наполеону.

— Ты льстишь, Друо. Солнце Франціи скрылось за скалами Эльбы,—серьезно сказалъ онъ.

— Друо правъ,—замѣтила Паулина.

— Мы на островѣ Эльбѣ, а не во Франціи,- серьезно сказалъ Наполеонъ.

Княгиня поняла, что императоръ не желаетъ продолжать этой бесѣды и потому постаралась дать другой оборотъ разговору.

— Однако, мы тутъ болтаемъ,—замѣтила она,—а я совершенно и забыла, что мои гости вѣроятно еще и не завтракали.

— Ты совершенно права, Паулина. Я пришелъ изъ города пѣшкомъ и моціонъ возбудилъ во мнѣ хорошій аппетитъ,—сказалъ Наполеонъ.

Княгиня вышла изъ комнаты, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія.

— Довольны вы планами относительно постройки, ваше величество?—спросилъ Друо оставшись одинъ съ Наполеономъ.

— Да, Друо, но только эта постройка будетъ стоить очень дорого и мнѣ не по средствамъ, такъ что придется пока отъ нея отказаться.

Затѣмъ они перешли въ разговору о текущихъ событіяхъ. Наполеонъ сталъ излагать свои предположенія и мысли, а Друо почтительно слушалъ его.

Рѣчь императора была прервана появленіемъ княгини, пригласившей ихъ завтракать.

Часъ спустя Паулина отправилась вмѣстѣ со своимъ братомъ въ сопровожденіи Друо въ Порто-Феррайо.

III.

Аббатъ.

Было 6 часовъ вечера. Набережная Порто Феррайо наполнилась праздношатающимися. Это мѣсто служило прогулкою для жителей города въ особенности послѣ жаркаго дня, при закатѣ солнца; собиралась толпа народа, желавшая насла-

диться свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Однако въ этотъ вечеръ собралось публики болѣе обыкновеннаго, такъ какъ ожидали прибытія англійскаго судна; это послѣднее приближалось довольно быстро. Дулъ попутный ветеръ, изъ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы и приближающаяся яхта отвѣчала на нихъ. Вскорѣ затѣмъ она вошла въ гавань и бросила якорь; навстрѣчу вышло множество лодокъ, затѣмъ черезъ нѣсколько времени причалила первая лодка съ пассажирами; на нихъ всѣ смотрѣли съ напряженнымъ любопытствомъ; нѣкоторые изъ гуляющихъ явились встрѣчать друзей и знакомыхъ и старались пробраться впередъ. Часъ спустя уже всѣ пассажиры были перевезены съ яхты на берегъ; большая часть изъ нихъ стояли отдѣльно, тѣснясь другъ къ другу, какъ новички въ школѣ. Между ними были и статскіе и военные. Были французы и американцы, а въ особенности много англичанъ, которыхъ сейчасъ можно было узнать по ихъ странной одеждѣ и по ихъ оригинальнымъ манерамъ; были также и итальянцы, и поляки, и венгерцы. Видно было и нѣсколько нѣмцевъ туристовъ и художниковъ, побывавшихъ въ Италіи и завернувшихъ по пути на островъ Эльбу. Въ то время этотъ островъ пользовался большою популярностью, такъ какъ тамъ жилъ императоръ Франціи.

Между праздношающимися по набережной можно было замѣтить прогуливающагося взадъ и впередъ господина лѣтъ пятидесяти, одѣтаго очень просто; онъ, казалось, такъ-же какъ и другіе гулялъ по набережной отъ нечего дѣлать, а между тѣмъ отъ его зоркихъ глазъ не укрывался ни одинъ прохожій, ни одинъ изъ новоприбывшихъ пассажировъ англійскаго судна. Самъ-же онъ безпрестанно раскланивался то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ этого можно было заключить, что онъ принадлежитъ къ жителямъ Порто Феррайо. Этотъ господинъ въ особенности, казалось, слѣдилъ за пассажирами, которыхъ встрѣчалъ кто либо изъ офицеровъ отряда императора, прислушивался къ ихъ разговору и отъ его тонкаго

слуха не ускользнуло ни одного слова. Между пассажирами былъ еще и французскій аббатъ. Казалось, онъ кого-то искалъ бросая по сторонамъ тревожные взгляды, что, конечно, не укрылось отъ глазъ зоркаго наблюдателя, который пошелъ вслѣдъ за аббатомъ, видѣлъ какъ тотъ обрадовался, замѣтивъ въ толпѣ одного изъ офицеровъ императорскаго отряда, хотя и не подошелъ къ нему, а только обмѣнялся съ нимъ какими-то знаками; шпіонъ продолжалъ слѣдить за аббатомъ, видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ одну изъ гостинницъ города и самъ также послѣдовалъ за нимъ, затѣмъ велѣлъ кельнеру подать себѣ на веранду бутылку вина, сѣлъ за отдѣльный столикъ, къ нему присоединился еще какой-то знакомый и унихъ завязался разговоръ о новоприбывшемъ аббатѣ; но и во время разговора этотъ господинъ продолжалъ слѣдить за всѣми входящими въ гостинницу. Когда же стало совершенно темно, онъ вышелъ изъ гостинницы, стоявшей на городской площади узкой и длинной, на одномъ изъ концовъ которой была построена главная церковь города; зоркій шпіонъ направился къ этой церкви и сталъ на ступени паперти, не спуская глазъ съ входной двери гостинницы; когда-же огни въ домахъ были погашены и на площади водворилась полная тишина, онъ снова направился небольшими шагами къ гостинницѣ, спрятался у веранды и снова вперилъ свой зоркій взоръ на входную дверь. Прошло около получаса, вокругъ все было тихо и спокойно: не слышалось ни стука экипажей, ни шаговъ запоздавшаго прохожаго; темная октябрьская ночь окутала островъ, на небѣ не видно было ни луны, ни звѣздъ. Наблюдатель, спрятавшійся у веранды, хотѣлъ было уже оставить свой постъ, какъ вдругъ дверь тихо отворилась и показалась темная фигура, закутанная въ плащъ. Человѣкъ этотъ нѣсколько времени постоялъ на верандѣ, посмотрѣлъ осторожно по сторонамъ, затѣмъ спустился со ступеней и очутился на площади. Постоявъ нѣсколько времени, онъ какъ-бы раздумывалъ, куда ему идти, потомъ направился не-

рѣшительными шагами къ дому губернатора, поднимаясь вдоль улицы, идущей въ гору; все это навело шпіона на мысль, что этотъ закутанный въ плащъ мужчина долженъ быть одинъ изъ пріѣзжихъ иностранцевъ и потому сталъ слѣдить за нимъ. Порто-Феррайо—городъ горный; улицы тамъ то спускаются, то поднимаются, что, конечно, крайне неудобно какъ для ходьбы, такъ и для ѣзды. Человѣкъ въ плащѣ шелъ медленно, такъ что за нимъ легко было слѣдить; но вотъ они дошли до императорскаго дворца, тутъ чужестранецъ остановился, какъ-бы желая отдохнуть отъ тяжелой дороги въ гору, за тѣмъ обошелъ зданіе и повернулъ къ тому флигелю, гдѣ помѣщалась свита Наполеона. Въ одномъ изъ оконъ виднѣлся свѣтъ. Человѣкъ въ плащѣ остановился и хлопнулъ въ ладоши.

Во дворцѣ вѣроятно ожидали его прихода; черезъ нѣсколько мгновеній въ окнѣ исчезъ свѣтъ, въ каменной стѣнѣ отворилась дверь, кто-то вышелъ оттуда, переговорилъ съ пришедшимъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ вошелъ во дворецъ.

Шпіонъ замѣтилъ все это и лишь только дверь въ стѣнѣ затворилась за ушедшими, какъ онъ обошелъ дворецъ со стороны сада и пристани, куда и выходили окна рабочаго кабинета Наполеона; окна этой комнаты были низки и не закрывались ставнями, а только завѣшивались занавѣсами; обыкновенно Наполеонъ всегда открывалъ одну изъ половинъ котораго нибудь изъ оконъ, такъ что легко было видѣть не только что дѣлается въ кабинетѣ, но даже и уловить нѣсколько словъ. Садъ былъ окруженъ стѣною, вдоль которой были разставлены часовые, но шпіонъ, какъ человѣкъ находчивый, отыскалъ удобное въ стѣнѣ мѣсто, довольно отдаленное отъ стражи, перелѣзъ въ садъ и направился къ тому мѣсту, куда выходили окна рабочаго кабинета Наполеона. Тутъ ему удалось укрыться въ густомъ кустарникѣ. Одно изъ оконъ императорскаго кабинета было отворено настежъ, и занавѣси подняты; въ комнатѣ все было тихо.

знакъ того, что императоръ сидѣлъ одинъ. Прошло четверть часа, явился слуга и доложилъ Наполеону, что пришелъ человѣкъ, привезшій депеши, затѣмъ снова вышелъ. Императоръ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ открытому окну, заглянулъ въ садъ, потомъ заперъ окно и спустилъ занавѣси Подсматривать и подслушивать уже было невозможно и шпіону пришлось выйти изъ своей засады; ему счастливо удалось пробраться обратною дорогою и перелѣзть черезъ стѣну, не обративъ на себя вниманія стражи.

Между тѣмъ въ кабинетъ Наполена вошелъ аббатъ и остановился у порога. Императоръ пристально посмотрѣлъ на вошедшаго

— Какъ, аббатъ? — спросилъ Нополеонъ удивленнымъ тономъ.

— Только въ его одеждѣ, ваше величество, — сказалъ новопришедшій и подошелъ ближе; свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей прямо упалъ ему въ лицо.

— Что это? шевалье Шабулонъ въ одеждѣ аббата?

— Мнѣ необходимо было, ваше величество, укрыться отъ взоровъ шпіоновъ, которые окружаютъ насъ.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ. Вы привезли мнѣ депеши?

— Да, государь. Ея величество королева Гортензія удостоила меня чести передать отъ нея письмо въ собственныя руки вашего величества.

Съ этими словами посланный вынулъ запечатанный конвертъ и подалъ его императору.

— Отъ Гортензіи?—спросилъ Наполеонъ, пріятно пораженный, взялъ письмо, отошелъ къ письменному столу, распечаталъ и сталъ читать.

Пробѣжавъ письмо онъ обратился къ шевалье:

— Вы привезли мнѣ очень радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ важное извѣстіе, милый шевалье, благодарю васъ.

Онъ протянулъ руку мнимому аббату.

— Это первое письмо, полученное мною отъ Гортензіи съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Францію. Я вполнѣ цѣню преданность королевы ко мнѣ, и удивляюсь ея уму и мужеству.

— Повѣрьте, ваше величество, что если число преданныхъ вамъ людей не велико, но всѣ мы готовы жертвовать за васъ жизнію. Мы вполнѣ сознаемъ, что Франція безъ Наполеона только одинъ остовъ того, чѣмъ она могла бы быть подъ вашимъ мудрымъ правленіемъ.

— Да, дѣйствительно, я теперь нуженъ Франціи, болѣе чѣмъ когда либо,—отвѣтилъ Наполеонъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Затѣмъ императоръ отпустилъ шевалье, совѣтуя ему хорошенько отдохнуть съ дороги.

Конечно, ни шевалье, ни императоръ не подозрѣвали, что визитъ перваго во дворецъ станетъ извѣстенъ шпіонамъ и разрушитъ планы Наполеона и его приверженцевъ.

IV.

Синьоръ Джіунти и мистеръ Грэнтъ.

Ночь совершенно вступила въ свои права; повсюду воцарилась тишина и безмолвіе; даже самое море было тихо и безмятежно, какъ будто и оно искало отдыха и покоя; огни въ домахъ были погашены и только въ нѣкоторыхъ окнахъ императорскаго дворца и въ помѣщеніи офицеровъ, составляющихъ отрядъ тѣлохранителей Наполеона свѣтился огонь: тамъ вѣрно ни днемъ, ни ночью не знали покоя и не искали отдыха...

Также въ одномъ изъ небольшихъ домиковъ—близъ гавани, виденъ еще былъ свѣтъ. Тамъ въ небольшой комнатѣ сидѣлъ тотъ самый человѣкъ, который встрѣчалъ пассажирскую яхту и слѣдилъ потомъ за аббатомъ. Онъ сидѣлъ за

столомъ съ развернутымъ бумажникомъ, изъ котораго вынималъ письма, записочки, счеты, адреса и даже деньги. Болѣе часу провелъ онъ перечитывая письма и записки и помѣчая все это особымъ ему одному извѣстнымъ шифрованнымъ письмомъ, какъ вдругъ въ дверь постучались; шпіонъ уложилъ все это въ бумажникъ и отворилъ.

— А это вы, Грэнтъ, — привѣтствовалъ онъ поздняго гостя.

— Какъ видите, — отвѣчалъ новопришедшій, садясь у стола.

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, высокій, худой, съ большими мускулистыми руками; въ немъ сейчасъ можно было узнать англичанина, въ особенности по тому странному акценту, съ какимъ онъ говорилъ по-итальянски.

Новоприбывшій обратился къ хозяину съ слѣдующими словами:

— А вамъ извѣстно, синьоръ Джіунти, что тамъ, — при этомъ онъ указалъ большимъ пальцемъ по направленію къ императорскому дворцу, — ожидаютъ гонцовъ изъ Италіи и Франціи?

Синьоръ Джіунти сдѣлалъ гримасу и отвѣтилъ:

— А я уже видѣлъ одного изъ этихъ гонцевъ.

Англичанинъ промычалъ что то похожее на «Yes».

— Впрочемъ, — продолжалъ Джіунти, — если откуда и грозитъ опасность, такъ это изъ Франціи, но только ужъ не изъ Италіи, я этого никакъ не допущу, — и онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Развѣ вы имъ можете помѣшать?—со смѣхомъ спросилъ англичанинъ. Впрочемъ, какое вамъ до этого дѣло?

— Очень большое; я ненавижу этого человѣка и скорѣе готовъ проложить ему дорогу къ гильотинѣ, чѣмъ очистить путь къ трону.

— Въ этомъ отношеніи вы солидарны съ европейскими коронованными особами. Однако, вы не очень-то увлекайтесь,

вѣдь и у императора есть шпіоны. Вы свою голову ставите на карту.

— Меня ничего не удержитъ сдѣлать ему столько зла, сколько только это отъ меня зависитъ, запальчиво сказалъ Джіунти.

— Однако, Наполеонъ видно очень насолилъ вамъ? — спросилъ Грэнтъ.

— Я былъ зажиточнымъ купцомъ въ Ливорно, меня всѣ любили и уважали, а по милости этого авантюриста я потерялъ все и сдѣлался нищимъ; теперь я переселился сюда и благодаря неустаннымъ трудамъ и бережливости скопилъ себѣ немного денегъ и купилъ этотъ домишко—все, что я имѣю. Неужели я долженъ оставаться равнодушенъ и не трогать этого злодѣя.

— Да, синьоръ Джіунти, вы правы, совершенно правы. Я также ненавижу этого человѣка. По его милости и я впалъ въ нищету; у меня, какъ и у васъ, ничего не осталось.

Оба товарища по несчастію подали другъ другу руки.

— Я стерегу его день и ночь,—сказалъ англичанинъ,— и отъ меня ничего не укроется.

Съ этими словами мистеръ Грэнтъ открылъ бумажникъ и отсчиталъ Джіунти нѣсколько штукъ французскихъ банковыхъ билетовъ.

— Вотъ это вамъ задатокъ, но не щадите ни трудовъ ни денегъ, лишь бы только добиться успѣха; старайтесь, однако, быть осторожнымъ, чтобы намъ не попасться въ просакъ.

Съ этими словами англичанинъ всталъ съ своего мѣста и подавъ на прощанье руку синьору Джіунти, ушелъ отъ него.

V.

Tempi passati.

Полковникъ Бордони принадлежалъ къ числу храбрыхъ сподвижниковъ Наполеона. Ему-то туринскіе бонапартисты поручили переговорить съ ихъ генуэзскими единомышленниками, такъ какъ положено было пронозгласить Наполеона императоромъ Италіи. Устроивъ дѣла въ Генуа, Бордони отправился въ Ливорно. Тамъ онъ посѣтилъ Джуліо Монте, вождя патріотической партіи, къ которому у него было рекомендательное письмо отъ Маррота, одного изъ ярыхъ патріотовъ въ Туринѣ. Монте принялъ Бордони самымъ дружескимъ образомъ и отнесся весьма сочувственно къ идеѣ провозгласить Наполеона императоромъ Италіи, поэтому Бордони порѣшилъ отправиться съ первымъ судномъ на островъ Эльбу и сообщить Наполеону о намѣреніяхъ итальянцевъ. Живя въ Ливорно, Бордони познакомился и съ женою Монте, которая, узнавъ, что полковникъ отправляется на островъ Эльбу, попросила его передать письмо живущей тамъ одной изъ своихъ подругъ, также ярой патріоткѣ.

Прибывъ на островъ Эльбу, Бордони тотчасъ же отправился къ Друо и просилъ генерала представить его императору. Генералъ обѣщалъ ему это. Въ тотъ же день, вечеромъ, Бордони получилъ записку отъ Друо, что императоръ желаетъ видѣть его, Бордони, на вечерѣ у княгини Боргезе.

У княгини Боргезе обыкновенно собирались по вторникамъ; на эти вечера приглашались по большей части приближенные княгини и императора, а иногда и знатные иностранцы, посѣщавшіе островъ Эльбу. Княгинѣ также очень хотѣлось пригласить и ту прекрасную иностранку, которую она видѣла въ театрѣ, но не смотря на всѣ старанія Друо, нигдѣ не могли отыскать таинственной незнакомки. Паулина

велѣла принести себѣ списокъ всѣхъ знатныхъ иностранцевъ, живущихъ на островѣ Эльбѣ, думая найти слѣдъ этой красавицы, но и то было напрасно, имена всѣхъ значащихся въ спискѣ лицъ она знала, многіе изъ нихъ посѣщали ея званые вечера. Нѣскозько разъ перечитывала княгиня принесенный ей Друо списококъ и наконецъ, отложивъ его въ сторону, стала смотрѣть въ окно на гладкую поверхность моря.

Въ это время Наполеонъ вошелъ къ ней.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ, засмѣявшись, что ты все еще ломаешь себѣ голову относительно этой красивой дѣвушки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Паулина,—ты ошибаешься.

— Однако, списокъ лежитъ около тебя,—замѣтилъ Наполеонъ.

— Онъ мнѣ просто попался подъ руку; но увѣряю тебя, что я даже теперь вовсе о ней и не думаю.

— И ты совершенно права, не стоитъ мучить себя изъза такихъ пустяковъ. А вотъ посмотри лучше, что я тебѣ принесъ.

Наполеонъ передалъ сестрѣ письмо.

— Ахъ, это отъ нашей chère mère,—воскликнула княгиня.

— Она располагаетъ пріѣхать къ намъ погостить,—сказалъ Наполеонъ.

— Вотъ это прекрасно!—воскликнула княгиня,—это будетъ для насъ маленькое разнообразіе.

— Сегодня, вечеромъ, тебѣ придется принять нѣсколько новыхъ лицъ,—замѣтилъ Наполеонъ послѣ небольшой паузы.

— Да, я видѣла списокъ ихъ фамилій, только бы эти люди не оказались особенно скучными,—сказала она.

— Между ними будетъ одинъ итальянецъ, полковникъ Бордони. Этотъ человѣкъ замѣчателенъ какъ своею храбростью, такъ и своею любезностью, онъ будетъ совершенно въ твоемъ духѣ.

— Тогда я буду съ нетерпѣніемъ ожидать вечера.

— Берегись только, чтобы твое легко воспламеняющееся сердце не потерпѣло бы пораженія.

— Развѣ съ дамами говорятъ о «пораженіи»; съ ними обыкновенно заводятъ рѣчь только о «побѣдахъ».

— Но не забудь, Полина, что «побѣда» какъ для тебя, такъ и для меня «Tempi possati»—вздохнувъ замѣтилъ онъ и вставъ съ своего мѣста, подалъ руку княгинѣ и направился къ двери.

Эти два итальянскихъ слова произвели дурное впечатлѣніе на княгиню. Дѣйствительно, она сознавала, что годы безвозвратно уносятъ ея молодость и красоту, а между тѣмъ ея сердце все еще оставалось такимъ же юнымъ, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

VI.

Вечеръ у княгини Боргезе.

Вечера у княгини Боргезе начинались обыкновенно въ девять часовъ; приглашенные собирались въ особо назначенныхъ для этого покояхъ императорскаго дворца, такъ какъ было сказано выше, что княгиня Боргезе кромѣ виллы Сенъ-Мартино имѣла еще помѣщеніе и во дворцѣ брата; это помѣщеніе находилось въ одномъ изъ пристроенныхъ Наполеономъ флигелей и къ нему велъ особый подъѣздъ.

Въ тотъ вечеръ, около девяти часовъ, всѣ уже собрались въ гостиныхъ, не исключая и Бордони и ожидали княгиню.

Ровно въ девять часовъ явилась Паулина, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ дамъ. Костюмъ ея свѣтлости отличался роскошью и изяществомъ; въ этотъ вечеръ ея усердная каммерфрау не пощадила ни трудовъ, ни знанія, лишь бы одѣть княгиню къ лицу и всякій, кому не были извѣстны

сокровенныя тайны туалета княгини, сказалъ бы, что время не оставило никакихъ слѣдовъ на лицѣ прекрасной Паулины...

Княгиня привѣтствовала своихъ гостей съ самою любезною улыбкою; Друо подвелъ къ ней полковника Бордони.

— Позвольте мнѣ, ваша свѣтлость, представить вамъ полковника Бордони, моего бывшаго товарища по оружію.

Паулина взглянула на него, слегка кивнула головой и сказала:

— Мнѣ очень пріятно васъ видѣть у себя, полковникъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я слышала, вы поселитесь у насъ совсѣмъ. Вѣроятно нашъ островъ вамъ нравится.

— Ваша свѣтлость совершенно правы,—отвѣтилъ полковникъ.

— Но уединеніе нашей скалистой страны васъ не испугало?—спросила она.

— Напротивъ, ваша свѣтлость, я постоянно стремился сюда и очень доволенъ, что буду дышать однимъ воздухомъ съ моимъ императоромъ.

— Надѣюсь, полковникъ, что потомъ вы мнѣ разскажете о вашемъ путешествіи.

Съ этими словами она еще разъ кивнула головою Бордони и отошла къ группѣ разговаривающихъ дамъ.

Княгиня произвела на полковника самое благопріятное впечатлѣніе: она была мила и любезна со своими гостями и въ то же время въ ней было столько сознанія своего собственнаго достоинства, что всякій чувствовалъ къ ней какое-то особенное уваженіе.

Поговоривъ съ дамами, княгиня вышла изъ залы и, направившись въ одну изъ гостиныхъ, очутилась съ глазу на глазъ съ Бордони; она опустилась въ одно изъ креселъ и граціознымъ движеніемъ руки указала мѣсто полковнику подлѣ себя.

У нихъ зашелъ разговоръ о нравахъ и обычаяхъ наро-

довъ, живущихъ въ сѣверной Германіи и Россіи; она знала отъ Друо, что Бордони участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, данныхъ въ этихъ странахъ. Эта тема разговора представляла богатый матеріалъ, и должна была быть пріятна Бордони, такъ какъ напоминала ему о славѣ, пріобрѣтенной имъ на полѣ сраженія. Паулинѣ во что бы ни стало хотѣлось доказать своему брату, что онъ былъ неправъ, что она еще можетъ нравиться и увлекать сердца. Ихъ разговору никто не мѣшалъ; нѣкоторые гости были заняты своими разговорами, другіе же изъ вѣжливости не хотѣли прерывать княгини и потому она, увлекшись бесѣдою, не замѣчала какъ летѣло время.

Но вотъ въ залу вошли три музыканта: одинъ несъ арфу, другой скрипку, а третій подошелъ къ фортепіано, стоявшему у стѣны. Вниманіе гостей, конечно, обратилось на артистовъ, въ особенности же интересная наружность скрипача не могла остаться незамѣченною. Ему было около тридцати лѣтъ отъ роду. Въ его походкѣ и поклонѣ публикѣ видно было какое-то нервное безпокойство; войдя въ залу артистъ окинулъ огненнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ всѣхъ присутствующихъ и затѣмъ скорыми шагами направился къ фортепіано и сталъ настраивать свою скрипку, не обращая ни малѣйшаго вниманія на собравшихся гостей.

Музыканты уже заняли свои мѣста, а княгиня все еще не выходила изъ гостиной. Гости съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на дверь, изъ которой должна была появиться Паулина. Наконецъ, гофмаршалъ шевалье Дюпонъ рѣшился напомнить княгинѣ о предстоящемъ концертѣ, о которомъ она совершенно забыла, увлекшись интереснымъ разговоромъ съ полковникомъ Бордони.

Войдя въ залу, княгиня опустилась въ кресло, указавъ Бордони мѣсто вблизи себя, но полковникъ предпочелъ лучше остаться стоять за кресломъ ея свѣтлости. По знаку данному гофмаршаломъ, музыканты начали играть. Самымъ луч-

шимъ исполнителемъ изъ этихъ трехъ артистовъ былъ скрипачъ. Княгиня пожелала, чтобы по окончанiи трiо онъ исполнилъ бы что нибудь одинъ на своей скрипкѣ. Когда первая пьеса была кончена, то послѣ небольшаго отдыха виртуозъ сталъ играть одну изъ пьесъ своего сочиненiя. Все смолкло въ залѣ; казалось, что всѣ присутствующiе притаили дыханiе, только-бы не проронить ни одной ноты этой божественной музыки. Скрипка буквально пѣла подъ смычкомъ генiальнаго исполнителя. Но вотъ звуки стали раздаваться все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ замерли. Мертвая тишина царствовала въ залѣ, всѣ еще находились подъ влiянiемъ чарующихъ звуковъ скрипки; княгиня очнулась первая и стала аплодировать, ея примѣру послѣдовали и остальные. Въ это время раздалось откуда то: «императоръ» и дѣйствительно Наполеонъ показался въ дверяхъ; всѣ встали привѣтствовать вошедшаго. Оказалось, что Наполеонъ пришелъ еще въ началѣ пьесы, но не желая мѣшать мастерскому исполненiю виртуоза скрылся за портьерой. Знаменитый скрипачъ—это былъ Николо Паганини, получилъ самые лестные отзывы о своей игрѣ какъ отъ императора, такъ и отъ княгини. Артистъ исполнилъ еще двѣ—три пьесы съ одинаковымъ искусствомъ. Музыканты, осыпанные похвалами, оставили залъ.

По окончанiи концерта Наполеону были представлены нѣкоторые изъ гостей, между ними было нѣсколько англичанъ. Императоръ обошелся съ ними очень ласково. хвалилъ ихъ государственныя учрежденiя, нравы и обычаи ихъ страны.

Наконецъ Друо подвелъ полковника Бордони къ императору. Наполеонъ удалился съ нимъ въ сосѣднюю комнату и сказалъ:

— Я слышалъ, что вы прiѣхали изъ Италiи?

— Да, государь.

— Вѣроятно, вы привезли оттуда кучу новостей?

— Точно такъ, государь, и я былъ бы очень счастливъ, если бы вы мнѣ позволили сообщить ихъ вамъ.

— Вы желаете сообщить ихъ мнѣ?

— Въ этомъ и заключается мое порученіе.

— Ваше порученіе? — спросилъ Наполеонъ удивленнымъ тономъ и вопросительно глядя на Бордони.

— Да, государь.

Наполеонъ помолчалъ нѣсколько минутъ и затѣмъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Завтра вечеромъ, послѣ девяти часовъ, я васъ буду ждать въ моемъ рабочемъ кабинетѣ.

Бордони поклонился.

— Теперь пойдемте въ залъ, — сказалъ Наполеонъ вставая, — насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ шпіоны. Я и то замѣтилъ въ числѣ гостей одного австрійца, слѣдуетъ его остерегаться.

Войдя въ залъ, Наполеонъ поговорилъ нѣсколько минутъ съ Друо и другими лицами, затѣмъ онъ пожелалъ, чтобы ему представили и австрійца.

— Я очень радъ, — сказалъ онъ этому послѣднему, — что въ числѣ гостей вижу и представителя германской націи, славящейся своими поэтами и учеными.

— Ваше величество очень милостивы, — проговорилъ удивленный баронъ.

Затѣмъ австріецъ очень ловко перевелъ разговоръ на современную политику, но Наполеона трудно было поймать въ ловушку, онъ круто оборвалъ австрійца.

— Оставьте политику, мой любезный баронъ. Салонъ моей сестры крайне неудобное мѣсто для подобныхъ разговоровъ. Быть можетъ, я опять буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, chèr baron...

Съ этими словами Наполеонъ кивнулъ ему головою и отошелъ въ сторону къ Друо, говорившему съ Паулиною.

— Какъ вы нашли австрійца, ваше величество? — спросилъ императора генералъ.

— Это нѣмецъ чистѣйшей воды, — отвѣтилъ Наполеонъ саркастическимъ тономъ.

Всѣ трое посмѣялись надъ австрійцемъ, желавшимъ поймать Наполеона въ ловушку.

Было уже поздно и вечеръ приближался къ концу. Наполеонъ, княгиня и Друо вышли изъ зала въ гостиную; это было знакомъ для гостей, что пора разъѣзжаться.

Когда Наполеонъ остался одинъ съ сестрою и Друо, то, обратясь къ княгинѣ, онъ сказалъ:

— Я теперь прощусь съ вами, Паулина, и долженъ попросить у васъ извиненія. что завтра на цѣлый день отниму отъ васъ вашего друга.

— Какъ такъ?—спросила Паулина.

— Завтра я съ самаго ранняго утра ѣду съ Друо въ Лонгоне и останусь тамъ цѣлый день.

— Цѣлый день?—спросила княгиня нѣсколько удивленная.

— По крайней мѣрѣ я такъ располагаю. Но успокойтесь, княгиня, мы постараемся во всѣхъ уголкахъ поискать вашу таинственную красавицу; быть можетъ даже намъ удастся собрать о ней кой-какія свѣдѣнія.

— При такихъ условіяхъ я отпускаю васъ на цѣлый день, но только берегитесь, чтобы мнѣ не пришлось бранить васъ.

— Не торопитесь, княгиня, быть можетъ намъ и удастся вернуться съ тріумфомъ,—замѣтилъ Наполеонъ.

Всѣ трое были въ самомъ веселомъ расположеніи духа и разошлись по своимъ спальнямъ.

Княгиня въ особенности была довольна; она давно не бесѣдовала такъ пріятно какъ въ этотъ вечеръ съ Бордони и мечтала о томъ, что и въ будущемъ ей предстоитъ немало удовольствія въ обществѣ интереснаго полковника.

VII.

Пріятное открытіе.

Было еще очень рано, когда Наполеонъ сѣлъ верхомъ на приготовленную ему лошадь и отправился въ Лонгоне. Его сопровождалъ Друо и позади нихъ ѣхалъ слуга также верхомъ. Весело болтая, выѣхали они изъ города и направились по дорогѣ въ Лонгоне, до котораго было всего два часа ѣзды.

Утро было великолѣпное; осеннее солнце свѣтило ярко, но уже далеко не было такъ жарко и знойно какъ лѣтомъ; дулъ легкій морской вѣтеръ.

Порто-Лонгоне лежитъ на югозападномъ берегу острова и считается вторымъ городомъ на Эльбѣ по величинѣ. Тамъ есть крѣпость, построенная въ царствованіе Филиппа IV и Филиппа V испанцами; самый же городъ лежитъ у морской бухты. Не смотря, однако, на ранній часъ, по дорогѣ попадались поселяне въ своихъ шерстяныхъ курткахъ и фригійскихъ шапкахъ.

Проѣхавъ около часу, Наполеонъ пожелалъ остановиться.

— Отдохнемъ здѣсь немного,—сказалъ императоръ своему спутнику, и полюбуемся живописнымъ мѣстоположеніемъ этой чудной долины. Тамъ я вижу дома, это должно быть какое нибудь мѣстечко. Сдѣлаемъ небольшой кругъ и проѣдемъ туда. Дорога, кажется, должна быть сносна.

Всадники пришпорили лошадей и пустились снова въ путь. Проѣхавъ небольшое разстояніе, они замѣтили построенный на возвышеніи загородный домъ, окруженный цвѣтникомъ и апельсиновыми деревьями.

— Да тутъ живутъ не одни пастухи, — замѣтилъ Наполеонъ, указывая на загородный домъ.—Здѣсь я, конечно, могу утолить жажду вкуснымъ и сочнымъ виноградомъ и

испытать на дѣлѣ выхваляемое всѣми гостепріимство этихъ островитянъ.

Подъѣхавъ ближе къ дому, Наполеонъ приказалъ сопровождавшему его слугѣ зайти къ хозяевамъ и попросить для путешественниковъ корзинку винограда, не называя впрочемъ ихъ имени.

Черезъ четверть часа слуга Наполеона явился въ сопровожденіи лакея, который заявилъ императору, что синьоръ Вантини проситъ путешественниковъ на веранду отвѣдать тамъ его винограду.

Наполеонъ и Друо направились къ верандѣ. Тамъ, облокотясь на перила, сидѣла какая то дама, углубленная въ чтеніе. Одною рукою она такъ закрыла часть лица, что ее трудно было разглядѣть; вѣроятно, эта особа очень интересовалась книгою, она не слышала шума приближающихся шаговъ, и отняла глаза отъ книги только тогда, когда позади нея дверь отворилась и на веранду вошелъ синьоръ Вантини. Ея взоръ упалъ на вошедшихъ и въ одномъ изъ нихъ она узнала Наполеона, а онъ также взглянулъ на нее и нашелъ въ ней ту красавицу, которой такъ любовался въ театрѣ. Синьоръ же Вантини, не ожидавшій подобнаго визита, принялъ императора за обыкновеннаго путешественника и хотѣлъ было дружески привѣтствовать его, но ему бросился въ глаза полный почтительности поклонъ его дочери. Синьоръ Вантини вглядѣлся пристальнѣе въ Наполеона и узналъ его.

— Ваше величество!—воскликнулъ онъ, низко кланяясь.

— Надѣюсь, любезный синьоръ, что мое вторженіе не надѣлало вамъ непріятностей, — сказалъ Наполеонъ, ласково привѣтствуя хозяина.

— Это большая честь для меня и для моей дочери. Прошу извинить меня, ваше величество, что не сразу узналъ васъ, но вашъ слуга ничего мнѣ не сказалъ.

— Не извиняйтесь, синьоръ, а смотрите на меня какъ на

обыкновеннаго путешественника. Что-же касается до вашей дочери, то я видѣлъ уже ее въ театрѣ.

— Да, ваше величество, она была тамъ съ моею женою.

— Кажется, ваша дочь и жена, синьоръ, не питаютъ особаго пристрастія къ театру; онѣ уѣхали до окончанія пьесы.

— Моя жена почувствовала себя дурно и должна была уѣхать раньше окончанія спектакля.

— Тогда вашимъ дамамъ слѣдуетъ вознаградить себя за подобное лишеніе,—ложа въ театрѣ всегда будетъ къ ихъ услугамъ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество, и я не знаю какъ выразить мнѣ всю свою благодарность за оказанную мнѣ честь.—Затѣмъ, подумавъ немного, онъ замѣтилъ:— позвольте мнѣ, ваше величество, сдѣлать необходимыя распоряженія для угощенія моего высокаго гостя.

— Пожалуйста, не безпокойтесь; я просилъ корзинку винограду и больше мнѣ ничего не нужно. Въ другой разъ я постараюсь заѣхать къ вамъ и тогда уже познакомлюсь съ произведеніями вашей кухни, сегодня же я ограничусь виноградомъ.

Въ продолженіе этого разговора, Джулія. дочь синьора Вантини, ушла тихонько съ веранды, сдѣлать необходимыя распоряженія для угощенія императора виноградомъ; нѣсколько времени спустя явился слуга, неся на подносѣ прекрасный виноградъ, апельсины и вкусное мѣстное вино.

Императоръ полюбопытствовалъ узнать кое-что изъ жизни синьора Вантини, и тотъ разсказалъ ему, что родина его не островъ Эльба, а южная Италія и что онъ переселился сюда лѣтъ десять тому назадъ вслѣдствіе безпорядковъ, возникшихъ на его родинѣ и купилъ здѣсь имѣніе; имъ всѣмъ очень хочется обратно вернуться въ южную Италію, но теперь этого сдѣлать нельзя, такъ какъ подобное имѣніе очень трудно продать.

Наполеонъ выразилъ желаніе познакомиться съ хозяйкою дома, и синьоръ Вантини, низко поклонившись, вышелъ позвать жену.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова явился, ведя подъ руку жену и дочь. Наполеонъ всталъ съ своего мѣста, пошелъ къ нимъ на встрѣчу и предложивъ руку старшей синьорѣ, отвелъ ее къ креслу.

— Мнѣ очень пріятно, синьора, познакомиться съ вами,— сказалъ Наполеонъ.

— Ваше величество дѣлаете намъ большую честь,—отвѣтила жена Вантини, приподнявшись съ своего мѣста и кланяясь.

Наполеонъ подошелъ къ Джуліи, подалъ ей руку и сказалъ:

— Не отдаляйтесь отъ насъ, прошу васъ.

Императоръ подвелъ молодую дѣвушку къ стулу, стоявшему подлѣ ея матери.

— Я очень радъ случаю, — продолжалъ Наполеонъ, — приведшему меня въ эту прелестную долину. Вы живете тутъ точно въ раю.

— Да, Богъ благословилъ нашу долину, и хотя мы живемъ вдали отъ остальнаго міра, но вполнѣ были бы довольны, если бы не чувствовали недостатка въ томъ, что дѣлаетъ всякаго человѣка счастливымъ, — сказала синьора Вантини.

— Чего-же вамъ не достаетъ?—спросилъ Наполеонъ, нѣсколько удивленный.

— Отечества,—отвѣтила она съ оттѣнкомъ грусти.

— Синьоръ Вантини мнѣ уже говорилъ объ этомъ,—замѣтилъ Наполеонъ.—Надѣюсь, что обстоятельства перемѣнятся и вы будете вполнѣ счастливы.

Императоръ обратился затѣмъ къ хозяйкѣ дома и у нихъ завязался разговоръ о текущихъ событіяхъ, которыя, конечно, интересовали ихъ обоихъ. Около получаса длилась эта

задушевная бесѣда; наконецъ, императоръ всталъ и дружески простился съ семействомъ Вантини.

На обратномъ пути, Наполеонъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Не правда-ли, какъ хороша Джулія Вантини,—сказалъ императоръ Друо, поднимаясь въ гору на своемъ кровномъ конѣ.

— Да. дѣйствительно, ваше величество, она очень хороша, но ея красота отличается какою-то холодностью и притомъ, мнѣ кажется, что она, должно быть, очень горда.

— Вы правы, Друо. Я знаю, что гордость составляетъ отличительную черту всѣхъ итальянокъ. но ихъ нельзя упрекать въ холодности. Однако, я думаю попросить княгиню пригласить Джулію на свои вечера; молодая дѣвушка затмитъ тамъ всѣхъ своею красотою.

Императоръ и Друо продолжали путь, разговаривая о семействѣ Вантини и не замѣтили, какъ подъѣхали къ Лонгоне.

Семейство Вантини было очень довольно посѣщеніемъ Наполеона, котораго они, не смотря на его паденіе, все еще считали императоромъ. Синьоръ Вантини и его дочь были ярыми приверженцами Наполеона; молодая дѣвушка даже поѣхала въ театръ, только для того, чтобы видѣть этого геніальнаго человѣка, державшаго еще такъ недавно судьбу цѣлой Европы въ своихъ рукахъ. Прекрасная Джулія, въ своихъ дѣвическихъ мечтахъ, часто думала о Наполеонѣ; для нея этотъ человѣкъ былъ воплощеніемъ силы и ума; вотъ почему, пріѣхавъ въ театръ, она внимательно слѣдила за Наполеономъ. думая, что быть можетъ видитъ его въ первый и послѣдній разъ и старалась запечатлѣть въ своей памяти черты его лица. Послѣ посѣщенія Наполеона, Джулія была въ какомъ-то странномъ состояніи духа; она ясно видѣла, что императоръ заинтересованъ ею и даже не думаетъ скрывать своихъ чувствъ.

VIII.

Политическій союзъ.

Вернувшись изъ Лонгоне, Наполеонъ поспѣшилъ къ своей сестрѣ, желая сообщить о нечаянномъ открытіи. Княгиня только что вернулась съ прогулки, гдѣ ей удалось встрѣтить Бордони и побесѣдовать съ нимъ. Братъ и сестра сѣли за ужинъ и императоръ сообщилъ княгинѣ о своемъ открытіи; кромѣ того, онъ сказалъ сестрѣ, что намѣренъ дать праздникъ въ виллѣ Сенъ-Мартино и пригласить на него Джулію. На этомъ праздникѣ предполагалось дать еще и представленіе какой-нибудь пьесы.

Прощаясь съ сестрою, Наполеонъ сказалъ:

— Мы постараемся почаще давать празднества и этимъ отвлечь бдительность окружающихъ насъ шпіоновъ.

Вернувшись въ свой рабочій кабинетъ, императоръ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая о своихъ планахъ. Вѣнскіе дипломаты сильно безпокоили его, а ему хотѣлось, во что бы то ни стало, остаться побѣдителемъ и снова стать во главѣ своего государства.

Долго ходилъ императоръ по своему кабинету, потомъ онъ подошелъ къ шкафу съ книгами и остановился. Ему вспомнилось, что онъ хотѣлъ дать праздникъ и что для предполагаемаго спектакля необходимо выбрать какую нибудь пьесу. Ему попался на глаза небольшой томикъ пастушескихъ пьесъ, которыя давались въ Тріанонѣ, въ царствованіе Людовика XV. Онъ пробѣжалъ одну изъ нихъ и она показалась ему удобною для предполагаемаго спектакля, стоило только замѣнить нѣкоторыя строфы другими, болѣе подходящими къ данному случаю. Съ этою цѣлю онъ положилъ книгу на столъ, чтобы не забыть поговорить объ этомъ на слѣдующій

день съ директоромъ театра, человѣкомъ очень ловкимъ и искуснымъ въ этомъ дѣлѣ.

Наполеонъ нисколько не думалъ скрывать, что красивая Джулія произвела на него сильное впечатлѣніе; о взаимности съ ея стороны онъ не сомнѣвался ни на минуту, такъ какъ зналъ хорошо, что самыя знатныя дамы искали его расположенія...

Джулія была хотя и красивая дѣвушка, но ни отличалась ничѣмъ особеннымъ по своему происхожденію, и не имѣла никакихъ преимуществъ; она должна была считать за честь благосклонность такого человѣка, какъ онъ. Въ данномъ случаѣ Наполеонъ слѣдовалъ обычному примѣру. Джулія можетъ служить ему ширмами въ его задуманныхъ планахъ, а о томъ, что онъ погубитъ ея молодость и репутацію, Наполеонъ нисколько и не заботился; со стороны родителей молодой дѣвушки также онъ не видѣлъ ни малѣйшаго препятствія.

На слѣдующій день синьоръ Вантини, задумавшій посѣтить своихъ знакомыхъ въ Порто-Феррайо, предложилъ дочери сопутствовать ему; молодая дѣвушка была очень довольна этимъ, думала побывать въ театрѣ и имѣть случай быть представленной княгинѣ. Но каково было удивленіе Джуліи, когда, по пріѣздѣ ея въ городъ, ей сообщили, что представленія въ театрѣ на время пріостановлены, но что взамѣнъ ихъ на виллѣ Сенъ-Мартино, готовится великолѣпный праздникъ. Во время пріѣзда своего въ городъ, Джуліи не удалось видѣть ни Наполеона, ни княгини, которые въ то время были на виллѣ Сенъ-Мартино. Джулія вернулась домой очень грустная. Она думала, что Наполеонъ, занятый своими дѣлами, совершенно забылъ о данномъ ей обѣщаніи; но она ошиблась: на слѣдующій же день явился придворный лакей Наполеона и пригласилъ Вантини отъ имени княгини на праздникъ.

Синьора Вантини занялась приготовленіемъ соотвѣтствую-

щаго туалета для праздника, а Джулія съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ стала бродить по саду. О, если бы молодая дѣвушка знала о планахъ Наполеона и о томъ, какую роль предназначаетъ ей императоръ въ его планахъ, относительно политическаго союза, она безъ оглядки убѣжала бы прочь и отказалась бы отъ всѣхъ наслажденій, которыя ей сулилъ княжескій праздникъ. А между тѣмъ, пребываніе Наполеона на островѣ Эльбѣ тѣсно связано съ именемъ Джуліи Вантини, къ которой Наполеонъ дѣйствительно чувствовалъ глубокую и нѣжную привязанность.

IX.

Италія или Франція?

Было девять часовъ вечера. Опять Наполеонъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ; онъ поджидалъ Бордони, котораго долженъ былъ привести къ нему Друо.

Полковникъ былъ милостиво принятъ Наполеономъ и когда Друо удалился, императоръ завелъ съ нимъ разговоръ относительно его порученія отъ итальянскихъ патріотовъ. Пока Бордони говорилъ о желаніи итальянцевъ провозгласить Наполеона императоромъ Италіи, черты лица великаго изгнанника оставались совершенно безстрастны. Когда же Бордони кончилъ, то Наполеонъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и остановившись подлѣ полковника переспросилъ:

— Императоромъ Италіи?

— Да, государь, и мы льстимъ себя надеждою, что ваше величество не оставите безъ вниманія нашу просьбу.

— Я всегда относился сочувственно къ Италіи, но Франція мнѣ слишкомъ дорога...

Въ его голосѣ слышалось волненіе.

— Ваше величество, — продолжалъ Бордони, — сторон-

ники моей партіи полагають, что тѣ непріятныя испытанія, которыя вамъ пришлось перенести во Франціи, даютъ намъ право надѣяться, что вы, ваше величество, отдадите преимущество Италіи, которая всегда относилась съ достодолжнымъ уваженіемъ къ герою Маренго, такъ какъ они видятъ въ немъ возстановителя единства своей страны.

— Я вѣрю вамъ, полковникъ, и мнѣ было бы желательно возстановить подъ однимъ скипетромъ раздробленное государство; если бы мнѣ удалось остаться побѣдителемъ надъ моими врагами, то моимъ первымъ долгомъ было бы возстановленіе единства Италіи.

— Я смѣю надѣяться, ваше величество, что вы не оставите безъ вниманія просьбы людей, готовыхъ вамъ жертвовать и своимъ имуществомъ, и своею жизнью и разъ уже, государь, вы имѣли въ виду этотъ планъ, то онъ долженъ быть непремѣнно приведенъ въ исполненіе.

— Вы такъ думаете?—задумчиво спросилъ Наполеонъ.

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ, и ваше величество должны съ этимъ согласиться. По порученію нашего союза, я былъ въ Вѣнѣ и постарался разузнать о намѣреніяхъ нашихъ враговъ...

— Вы были тамъ? Такъ скажите же мнѣ, что вы тамъ узнали?—спросилъ Наполеонъ и подсѣлъ ближе къ Бордони.

— Я полагаю, ваше величество, что вы будете увѣдомлены о всѣхъ рѣшеніяхъ конгресса: только я сомнѣваюсь, чтобы во время конференціи стали разсуждать о рѣшеніи судьбы вашего величества.

Бордони бросилъ многозначительный взглядъ на императора.

— Какъ мнѣ понимать это?—быстро спросилъ онъ.

— Ваше величество, мнѣ удалось узнать, что европейскіе государи положили, въ интересахъ европейскаго мира, уничтожить заключенный съ вами договоръ въ Фонтенебло.

— Невозможно! — воскликнулъ Наполеонъ, удивленный

этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ.—это значитъ попраніе всякаго права.

— Однако, государь, вамъ должно быть хорошо извѣстно, что, когда дѣло зайдетъ о попраніи правъ вашего величества, то передъ этимъ не остановятся.

— Все это совершенно вѣрно и ваши извѣстія несомнѣнны, полковникъ?—спросилъ императоръ.

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ и не имѣю никакой причины сомнѣваться въ ихъ истинѣ и потому сообщилъ ихъ вашему величеству.

— Да, вы совершенно правы, и теперь уже начинаютъ неаккуратно выплачивать назначенную мнѣ сумму денегъ и кромѣ того еще стараются уменьшить ее,—замѣтилъ Наполеонъ вздохнувъ, и прибавилъ: не знаете-ли вы чего нибудь относительно намѣреній государей касательно моей собственной личности?

— Нѣтъ, государь, но я боюсь, когда до васъ дойдетъ извѣстіе о рѣшеніи вашей участи, то уже будетъ слишкомъ поздно; вамъ придется покориться обстоятельствамъ.

— Да, это было бы плохо,—замѣтилъ Наполеонъ,—но я думаю, что дѣло не зайдетъ такъ далеко.

— Я также надѣюсь на это, ваше величество, и поэтому то и позволяю себѣ предполагать, что вы, государь, отдадите себя подъ нашу защиту, которая настолько сильна, что можетъ охранять васъ отъ злыхъ умысловъ вашихъ враговъ и замѣнить отнятый отъ васъ тронъ другимъ.

— Я благодарю васъ и вашихъ друзей за преданность. но, полковникъ, будемъ откровенны другъ съ другомъ. Вы и итальянскіе патріоты еще не составляете всего итальянскаго народа. А намъ невозможно побѣдить враговъ безъ его полнаго сочувствія.

— Я не смѣю противорѣчить вашему величеству, но я позволю себѣ замѣтить, что вы, государь, можете еще того менѣе разсчитывать на любовь французовъ.

— Все же, все же, полковникъ!—возразилъ Наполеонъ.

— Государь, противъ этого говорятъ всѣ испытанія, перенесенныя вами.

— Въ этомъ во всемъ народъ не несетъ на себѣ ни малѣйшей вины.

И Наполеонъ сталъ говорить на эту тему, выгораживая французскій народъ, на преданность котораго онъ вполнѣ разсчитывалъ.

Отпустивъ Бордони, императоръ сѣлъ за письменный столъ и принялся за свою корреспонденцію; въ тотъ вечеръ онъ еще ждалъ шевалье Шабулона, который долженъ былъ явиться нѣсколько позднѣе.

Наполеонъ сообщилъ также и шевалье о намѣреніяхъ итальянскихъ патріотовъ. Было уже поздно, когда Шабулонъ вышелъ отъ Наполеона. Императоръ чувствовалъ сильную усталость, но не смотря на это сонъ бѣжалъ отъ глазъ его; въ головѣ геніальнаго человѣка одна тревожная мысль смѣняла другую; у него возникали планы, одинъ другаго грандіознѣе, одинъ другаго отважнѣе, но какъ привести ихъ въ исполненіе? Что значила эта ничтожная горсть преданныхъ ему людей въ сравненіи съ силою заклятыхъ его враговъ. И вотъ среди этихъ тревожныхъ мыслей, вдругъ въ воображеніи императора мелькнулъ прелестный образъ Джуліи Вантини во всемъ блескѣ ея чарующей дѣвственной красоты. Она, эта дѣвушка, поможетъ ему провести его враговъ, выиграть время и, быть можетъ, снова забрать въ свои руки судьбу всей Европы.

X.

Праздникъ въ Сенъ-Мартино.

Наступилъ день, назначенный для праздника въ Сенъ-Мартино. Погода стояла прекрасная и послѣ яркаго солнечнаго

дня наступилъ тихій вечеръ, обѣщавшій столько наслажденій.

За два часа до начала праздника рабочіе и мастеровые только что окончили необходимыя приготовленія въ виллѣ. Садъ, освѣщенный разноцвѣтными фонарями, представлялъ дѣйствительно какой-то волшебный видъ. Съ наступленіемъ сумерекъ стали съѣзжаться приглашенные; когда гости были уже въ полномъ сборѣ, къ виллѣ подъѣхала императорская карета, изъ которой вышелъ Наполеонъ и его сестра. У входа въ виллу императора встрѣтилъ блестящій рядъ офицеровъ, и онъ милостиво кивнулъ имъ головою. Войдя въ комнаты, императоръ бросилъ бѣглый взглядъ на собравшихся дамъ, но между ними не нашелъ той, которую искалъ. Однако, между представленными гостями не было семейства Вантини, Наполеонъ тревожно посмотрѣлъ по сторонамъ, но вотъ императоръ замѣтилъ Друо, приближающагося къ нему въ сопровожденіи синьора Вантини и его семейства. Императоръ прервалъ начатый разговоръ съ сестрою, всталъ съ своего мѣста и направился къ Друо и его спутникамъ.

— Добро пожаловать, синьоръ и вы синьоры, — сказалъ императоръ.

Удивленная столь неожиданною любезностью брата, княгиня взглянула на приближающихся и едва не вскрикнула отъ удивленія.

Наполеонъ представилъ семейство Вантини сестрѣ и при этомъ онъ взялъ Джулію за руку, подвелъ къ княгинѣ, которая послѣ первыхъ привѣтствій сказала молодой дѣвушкѣ:

— О, вы не повѣрите, синьора, какъ мнѣ хотѣлось узнать о вашемъ мѣстопребываніи, но васъ нигдѣ не было видно—ни въ театрѣ, ни въ городѣ, и кромѣ того я даже не знала вашей фамиліи.

— Ваша свѣтлость очень милостивы ко мнѣ,—отвѣтила молодая дѣвушка, низко поклонившись.

Княгинѣ хотѣлось бы еще поговорить съ Джуліей, чтобы ближе познакомиться съ нею, но въ это время къ ней подвели другихъ гостей, и Вантини ушли въ садъ.

Послѣ представленія собравшихся начался спектакль. Императоръ и его сестра заняли свои мѣста, семейство Вантини было помѣщено вблизи ихъ, согласно приказанію Наполеона; онъ хотѣлъ, чтобы всѣ замѣтили то вниманіе, которое онъ оказываетъ молодой итальянкѣ, такъ какъ это входило въ задуманный имъ планъ дѣйствій.

Въ выбранной для представленія пьесѣ восхвалялась любовь и ея могущество. Часто во время какого нибудь монолога, въ которомъ говорилось о пылкой любви, о желаніи жертвовать всѣмъ для предмета своей страсти, Наполеонъ какъ бы нечаянно бросалъ бѣглый взглядъ на Джулію; молодая дѣвушка краснѣла и опускала глаза. Императоръ достигъ своей цѣли; никто изъ гостей уже болѣе не сомнѣвался въ его чувствахъ къ Джуліи; теперь его постоянныя отлучки въ Лонгоне и другія мѣста объяснились тѣмъ, что онъ посѣщалъ эту красивую итальянку, внушившую ему сильную страсть. Шпіоны, слѣдившіе за выѣздами Наполеона, могли легко попасться въ разставленную имъ ловушку.

Спектакль кончился при шумномъ рукоплесканіи присутствующихъ; всѣ встали со своихъ мѣстъ. Наполеонъ отправился отыскивать Джулію. До сихъ поръ еще ни одна женщина не производила на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эта молодая дѣвушка, сердце которой до сихъ поръ было наполнено одною любовью къ покинутой родинѣ. А между тѣмъ въ этой толпѣ блестящихъ гостей нашелся еще человѣкъ, на котораго Джулія также произвела большое впечатлѣніе,—это былъ Бордони. Онъ освѣдомился объ ея фамиліи, и каково было его удивленіе, когда онъ узналъ, что именно этой-то Джуліи Вантини синьора Манте поручила Бордони передать письмо. Онъ до сихъ поръ не могъ исполнить этого порученія, такъ какъ Джулія жила въ порядоч-

номъ разстояніи отъ Порто-Феррайо. Бордони подошелъ сначала къ самому синьору Вантини, назвалъ свою фамилію и объяснилъ ему о порученіи, возложенномъ на него синьорою Манте. Синьоръ Вантини представилъ Бордони своей дочери; между полковникомъ и молодою дѣвушкою завязался разговоръ о ливорнскихъ друзьяхъ. Отъ Бордони не могло укрыться то вниманіе, которое Наполеонъ оказывалъ Джуліи, но онъ также очень хорошо понялъ, что Джулія не принадлежала къ числу такихъ женщинъ, которыя ищутъ почести цѣною своей добродѣтели; онъ зналъ, что эта молодая дѣвушка не легко поддастся искушенію.

Живыя картины, поставленныя послѣ спектакля, также произвели должный эффектъ,—въ одной изъ нихъ по желанію княгини, участвовалъ даже и полковникъ Бордони; нѣкоторыя изъ картинъ представляли важнѣйшіе эпизоды изъ славныхъ походовъ Наполеона. Когда и живыя картины кончились, гости разбрелись по аллеямъ сада, гдѣ во многихъ мѣстахъ были раскинуты палатки съ угощеніями; вездѣ слышался смѣхъ, говоръ, шумъ; изъ залы же доносились звуки громкой музыки.

И здѣсь, среди этого веселья, завязывались интриги, сосоставлялись планы, всякому хотѣлось что нибудь выиграть въ глазахъ высокихъ хозяевъ, чѣмъ нибудь отличиться, и не щадили эти люди своихъ ближнихъ,—имъ было до всѣхъ все равно, лишь бы имъ самимъ достигнуть желаемаго, добиться предначертанной цѣли. Бордони жилъ нѣсколько времени въ Парижѣ и ему хорошо были знакомы всѣ эти придворныя интриги; а между тѣмъ онъ уже боялся за Джулію, которую полюбилъ съ перваго раза: устоитъ-ли эта неопытная дѣвушка противъ окружающихъ ее соблазновъ? Сердце его невольно сжалось при одной мысли объ этомъ.

Очень непріятно подѣйствовало на Бордони то обстоятельство, когда онъ, войдя въ столовую вмѣстѣ съ Паулиною,

увидѣлъ тамъ Джулію, которая также была приглашена ужинать за императорскимъ столомъ.

Это отличіе служило новымъ доказательствомъ, что распространившійся среди придворныхъ слухъ относительно чувствъ Наполеона къ молодой дѣвушкѣ былъ совершенно справедливъ.

А Джулія между тѣмъ, увидѣвъ полковника Бордони, была обрадована его появленіемъ; она думала, что уже болѣе его не увидитъ. Отъ вниманія молодой дѣвушки однако не укрылось, что княгиня оказывала особую благосклонность красивому полковнику, а тотъ принималъ это какъ должное. Джулія была однако обижена, что Бордони не подумалъ подойти еще разъ ни къ ней, ни къ ея родителямъ и во время ужина не оказалъ ей ни одной изъ тѣхъ небольшихъ услугъ, какія онъ оказывалъ другимъ дамамъ.

Между тѣмъ Наполеонъ и его сестра постоянно обращались къ Джуліи съ разными вопросами, что, конечно, не могло не льстить ея самолюбію. Время ужина пришлось нѣсколько сократить, такъ какъ смотритель виллы доложилъ его величеству, что все уже приготовлено для фейерверка. Наполеонъ поднялъ бокалъ съ пѣнящимся виномъ и провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ гостей, бросивъ между тѣмъ бѣглый взглядъ на Джулію.

XI.

Съ глазу на глазъ.

Все общество отправилось въ садъ, между тѣмъ княгиня подозвала къ себѣ Бордони и оперлась на его руку; полковникъ, думая, что ея свѣтлость желаетъ послѣдовать за другими гостями, направился было въ садъ, но Паулина тихо сказала ему:

— Пойдемте на террасу.

Бордони повернулъ въ другую сторону и черезъ нѣсколько времени они очутились подъ сѣнью померанцевыхъ деревьевъ; здѣсь было прохладно и тихо и только издали доносились стройные звуки оркестра. Княгиня опустилась на скамью и указала Бордони мѣсто подлѣ себя.

— Я должна нѣсколько отдохнуть, прежде чѣмъ выйти къ гостямъ; кромѣ того шумъ фейерверка раздражительно дѣйствуетъ на мои нервы. Вѣроятно, вы не разсердитесь на меня, что я лишаю васъ подобнаго удовольствія.

— Какъ смѣю я быть недовольнымъ, княгиня! Вы слишкомъ добры ко мнѣ и я вполнѣ цѣню это,—возразилъ Бордони.

— Какъ вы умѣете льстить,—замѣтила смѣясь Паулина и протянула Бордони руку, которую тотъ нѣжно поцѣловалъ. Она не отнимала отъ полковника своей руки, и тотъ долженъ былъ пододвинуться къ ней ближе. Затѣмъ она продолжала: — я не подозрѣвала въ васъ этой добродѣтели, такъ какъ императоръ сказалъ мнѣ, что вы истый солдатъ въ душѣ и поэтому не можете вполнѣ назваться дамскимъ кавалеромъ.

— Императоръ совершенно правъ.

— А между тѣмъ вы мнѣ говорите комплименты,—замѣтила княгиня.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, ваша свѣтлость, что когда императоръ выразилъ вамъ обо мнѣ свое мнѣніе, то онъ, вѣроятно, не думалъ объ исключеніяхъ.

— Какъ вы умѣете подтасовывать слова, — воскликнула Паулина съ живостью.—О я теперь вижу, что императоръ точно также мало васъ знаетъ, какъ и свѣтъ, и что вы подъ этою холодною и спокойною наружностью скрываете нѣжное сердце; тѣмъ лучше, я думаю, вы останетесь вполнѣ довольны, убѣдившись, что я хорошо понимаю васъ.

Она протянула ему руку, которую тотъ опять поцѣловалъ.

— Я очень горжусь, ваша свѣтлость, и искренно благодарю васъ за вашу доброту, такъ какъ до сихъ поръ я еще не заслужилъ ее и считаю это только небеснымъ даромъ.

— Скажите, почему вамъ женщины не нравятся? неужели красота не производитъ на васъ никакого впечатлѣнія?

— Конечно, конечно, княгиня,—отвѣтилъ съ живостью Бордони, вспомнивъ при этомъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Джуліею. — Впрочемъ, истинно красивыя женщины очень рѣдки.

— Вы несправедливы, полковникъ, красивыхъ женщинъ очень много, но вы ихъ вѣроятно не замѣчаете. Напримѣръ. даже сегодня, неужели вы не замѣтили Джуліи Вантини и она не произвела на васъ никакого впечатлѣнія? Хотя откровенно говоря, я желала бы видѣть въ ней побольше теплоты чувства, тогда она была-бы въ моемъ вкусѣ. А какое ваше мнѣніе, полковникъ?

— Я сказалъ бы неправду, ваша свѣтлость, если бы сталъ отрицать, что красота синьоры Джуліи не произвела на меня никакого впечатлѣнія; вы найдете весьма естественнымъ, милостивая княгиня, что дама, обратившая на себя вниманіе императора, не можетъ не возбудить во мнѣ удивленія.

— Во всякомъ случаѣ это звучитъ какъ-то холодно. Однако, скажите откровенно, полковникъ, были бы ваши чувства къ синьорѣ теплѣе, если-бы мой братъ не оказывалъ ей такого вниманія.

— Императоръ давно знаетъ эту синьору?

— Онъ видѣлъ ее въ театрѣ и она произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ затѣмъ посѣтилъ ея родителей и пригласилъ ихъ на праздникъ. Я очень рада, что у брата есть хотя это небольшое развлеченіе, отъ него отняли супругу и сына и ему необходимо хотя какое нибудь разсѣяніе,

чтобы не такъ сильно чувствовать всю горесть своего положенія.

Княгиня болтала такъ откровенно, не понимая той ужасной сердечной боли, которую она причиняетъ этимъ Бордони; на его лицѣ не трудно было прочесть волновавшія его чувства. Паулина взглянула на полковника и съ удивленіемъ замѣтила:

— Какъ кажется, вы не одобряете подобнаго невиннаго времяпровожденія, которое позволяетъ себѣ императоръ?

— Я не имѣю права судить объ этомъ, — холодно отвѣтилъ полковникъ,—я желаю только поскорѣе вызвать императора изъ этого ужаснаго изгнанія.

— Какъ вы добры!—воскликнула княгиня.

— Я готовъ отдать жизнь за его свободу.

Въ это время раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій объ окончаніи фейерверка.

— Ахъ, эти ужасныя пушки!—воскликнула Паулина,—я ихъ терпѣть не могу. Жаль только, что фейерверкъ такъ скоро кончился и мнѣ необходимо выйти къ гостямъ, иначе мое отсутствіе можетъ быть замѣчено.

Однако, гости все равно замѣтили, что княгиня не присутствовала при фейерверкѣ, а ея появленіе подъ руку съ Бордони, подало поводъ къ разнымъ толкамъ среди собравшихся на праздникъ гостей.

Наполеонъ также замѣтилъ отсутствіе сестры во время фейерверка и, увидя ее подъ руку съ Бордони, сказалъ:

— Ваша свѣтлость, фейерверкъ удался какъ нельзя лучше, спросите синьору Джулію.

Молодая дѣвушка, стоявшая подлѣ императора, отвѣтила утвердительно, избѣгая въ то же время встрѣтиться взоромъ съ Бордони, а этотъ послѣдній, между тѣмъ хорошо замѣтилъ брошенный на него взглядъ молодой дѣвушки при его входѣ съ княгинею; онъ понялъ хорошо, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе самымъ страннымъ образомъ.. Это

повліяло на его расположеніе духа и онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, такъ что Наполеонъ подошелъ къ нему и предложилъ ему слѣдовать за дамами въ театральную залу.

Наполеонъ не танцовалъ; онъ подошелъ къ синьору Вантини и завелъ съ нимъ разговоръ о состояніи острова, а Джулія подъ руку съ польскимъ офицеромъ Ерзминовскимъ стала въ ряды танцующихъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ танцоровъ и самъ императоръ представилъ его молодой дѣвушкѣ.

Бордони также не танцовалъ; онъ подошелъ къ синьорѣ Вантини и завелъ съ ней разговоръ. Когда танецъ кончился, Джулія подошла къ матери и полковникъ хотѣлъ было воспользоваться случаемъ сказать ей нѣсколько словъ, но Наполеонъ предупредилъ его.

Танцы продолжались далеко за полночь. Княгиня много танцовала и чувствовала сильное утомленіе. Гости стали разъѣзжаться, а императоръ при прощаніи съ Вантини выразилъ надежду скоро опять ихъ увидѣть.

XII.

Послѣ праздника.

Празднество въ Сенъ-Мартино дало пищу для разговоровъ на цѣлую недѣлю; о немъ говорили не только присутствовавшіе на этомъ праздникѣ, но даже и тѣ, которые знали о немъ только по разсказамъ. Дѣйствительно, жители Эльбы еще никогда не видѣли ничего подобнаго. Кромѣ того, слухъ о вниманіи императора, которое онъ оказывалъ Джуліи, скоро распространился по всему городу и многіе окончательно рѣшили, что она фаворитка Наполеона. Эти слухи дошли и до ушей Бордони, что, конечно, не могло быть ему пріятно. Чтобы нѣсколько разсѣяться и избавиться отъ докучливыхъ разговоровъ, полковникъ вздумалъ отправиться верхомъ за

городъ; онъ хотѣлъ проѣхать въ Лонгоне и сдѣлалъ уже большую часть пути въ гору, но тутъ пришлось дать нѣсколько отдохнуть лошади; онъ привязалъ ее къ дереву, а самъ сталъ любоваться живописною мѣстностью. Но вдругъ безмолвная тишина долины была нарушена топотомъ копытъ. Бордони посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздавался топотъ, и увидѣлъ двухъ приближающихся къ нему всадниковъ на мулахъ; одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ съ длинными развѣвающимися волосами и съ загорѣлымъ лицомъ. Пока Бордони разсматривалъ старика, оба всадника подъѣхали къ нему и, привѣтствовавъ его довольно оригинальнымъ способомъ: «Славенъ Іисусъ Христосъ!», остановили муловъ и разсматривали полковника съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— Вы, синьоръ, вѣроятно, чужестранецъ, спросилъ младшій изъ всадниковъ, въ которомъ не трудно было узнать синьора Джіунти.

— Вы совершенно правы и мнѣ очень хотѣлось бы ознакомиться съ вашимъ островомъ.

— Если вамъ угодно,—продолжалъ все тотъ же синьоръ Джіунти, — поѣдемте вмѣстѣ. Насколько я замѣтилъ, намъ нужно въ одну сторону.

— Я ѣду въ Лонгоне, —отвѣтилъ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Джіунти, мы поѣдемъ вмѣстѣ и вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно ѣхать съ людьми, хорошо знакомыми съ мѣстностью. Я предложилъ патеру Стефани,—продолжалъ онъ, указывая на старика, проводить его до Монте-Серрато, оно отстоитъ всего на часъ ѣзды отъ Лонгоне, и мы всѣ трое поѣдемъ туда, тѣмъ болѣе, что дорога довольно сносная.

Старикъ съ любопытствомъ разсматривалъ полковника и выразилъ даже удовольствіе, что видитъ офицера изъ императорскаго отряда. Затѣмъ онъ сталъ разсказывать, что уже давно живетъ въ Монте-Серрато, гдѣ находится часовня

съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, куда стекается много народа.

Бордони съ удовольствіемъ слушалъ старика, разсказывавшаго такъ много любопытнаго объ обычаяхъ и правахъ жителей острова. Джіунти же ѣхалъ молча и по видимому не обращалъ никакого вниманія на разговаривающихъ, между тѣмъ какъ самъ зорко наблюдалъ за Бордони, изучалъ его характеръ, какъ бы желая проникнуть въ самыя сокровенныя тайны его души, и тотчасъ замѣтилъ, что Бордони былъ преданнымъ слугою Наполеона. Съ этого момента Джіунти порѣшилъ наблюдать за всѣми его дѣйствіями.

Въ послѣднее время изъ Корсики были получены весьма важныя извѣстія, требовавшія большой бдительности и предусмотрительности со стороны шпіоновъ.

Однако, къ немалому сожалѣнію Джіунти, разговоръ между пасторомъ Стефано и Бордони прекратился; всадники въѣхали въ долину Монте-Серрато, стали любоваться прекрасною мѣстностью и направились по дорогѣ, ведущей къ жилищу патера; встрѣчавшіеся имъ поселяне кланялись, а нѣкоторые подходили къ священнику и цѣловали ему руку; всѣ любили этого старика, онъ всякому старался сказать какое-нибудь ласковое слово.

Жилище патера находилось за деревнею близъ церкви; онъ пригласилъ Бордони навѣстить его. Полковникъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что благочестивый старикъ жилъ въ пещерѣ, у входа въ которую росли фиговыя деревья и дикія розы. Внутри пещеры была устроена каменная скамейка покрытая мхомъ, передъ нею стоялъ низенькій столикъ съ мраморною доскою. Близъ пещеры находился небольшой огородъ, который патеръ Стефано обработывалъ самъ, не смотря на свои преклонныя лѣта. Всадники подъѣхали къ пещерѣ. Бордони передалъ своего коня, а Джіунти и патеръ Стефано своихъ муловъ деревенскимъ мальчикамъ. Полковникъ вошелъ вмѣстѣ со старикомъ въ его жилище, тогда какъ

Джіунти предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ и сталъ болтать съ деревенскими ребятишками.

Показавъ полковнику свое скромное жилище, патеръ предложилъ гостямъ подкрѣпить себя пищею и поставилъ передъ ними винныя ягоды, козій сыръ, хлѣбъ и двѣ кружки мѣстнаго вина. Старикъ, прожившій такъ долго на свѣтѣ, много видѣлъ на своемъ вѣку и сталъ разсказывать Бордони о разныхъ замѣчательныхъ случаяхъ изъ своей жизни; затѣмъ зашелъ разговоръ о мѣстныхъ жителяхъ и между ними патеръ Стефано упомянулъ о семействѣ Вантини; онъ очень хвалилъ этихъ людей и особенно хорошо отзывался о Джуліи; старикъ разсказывалъ, что молодая дѣвушка часто ходила въ церковь, помогала бѣднымъ, ухаживала за больными. Замѣтя, что Бордони такъ интересуется этимъ семействомъ, старикъ сказалъ полковнику, что Джіунти родственникъ Вантини и можетъ сообщить объ этихъ людяхъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Подобное извѣстіе было очень пріятно Бордони, въ особенности же, когда Джіунти предложилъ полковнику заѣхать къ Вантини на обратномъ пути въ Порто-Феррайо. Около часу оставался Бордони у патера Стефано и обѣщалъ старику въ скоромъ времени опять навѣстить его; теперь Монте Серрато имѣло двойной интересъ для Бордони, такъ какъ тамъ онъ надѣялся иногда встрѣчать Джулію.

Джіунти и Бордони пустились въ путь по долинѣ въ Лонгоне и скоро въѣхали въ кипарисную аллею, ведущую въ мѣстечко Марини. Оно лежало у подошвы той горы, на которой находилось Лонгоне. Джіунти остался въ Марини, сказавъ Бордони, что у него тутъ есть спѣшныя дѣла, обѣщавъ, однако, полковнику подождать его возвращенія изъ Лонгоне. Бордони отправился въ этотъ городъ одинъ, осмотрѣлъ тамъ крѣпость въ сопровожденіи одного изъ офицеровъ гарнизона, потомъ позавтракалъ вмѣстѣ съ нимъ и отправился обратно въ Марини, гдѣ его ждалъ Джіунти.

Бордони и его спутникъ, разговаривая между собою, не замѣтили какъ доѣхали до виллы Вантини. Въ этотъ разъ, точно также какъ и во время посѣщенія Наполеона, царствовала въ домѣ глубокая тишина. Къ гостямъ вышелъ слуга, взялъ у нихъ коня и мула и заявилъ, что господа въ саду. Джіунти считалъ всякій докладъ совершенно лишнимъ и, какъ родственникъ хозяевъ дома, хотѣлъ самъ объявить имъ о пріѣздѣ Бордони. Они оба отправились къ верандѣ, думая тамъ застать Вантини, но на верандѣ никого не было; тогда Джіунти посовѣтовалъ полковнику подождать, а самъ отправился отыскивать хозяевъ.

Полковникомъ овладѣло какое-то, ему до сихъ поръ невѣдомое, тревожное чувство; онъ хотѣлъ было послѣдовать за Джіунти, но въ это время между деревьями мелькнула женская фигура, идущая по направленію къ верандѣ; это была Джулія; молодая дѣвушка была одѣта очень просто и лицо имѣло болѣе того гордаго выраженія, которое бросилось въ глаза Бордони на праздникѣ у княгини. Полковникъ съ восторгомъ смотрѣлъ на приближающуюся молодую дѣвушку и собралъ всѣ силы. чтобы не обнаружить этого восторга.

Джулія шла, опустивъ глаза внизъ, и медленно поднялась по ступенямъ веранды; она оглянулась кругомъ и замѣтила Бордони; казалось, ее нѣсколько поразилъ смущенный видъ полковника, который еще не успѣлъ придти въ себя. Она остановилась, пристально глядя на него; яркій румянецъ разлился по ея блѣдному лицу; между тѣмъ молодая дѣвушка не выразила ни малѣйшаго признака радости при видѣ Бордони, отвѣтила серьезно на его поклонъ и оглянулась еще разъ, думая, не найдетъ-ли еще кого нибудь на верандѣ.

— Я очень сожалѣю, синьора, что выбралъ такое неудобное время для моего визита, — замѣтилъ Бордони.

— Вы ошибаетесь въ вашемъ предположеніи, и я прошу васъ извинить моихъ родителей, что они до сихъ поръ не

вышли къ вамъ, но вѣроятно, они не знаютъ о вашемъ пріѣздѣ; я думаю, они должны сейчасъ придти,—возразила Джулія съ холодною вѣжливостью.

— Синьоръ Джіунти пошелъ отыскивать вашихъ родителей, а я предпочелъ остаться здѣсь, боясь ихъ потревожить.

— Я полагаю, что Джіунти не нашелъ ихъ и потому сейчасъ пошлю за ними слугу.

Съ этими словами Джулія пошла въ домъ и скоро вернулась опять къ Бордони.

Въ это короткое время полковникъ совершенно овладѣлъ собою и лишь только молодая дѣвушка пришла, онъ заговорилъ съ ней совершенно спокойно.

— Вы хотѣли, синьора, узнать кое-что поподробнѣе о вашихъ ливорнскихъ друзьяхъ, и я теперь готовъ отвѣчать на ваши вопросы...

Онъ замолчалъ, потомъ, какъ бы опомнившись, продолжалъ:

— Однако, прежде чѣмъ мы займемся нашими далекими друзьями, позвольте мнѣ спросить васъ, какъ вамъ понравился праздникъ въ Сенъ-Мартино и благополучно-ли вы вернулись домой?

— Для меня этотъ праздникъ имѣлъ очень много новаго, такъ что, конечно, я нашла его очень интереснымъ. Вамъ извѣстно, что на нашемъ скромномъ островѣ еще никогда не было ничего подобнаго, а въ другихъ мѣстахъ мнѣ также не случалось ни разу присутствовать на такомъ торжествѣ.

— О если бы вы посмотрѣли на празднества императора и княгини во Франціи; ихъ великолѣпіе не можетъ быть и сравниваемо съ скромнымъ блескомъ Сенъ-Мартинскаго торжества.

— Вы долго жили при дворѣ императора?—быстро спросила Джулія.

— Я бывалъ тамъ часто, но не надолго, такъ какъ я нахожусь въ военной службѣ, а императоръ не любилъ сидѣть сложа руки.

— Княгиня... Боргезе постоянно жила тамъ?—спросила, запинаясь, Джулія, съ трудомъ выговоривъ имя Паулины.

— Она бывала тамъ съ частыми перерывами, какъ мнѣ говорили.

— Вы хвалите тамошнія празднества, синьоръ, быть можетъ, они и отличались великолѣпіемъ, но вы забываете, что если въ Сенъ-Мартино и недоставало искусственнаго блеска, то наша чудная природа могла вполнѣ замѣнить этотъ недостатокъ.

— Вы совершенно правы, но мнѣ это не пришло въ голову; я предполагалъ, что вашъ глазъ настолько привыкъ къ красотамъ окружающей васъ природы, что вы ихъ даже нисколько и не цѣните.

— Вы ошибаетесь, полковникъ. Къ подобной красотѣ нельзя никогда привыкнуть и чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ все болѣе открываешь новыя прелести. Чудное мѣстоположеніе Сенъ-Мартино еще болѣе возвысило великолѣпіе праздника.

— Я совершенно согласенъ въ этомъ съ вами; вѣроятно и императоръ предвидѣлъ это и потому устроилъ праздникъ въ Сенъ-Мартино, а не въ своемъ дворцѣ.

— Развѣ этотъ праздникъ былъ устроенъ не княгинею?—спросила съ удивленіемъ Джулія.

— Я такъ полагаю,—отвѣтилъ Бордони.

Наступила небольшая пауза, Джулія задумчиво смотрѣла въ садъ, потомъ вдругъ быстро повернувшись къ полковнику спросила:

— Княгиня здорова?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ; она чувствуетъ себя утомленною и не выходитъ изъ комнаты. У ней здоровье не изъ крѣпкихъ.

— Вы видѣли ее... говорили съ ней?—спросила она съ разстановкою.

— Нѣтъ, княгиня не принимаетъ никого за исключеніемъ придворныхъ дамъ,—возразилъ Бордони.

Джулія пристально посмотрѣла на него, затѣмъ снова спросила:

— Вы хотѣли разсказать мнѣ о нашихъ ливорнскихъ друзьяхъ. Вы, вѣроятно, долго жили въ Ливорно.

Бордони отвѣтилъ, что дѣла не позволили ему оставаться тамъ очень долго, но, не смотря на кратковременное тамъ пребываніе, онъ уже успѣлъ завести нѣкоторыя знакомства.

Тогда Джулія освѣдомилась о разныхъ общихъ знакомыхъ и во время этого разговора съ ея лица исчезло холодное и спокойное выраженіе и замѣнилось болѣе теплымъ и оживленнымъ. Въ то-же время Бордони показалось, что она съ трудомъ предлагала тотъ или другой вопросъ и при этомъ дѣлала кое-какія замѣчанія, чтобы скрыть свое первоначальное намѣреніе.

Въ особенности же, что удивило Бордони, такъ это ея стараніе разузнать, какимъ образомъ онъ встрѣтился съ Джіунти и насколько довѣрился ему. Молодая дѣвушка, однако, предлагала вопросы по этому поводу такъ, что Бордони оставался въ сомнѣніи: интересуется ли она своимъ родственникомъ или же ей нравятся восторженныя похвалы полковника роскошной природѣ, которою онъ любовался во время своей поѣздки съ Джіунти.

Когда же рѣчь зашла о патерѣ Стефано, то на устахъ молодой дѣвушки появилась самая радостная улыбка. Описывая жилище священника, Бордони между прочимъ замѣтилъ, что природа, окружающая убѣжище старика настолько живописна, что ему хотѣлось-бы почаще наслаждаться ея грандіозною красотою.

— Вы меня крайне удивляете этимъ, — возразила молодая дѣвушка,—я думаю, что придворная жизнь подавляетъ всякое желаніе наслаждаться природою.

— Это общее мнѣніе,—возразилъ Бордони.—но въ немъ

всѣ ошибаются, такъ какъ забываютъ, что послѣ придворнаго шума и суеты пріятно отдохнуть на лонѣ природы.

— Да, я дѣйствительно замѣтила, что и императоръ раздѣляетъ вашъ вкусъ. Поэтому я питаю надежду, что пребываніе на нашемъ живописномъ островѣ ему понравилось, и онъ не захочетъ насъ оставить.

— Но вы, синьора, забываете при этомъ характеръ Наполеона, который не въ состояніи поддаваться слишкомъ продолжительному впечатлѣнію; онъ любитъ одни только мимолетныя наслажденія и забываетъ о нихъ очень скоро.

— Вы такъ думаете?—спросила Джулія, задумчиво глядя на него.

— По крайней мѣрѣ такъ это было до сихъ поръ,— отвѣтилъ полковникъ.

— Слѣдовательно, никому не удается внушить ему теплаго и продолжительнаго чувства?

— Къ сожалѣнію я не могу утвердительно отвѣтить на вашъ вопросъ. Императоръ всегда прямо идетъ къ предначертанной имъ цѣли и лишь только достигнетъ ея, какъ забываетъ объ испытанныхъ имъ наслажденіяхъ.

Джулія слушала Бордони съ большимъ вниманіемъ, потомъ задумалась, склонивъ на грудь свою хорошенькую головку. А Бордони смотрѣлъ на нее съ сильною болью въ сердцѣ; онъ видѣлъ въ этой задумчивости молодой дѣвушки полное подтвержденіе своихъ предположеній.

Разговоръ прервался, полковникъ не могъ произнести ни слова. Однако, это затруднительное положеніе было прервано приходомъ супруговъ Вантини и синьора Джіунти.

Синьоръ Вантини привѣтливо встрѣтилъ гостя и извинился, что заставилъ его долго ждать; это произошло отъ того, что они изъ сада зашли слишкомъ далеко, а синьоръ Джіунти и посланный слуга еле ихъ отыскали.

Завязался общій оживленный разговоръ, предметомъ котораго былъ Наполеонъ и праздникъ въ Сенъ-Мартино. Синь-

ора Вантини не замедлила объявить Бордони съ свойственною всѣмъ матерямъ гордостью о милостивомъ вниманіи императора и княгини къ ея дочери. Конечно, добродушная синьора была настолько проста, что не подозрѣвала въ этомъ вниманіи никакой другой цѣли, кромѣ милости и доброты императора.

XIII.

Джулія и Джіунти.

Синьора Вантини предложила полковнику пройтись по саду, ея мужъ послѣдовалъ также за ними, тогда какъ Джулія осталась съ Джіунти на верандѣ.

Хитрый синьоръ поздравилъ молодую дѣвушку съ тѣмъ вниманіемъ, которое ей оказывалъ императоръ и между прочимъ замѣтилъ, что впослѣдствіи подобная благосклонность со стороны Наполеона можетъ доставить ей много счастливыхъ минутъ. Джулія не отвѣчала ему ни слова на его длинную рѣчь.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Вы, какъ кажется, нисколько не радуетесь подобному счастью? Чѣмъ это объяснить? Я никакъ не могу понять, какъ вы можете оставаться равнодушною ко всему этому!

— А кто вамъ сказалъ, что я равнодушна къ этому?— спросила рѣзко Джулія.

— Ваше поведеніе. Другая на вашемъ мѣстѣ не помнила бы себя отъ счастья, гордилась бы подобною милостью и разсказывала бы о ней цѣлому свѣту, какъ дѣлаетъ ваша мать.

— А если я въ этомъ отношеніи совершенно другаго понятія, чѣмъ моя мать и всѣ прочіе.

— Я очень сожалѣю, что вы не умѣете цѣнить доставшееся вамъ на долю счастье и пользоваться имъ. Подобное отношеніе принесетъ только одинъ вредъ вамъ, вашему семейству и даже вашимъ родственникамъ. Неужели вы не сознаете, какія выгоды вы можете извлечь изъ милости императора? Въ Феррайо только и говорятъ объ этомъ, и всѣ знатныя дамы завидуютъ вашему счастью.

— Онѣ совершенно не правы, такъ какъ императоръ оказывалъ вниманіе не мнѣ одной,—возразила Джулія.

— Зачѣмъ вы стараетесь обмануть меня? При дворѣ и въ городѣ смотрятъ на вниманіе, оказанное вамъ императоромъ, какъ на вѣрный признакъ того, что вы исполните его желанія.

— Какія желанія?—спросила Джулія, окинувъ его гордымъ взглядомъ.

— Чего вы испугались! Я полагалъ, что вамъ, также какъ мнѣ и дамамъ въ Феррайо, хорошо извѣстно какого рода могутъ быть эти желанія,—спокойно возразилъ Джіунти съ двусмысленной улыбкою.

— Вы ошибаетесь, синьоръ,—запальчиво сказала Джулія,—я съумѣю заставить замолчать злые языки.

— Какимъ это образомъ?

— Я постараюсь подальше держаться отъ двора.

— О, это вамъ будетъ очень трудно. Не можете же вы каждый разъ отказываться отъ приглашеній княгини и отдѣлаться отъ посѣщеній императора, тѣмъ болѣе, что ваши родители такъ высоко цѣнятъ милость Наполеона.

— Я тогда разскажу моимъ родителямъ о вашемъ предположеніи, или, что еще лучше, вы сами имъ объ этомъ скажете,—возразила Джулія.

— Это было бы совершенно напрасно; они этому не повѣрятъ. Я же лучше посовѣтую вамъ, воспользуйтесь всѣми преимуществами выпавшаго вамъ на долю счастья, не теряя при этомъ вашей чести. Вы очень умны и съумѣете это

дѣлать, тѣмъ болѣе, что императору не долго придется жить здѣсь, такъ какъ его враги въ Вѣнѣ уже, кажется поняли, что выбрали для его величества весьма неудобную резиденцію.

— Вы такъ думаете?—спросила Джулія съ возрастающимъ интересомъ.

— Я говорю только, что все это можетъ случиться,— спокойно замѣтилъ онъ.—Кромѣ того, если вы послѣдуете моему совѣту, то можете много выиграть.

— Какимъ это образомъ?—живо спросила Джулія.

— Дѣйствуйте благоразумно и тогда вамъ не будетъ затруднительно войти въ довѣріе къ императору. Положимъ, онъ нѣсколько сдержанъ въ этомъ отношеніи, но все же можно легко подмѣтить его слабую струну и воспользоваться ею.

— Для чего-же?—спросила Джулія.

— Вы должны выпытать у него самыя сокровенныя мысли и его тайныя намѣренія; если же вамъ это удастся, то сообщите ихъ мнѣ и я даю вамъ честное слово, что васъ за это поблагодарятъ. Есть знатные люди, которые дорого цѣнятъ подобныя сообщенія и платятъ за нихъ на вѣсъ золота.

Джулія слушала своего собесѣдника съ большимъ вниманіемъ и, казалось, пришла уже къ опредѣленному тайному рѣшенію. Всякій слѣдъ недовольства исчезъ съ ея лица, оно было спокойно и безстрастно.

— Ваши слова произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я постараюсь насколько возможно послѣдовать вашему совѣту.

— Вы говорите серьезно?—спросилъ Джіунти, не могшій скрыть своей радости.

— Конечно,—отвѣтила она, совершенно спокойно и безъ малѣйшаго признака нерѣшительности.

— И будете сообщать мнѣ о всѣхъ вашихъ открытіяхъ?

— Да я буду это дѣлать, если и вы въ свою очередь не станете скрывать отъ меня того, что узнаете изъ вашихъ сношеній съ врагами императора; мнѣ очень хорошо извѣстно, что вы имъ служите.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ Джіунти, нѣсколько смѣшавшись.

— Не обманывайте меня, а за мое довѣріе платите мнѣ тѣмъ-же. Я не хочу дѣйствовать ощупью, и должна знать все, что замышляютъ враги императора, иначе я не могу достигнуть предполагаемой вами цѣли.

Джіунти выслушалъ ее внимательно и когда она кончила, помолчавъ немного отвѣтилъ:

— Я долженъ отдать вамъ справедливость; въ вашихъ словахъ есть частица правды. Я знаю—вы умная и добрая дѣвушка и не выдадите вашего родственника. Начните исполненіе вашей трудной и замѣчательной роли; я съ удовольствіемъ буду наблюдать за вами и знаю, что вы извлечете изъ нея всевозможную пользу. Не разсказывайте только никому о нашемъ уговорѣ, это можетъ повредить нашимъ планамъ. Больше же всего будьте осторожны и не выдайте себя въ слабыя минуты, иначе, это дурно кончится какъ для меня, такъ и для васъ.

— Не безпокойтесь, синьоръ. Разъ я на что рѣшилась, то съумѣю довести до конца; больше не будемъ говорить объ этомъ.

Въ это время показались по аллеѣ къ дому Вантини его жена и Бордони. Этотъ послѣдній шелъ проститься съ Джуліею, такъ какъ ему уже пора было ѣхать домой.

Синьора Вантини просила полковника навѣстить ихъ поскорѣе еще разъ и вообще высказала свое полное удовольствіе по поводу его сегодняшняго визита. Съ Джіунти хозяйка дома простилась нѣсколько холоднѣе.

Задумчиво ѣхалъ Бордони обратно домой; ему было край-

не непріятно, что Джулія осталась на верандѣ, не пошла вмѣстѣ съ нимъ въ садъ; онъ считалъ это за недостатокъ вниманія къ нему. Полковникъ, конечно, не подозрѣвалъ настоящей причины, почему Джулія предпочла лучше остаться съ Джіунти. Если бы Бордони могъ видѣть какъ Джулія послѣ ихъ отъѣзда поспѣшила въ бесѣдку, откуда можно было видѣть дорогу и оттуда, скрытая густою зеленью, слѣдила за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду, тогда, конечно, полковникъ перемѣнилъ бы о ней свое мнѣніе.

XIV.

Королева Гортензія.

Во Франціи сторонники Наполеона выказывали не менѣе энергичной дѣятельности, чѣмъ итальянскіе патріоты; во главѣ первыхъ стояла королева Гортензія; она была умная женщина, умѣла выбирать преданныхъ людей и почти никогда въ нихъ не ошибалась.

Было восемь часовъ вечера. Королева, одѣтая въ глубокій трауръ, такъ какъ ея мать недавно умерла въ своемъ замкѣ Мальмезонъ, сидѣла въ большомъ креслѣ у топившагося камина, распространявшаго пріятную теплоту по всей комнатѣ. Гортензіи въ то время былъ тридцать одинъ годъ. Ея лицо отличалось холодностью и задумчивостью. Кромѣ нея въ комнатѣ еще находились ея два сына.

Старшій изъ нихъ Людовикъ Наполеонъ, которому въ то время было десять лѣтъ, сидѣлъ за столомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ матери и читалъ книгу, а второй Карлъ Людовикъ Наполеонъ,—впослѣдствіи императоръ французовъ,—но въ то время восьмилѣтній мальчикъ, сидѣлъ подлѣ королевы и слушалъ ея объясненія относительно книги, которую

она держала въ рукахъ. Гортензія скоро кончила свои объясненія, принцъ взялъ у нея книгу и отправился ближе къ своему брату; королева посмотрѣла вслѣдъ сыну съ нѣжностью, затѣмъ подперла голову рукою и задумалась.

Но вдругъ старшій мальчикъ всталъ съ своего мѣста и обратился къ матери съ вопросомъ:

— Какимъ образомъ это могло случится, что нашъ дядя, властвовавшій надъ всѣми королями и князьями, покинулъ Францію и находится теперь на пустынномъ и скалистомъ островѣ. Почему онъ не живетъ въ Тюльери, Сенъ-Клу или въ Фонтенебло?

Не ожидая подобнаго вопроса, Гортензія нѣсколько времени медлила отвѣтомъ, какъ бы раздумывая, въ какой формѣ выразить его и наконецъ сказала:

— Въ силу стеченія обстоятельствъ, твой дядя долженъ былъ рѣшиться на это.

Мальчикъ, казалось, не понялъ этой фразы и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать.

— Въ силу стеченія обстоятельствъ?—сказалъ мальчикъ,— это меня очень удивляетъ: я читалъ о могуществѣ дяди и никакъ не понимаю, какъ онъ не могъ преодолѣть этихъ обстоятельствъ, когда онъ побѣждалъ во всѣхъ сраженіяхъ.

— Было бы очень желательно, чтобы онъ вернулся; но въ жизни не все дѣлается по нашей волѣ и намъ очень часто приходится покоряться обстоятельствамъ, замѣтила королева.

Малчикъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и затѣмъ спросилъ:

— А это стеченіе обстоятельствъ долго будетъ продолжаться?

— Мы не знаемъ этого, дитя мое.

— Тогда, пожалуй, выйдетъ такъ, что дядя на долго останется на островѣ Эльбѣ.

— Очень можетъ быть, но будемъ надѣяться, что этого не случится.

— Не правда-ли, онъ можетъ опять вернуться во Францію, такъ какъ это государство принадлежитъ ему?

— Конечно, государство принадлежитъ ему, нація избрала его своимъ императоромъ, но въ политической жизни бываютъ такого рода обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ не обращаютъ вниманія ни на права, ни на обязанности, и поэтому твоему дядѣ пришлось оставить тронъ.

— Такого-же рода обстоятельства отняли и у насъ тронъ?— спросилъ мальчикъ послѣ небольшой паузы.

— Конечно,—отвѣтила королева, удивленная подобнымъ вопросомъ.

— А развѣ отецъ и мы не вернемся опять въ Голландію?

— На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить опредѣленно.

— Быть можетъ, это случится тогда, когда мой дядя опять вернется во Францію?

— Конечно, можетъ случиться.

— А я когда нибудь буду королемъ?

— Да, дитя мое, ты какъ перворожденный предназначенъ въ наслѣдники.

— Какъ нашъ кузенъ, король римскій, не правда-ли? — спросилъ младшій мальчикъ, приподнявъ голову отъ книги.

— Именно такъ дитя мое,—отвѣчала королева нѣсколько удивленная столь неожиданнымъ вопросомъ молчавшаго до тѣхъ поръ сына.

— А если мой братъ будетъ королемъ, то не могу-ли я сдѣлаться императоромъ, какъ мой дядя? — снова спросилъ тотъ-же принцъ.

— Ты, императоромъ?! Нѣтъ, мой мальчикъ. Еще королемъ другое дѣло, а то императоромъ...—и Гортензія остановилась на полуфразѣ, какъ будто вдругъ озаренная какою-то мыслію, которой она не хотѣла высказать.

— О какъ жаль!—а я думалъ, что когда мой братъ будетъ королемъ, а мой дядя и кузенъ умрутъ, то одинъ изъ насъ обоихъ сдѣлается императоромъ. Не такъ-ли?

— Конечно, все это можетъ случиться при особыхъ обстоятельствахъ, — замѣтила королева, удивленная вопросомъ мальчика, что было видно по блеску ея глазъ.—А развѣ ты можешь быть императоромъ, какъ твой дядя?

— О, конечно,—воскликнулъ онъ, оживляясь все болѣе и болѣе.—Императоръ вѣдь выше короля, и когда я выросту большимъ и у Франціи не будетъ императора, то быть можетъ и меня изберутъ также какъ и дядю.

Гортензія задумчиво посмотрѣла на сына. Его черты лица имѣли нѣкоторое сходство съ чертами лица его дяди и какое-то тайное предчувствіе сжало сердце матери.

Принцъ замолчалъ, королева также не говорила ни слова. Такъ прошло четверть часа; но вотъ дверь отворилась и слуга доложилъ, что ужинъ для принцевъ готовъ.

— Позовите сюда г. Лабора,—приказала королева.

Чрезъ нѣсколько минутъ явился воспитатель обоихъ мальчиковъ; принцы закрыли свои книжки, поцѣловали руку королевѣ, пожелали ей покойной ночи и ушли ужинать.

Гортензія встала съ своего мѣста и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Иногда она останавливалась и прислушивалась къ шуму шедшаго дождя, качала головой и снова продолжала ходить по комнатѣ. Но вотъ опять вошелъ придворный лакей.

— Ну, Ахиллъ, вѣроятно, по такой дурной погодѣ у насъ сегодня немного будетъ гостей.

— Въ виду этого я пришелъ спросить приказаній вашего величества.

— Накройте ужинъ въ маленькой угловой залѣ, тамъ не такъ слышенъ шумъ дождя и при томъ эта комната болѣе уютна, чѣмъ всѣ другія.

Слуга хотѣлъ было удалиться, но королева остановила его.

— Какъ только шевалье де-Шабулонъ пріѣдетъ, приведите его ко мнѣ.

Затѣмъ королева опять стала ходить по комнатѣ. Въ тотъ

вечеръ она была сильно взволнована; шевалье де-Шабулонъ вернулся съ острова Эльбы и обѣщалъ навѣстить королеву вечеромъ; необходимо было выбрать такое позднее время, чтобы скрыть на сколько возможно отъ глазъ свѣта цѣль посѣщенія шевалье. Кромѣ того, въ этотъ вечеръ Гортензія ждала еще и другихъ политическихъ друзей, обѣщавшихъ ей привести нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ значеніе, и которыхъ она думала завербовать въ свою партію.

Пробило девять часовъ. Вскорѣ затѣмъ королева услышала звонъ колокола, что означало прибытіе какого нибудь посторонняго лица.

Черезъ нѣсколько минутъ явился шевалье де-Шабулонъ безъ всякаго доклада; королева радостно привѣтствовала его.

— Слава Богу, вы вернулись, да еще именно въ такой день, когда вы мнѣ крайне необходимы!—воскликнула Гортензія, подавая ему руку. — Садитесь-же, какъ поживаетъ императоръ? Здоровъ-ли онъ и что думаетъ дѣлать?

Шевалье сообщилъ королевѣ все, что только ему было извѣстно и передалъ ей письмо.

Гортензія быстро распечатала его и прочитала.

— Слава Богу, императоръ вполнѣ согласенъ съ нашими планами. Были-ли вы въ Неаполѣ и видѣли-ли тамъ короля, говорили-ли съ нимъ и какого о немъ мнѣнія.?

— Къ сожалѣнію, не лучшаго, чѣмъ самъ императоръ. Мюратъ охотно помогъ-бы его величеству, но боится въ случаѣ неудачи навлечь на себя подозрѣніе, такъ какъ даже и въ данную минуту, не смотря на любовь неополитанцевъ, онъ боится за свой тронъ. Ему хорошо извѣстно, что враги Наполеона до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не лишатъ престоловъ всѣхъ находящихся въ родствѣ съ Наполеономъ королей и князей. Я боюсь, что въ этомъ отношеніи король совершенно правъ, если только императору не удастся предупредить подобныя намѣренія конгресса.

— Говорили вы объ этомъ императору? — спросила Гортензія.

— Конечно, ваше величество, мы много объ этомъ толковали.

— Въ такомъ случаѣ императоръ съумѣетъ дѣйствовать и безъ помощи своего зятя. Сегодня я жду нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, которые въ свою очередь обѣщали мнѣ привезти двухъ лицъ, имѣющихъ большое значеніе. Прошу васъ, шевалье, поговорите съ ними и постарайтесь привлечь ихъ на нашу сторону. А теперь пока разскажите мнѣ, какъ поживаетъ императоръ на этомъ ужасномъ островѣ; говорятъ, у него даже нѣтъ порядочнаго дворца, нѣтъ приличной мебели.

Шабулонъ отвѣтилъ на всѣ вопросы королевы и между прочимъ замѣтилъ, что островъ Эльба славится многими живописными мѣстностями. Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ слуги, доложившимъ о прибытіи новыхъ гостей.

Когда ожидаемые гости собрались, разговоръ исключительно перешелъ на предполагаемый планъ дѣйствій императора.

XV.

Щекотливое порученіе.

Прошло два дня послѣ посѣщенія Бордони виллы Вантини, а княгиня все еще не приглашала его къ себѣ, такъ какъ чувствовала себя нездоровою и не выходила изъ комнаты. Впрочемъ Паулина не хотѣла принимать Бордони еще и потому, что вслѣдствіе нездоровья ея лицо было менѣе красиво чѣмъ обыкновенно и въ глазахъ не свѣтилось того чарующаго блеска, который сводилъ съ ума такъ многихъ. Такъ прошло около недѣли. Бордони почти каждый день справ-

лялся о здоровьѣ княгини и вотъ однажды г-жа де-Билланъ, отъ которой онъ получалъ свѣдѣнія относительно состоянія здоровья княгини, сообщила ему, что ея свѣтлость ждетъ его вечеромъ.

Княгиня, однако, не забыла надѣть костюмъ, приличный ея настоящему положенію, который не только что шелъ ей, но еще болѣе возвышалъ ея красоту.

— Здравствуйте, полковникъ,—привѣтствовала Паулина Бордони, — я цѣлую вѣчность васъ не видала, а это было слишкомъ тяжело для такой страждущей какъ я.

— Какъ я сожалѣлъ о вашей свѣтлости и такъ желалъ вашего выздоровленія; теперь я очень радъ, что вы поправились.

Паулина предложила ему сѣсть подлѣ нея и стала пристально въ него всматриваться.

— О, вы имѣете вполнѣ здоровый видъ, тогда какъ болѣзнь сдѣлала меня такою безобразною.

— Вы ошибаетесь, ваша свѣтлость; болѣзнь еще больше увеличила вашу красоту, что меня не мало удивляетъ.

— Вы или льстите, или смѣетесь, - возразила Паулина, слегка дотронувшись до своихъ щекъ. Такъ какъ онъ ничего не отвѣчалъ, то она продолжала:—Думали-ли вы хотя немного въ это время о бѣдной Паулинѣ? Ахъ, пожалуй, вы совершенно забыли обо мнѣ въ обществѣ другихъ хорошенькихъ женщинъ!

— А развѣ г-жа де-Билланъ не сообщала вамъ о моихъ каждодневныхъ визитахъ во дворецъ?—спросилъ Бордони.

— О, конечно, конечно, полковникъ,—сказала Паулина,— я нисколько не сомнѣваюсь въ вашемъ участіи ко мнѣ. Но время тянется такъ долго, дни такъ длинны, слишкомъ длинны, а сердце требуетъ наслажденія, развлеченія; и кто станетъ обращать вниманіе на старую, больную женщину, въ особенности же, когда намъ улыбаются молодыя, свѣжія лица. А женщинамъ вы очень нравитесь, полковникъ.

— Если бы только нравился хотя бы одной изъ нихъ,

то считалъ бы себя очень счастливымъ,—сказалъ онъ, поднося ея руку къ губамъ.

— Во время моей болѣзни вы не ухаживали ни за какой другой женщиной?

— Ни за одной, ваша свѣтлость.

— И даже ни одну изъ нихъ не видѣли и не говорили ни съ одной?--спросила княгиня, взглянувъ пристально на Бордони.

— Говорилъ-ли или видѣлся?—переспросилъ полковникъ и невольно повернулъ голову въ другую сторону, вспомнивъ о Джуліи.

Это движеніе не ускользнуло отъ вниманія Паулины и возбудило еще болѣе ея ревность. Она стала смотрѣть ему прямо въ глаза, взяла его за руку и сказала:

— Зачѣмъ вы отвернулись отъ меня. Навѣрно совѣсть у васъ не чиста. Скажите мнѣ всю правду.

Бордони разсказалъ о своемъ визитѣ къ Джуліи Вантини.

Появленіе Наполеона прекратило ихъ разговоръ; императоръ не видѣлъ Бордони со дня праздника въ Сенъ-Мартино и былъ очень доволенъ свиданіемъ съ нимъ.

— А, полковникъ,—сказалъ онъ,—вы сдѣлали большое удовольствіе вашимъ визитомъ княгинѣ; она, бѣдная, все время хворала и не выходила изъ своей комнаты, такъ что ей необходимо развлеченіе.

— Вы совершенно правы, государь,—замѣтила Паулина,—я уже чувствую благодѣтельное вліяніе его посѣщенія.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вашъ свѣжій видъ вполнѣ доказываетъ справедливость вашихъ словъ,—замѣтилъ Наполеонъ и обратясь къ Бордони прибавилъ:—Исполнили-ли вы мой совѣтъ, осмотрѣли ли островъ и были-ли въ Лонгоне?

Бордони отвѣчалъ утвердительно и между прочимъ упомянулъ о своемъ визитѣ Вантини.

Это сообщеніе возбудило большой интересъ въ Наполеонѣ и онъ сталъ разспрашивать Бордони о семействѣ Вантини и

въ особенности о Джуліи. Императору также понравилось и то, что родители молодой дѣвушки вполнѣ цѣнили его вниманіе къ ихъ дочери.

— Это хорошіе люди,—замѣтилъ императоръ, и я очень жалѣю, что нездоровье княгини не позволило намъ до сихъ поръ сдѣлать имъ визита, какъ это предполагалось раньше.

— Да и мнѣ долго не придется видѣть милой Джуліи, докторъ все еще не позволяетъ мнѣ выходить, а въ особенности предпринимать какія бы то ни было поѣздки за городъ.

— Но вамъ ничто не мѣшаетъ пригласить Джулію къ себѣ, она, вѣроятно, съ удовольствіемъ исполнитъ ваше желаніе,—замѣтилъ Наполеонъ.

— Я въ этомъ вполнѣ увѣрена, и очень вамъ благодарна за такую счастливую мысль. Я сегодня же пошлю ей приглашеніе,—замѣтила Паулина.

— Конечно, пошлите ей приглашеніе и при этомъ попросите ее погостить у васъ нѣсколько дней; это развлечетъ васъ, пока вамъ придется сидѣть дома.

— Да, если она пріѣдетъ, то мнѣ это будетъ очень пріятно, я могу поболтать съ ней по душѣ и весело провести время.

— Вотъ вы и напишите ей, княгиня, объ этомъ,—сказалъ Наполеонъ.

— Вы знаете, государь,—отвѣтила Паулина, что я терпѣть не могу писемъ и лучше попрошу полковника съѣздить къ Джуліи и пригласить ее ко мнѣ отъ моего имени.

Полковникъ поклонился и сказалъ:

— Я очень счастливъ, княгиня, что могу услужить вашей свѣтлости.

— А когда вы думаете, полковникъ, исполнить мою просьбу?—спросила княгиня.

— Когда прикажете,—ваша свѣтлость.

— Можетъ быть вамъ будетъ угодно съѣздить завтра?

— Я къ вашимъ услугамъ, княгиня.

Скоро явился слуга и доложилъ, что ужинъ готовъ. Въ

столовой Наполеона и его сестру уже ожидали приближенные придворные, въ числѣ которыхъ былъ и Друо.

XVI.

Приглашеніе.

Джіунти сидѣлъ на скамейкѣ передъ своимъ домомъ и курилъ. Онъ находился въ веселомъ расположеніи духа, что было видно по выраженію его лица и не укрылось отъ вниманія его сестры, принесшей ему фрукты и вино.

Необыкновенно веселое расположеніе духа почтеннаго синьора немало удивляло сестру; однако, она не смѣла спросить брата о причинѣ столь странной перемѣны, такъ какъ онъ не любилъ подобные вопросы и оставлялъ ихъ всегда безъ отвѣта, но она хорошо знала, что на это должны быть основательныя причины.

Хотя синьоръ Джіунти и не посвящалъ сестру въ свои дѣла, но тѣмъ не менѣе она подозрѣвала, что у ея брата есть какая то тайна, которую онъ тщательно скрываетъ; между тѣмъ въ это утро, казалось, онъ былъ склоненъ къ откровенности и любопытная синьора ждала, что братъ самъ разскажетъ ей кое о чемъ.

Однако, ей пришлось обмануться въ своихъ надеждахъ; Джіунти только что остановилъ сестру, сказавъ, что желаетъ сообщить ей что-то хорошее, какъ вдругъ показалась длинная фигура Грэнтъ; хозяинъ поспѣшилъ на встрѣчу гостю, а сестрѣ сдѣлалъ знакъ удалиться.

— Вы пришли кстати, синьоръ, мнѣ нужно сообщить вамъ хорошую новость,—сказалъ Джіунти, усаживаясь съ гостемъ на каменную скамейку.

— Я также принесъ вамъ важныя извѣстія,—замѣтилъ Грэнтъ съ самою серьезною физіономіею.

— Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что мнѣ удалось запастись шпіономъ изъ числа лицъ, близко стоящихъ къ Наполеону.

— Вы шутите! какъ этого вы могли добиться?—воскликнулъ англичанинъ, крайне пораженный подобною новостью.

— Да, да, удивляйтесь сколько хотите, а все же я добился этого,—засмѣявшись сказалъ Джіунти.—Правда, дѣло было не очень легкое и я, конечно, не могъ бы никакою хитростью достигнуть цѣли, если-бы мнѣ въ этомъ не помогъ простой случай. Быть можетъ вы слышали, что императоръ воспылалъ сильною страстью къ красавицѣ Джуліи Вантини; она дочь моего родственника и мнѣ удалось склонить эту дѣвушку на свою сторону: она обѣщала мнѣ передавать все, что будетъ говорить ей Наполеонъ о своихъ намѣреніяхъ. Княгиня пригласила ее погостить къ себѣ на нѣсколько времени и Джулія уже со вчерашняго дня находится во дворцѣ императора.

— Такъ, синьоръ, такъ,—замѣтилъ англичанинъ, но развѣ можно полагаться на вашу Джулію?

— Конечно. Я знаю эту дѣвушку; если она что обѣщаетъ, то непремѣнно сдержитъ свое слово. Кромѣ того, какъ я уже вамъ говорилъ, императоръ влюбленъ въ нее, а подобнаго рода отношенія всегда способствуютъ довѣрію и этимъ можно ловко воспользоваться.

— А она съумѣетъ это сдѣлать?

— Я уже говорилъ вамъ, что это очень умная и ловкая дѣвушка и при томъ обладающая обольстительною наружностью.

— Хорошо, что вы съумѣли все это устроить; это вполнѣ доказываетъ вашъ умъ, но только, къ сожалѣнію, намъ не придется этимъ воспользоваться.

— Почему это? спросилъ Джіунти съ удивленіемъ.

— Я вамъ сейчасъ все это объясню; только скажите мнѣ, гдѣ теперь ваша сестра?

— Она въ кухнѣ занята приготовленіемъ обѣда. Грэнтъ всталъ со своего мѣста и въ открытое окно взглянулъ въ комнаты Джіунти: затѣмъ онъ подошелъ къ низенькой каменной стѣнѣ и бросилъ взглядъ на улицу. Удостовѣрившись, что никого не видно, англичанинъ подошелъ къ своему собесѣднику, отвелъ его въ отдаленный уголокъ сада и приложивъ губы къ самому уху Джіунти, сталъ ему что то шептать.

Лицо итальянца, по мѣрѣ того какъ онъ слушалъ, принимало все болѣе и болѣе серьезное выраженіе и глаза его заблестѣли какимъ то мрачнымъ огнемъ:

— А!—воскликнулъ Джіунти, когда его собесѣдникъ кончилъ,—я понимаю! мысль прекрасная! Давно слѣдовало-бы такъ сдѣлать!

Вскорѣ затѣмъ оба пріятеля разстались, и Джіунти, пообѣдавъ вмѣстѣ съ сестрою, также отправился по своимъ дѣламъ.

Изъ разсказа Джіунти оказалось, что ожиданія Бордони относительно Джуліи не сбылись. Полковникъ предполагалъ, что молодая дѣвушка подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ не приметъ приглашенія княгини. Джулія уже два дня гостила у княгини, что было далеко не по вкусу Бордони, а Джіунти напротивъ того былъ въ восторгѣ, что молодая дѣвушка можетъ служить его затаеннымъ планамъ, но ни тотъ, ни другой не понимали Джуліи.

Молодая дѣвушка вполнѣ сознавала важность роли, которую приняла на себя; она, конечно, была благодарна Джіунти, что тотъ открылъ ей глаза и теперь рѣшилась дѣйствовать осторожнѣе и осмотрительнѣе.

Когда Бордони явился въ виллу Вантини и заявилъ о своемъ порученіи, Джулія сильно поблѣднѣла, но Бордони не замѣтилъ этой перемѣны въ ея лицѣ, такъ какъ былъ занятъ разговоромъ съ синьорой Вантини, которая сначала не хотѣла было вѣрить, что ея дочь удостоилась подобной че-

сти, но когда полковникъ разсказалъ все подробно, то почтенная дама воскликнула:

— Ахъ, какъ добра княгиня! Какъ она добра! Затѣмъ, обернувшись къ Джуліи, замѣтила: Ты вѣрно ей очень понравилась, что она проситъ тебя пріѣхать къ ней, разогнать ея скуку и сократить ей время, такъ какъ она больна; у княгини много придворныхъ дамъ, но ея свѣтлость предпочитаетъ тебя всѣмъ прочимъ.

Джулія ничего не отвѣтила, но старалась всѣми силами попасть въ общій тонъ и не выказать своего смущенія.

Синьора Вантини такъ закидала Бордони разными вопросами, что онъ не имѣлъ времени слѣдить за Джуліею, но когда онъ взглянулъ на молодую дѣвушку, та была совершенно спокойна.

Въ назначенный день, передъ воротами виллы Вантини остановилась придворная карета, присланная за Джуліею и ея матерью.

Пріѣздъ Джуліи въ Порто-Феррайо произвелъ большое впечатлѣніе. Хотя и говорилось, что молодая дѣвушка пріѣхала навѣстить больную княгиню, но этому никто не хотѣлъ вѣрить: всѣ хорошо понимали, что это было только предлогомъ.

И сколько толковъ, сплетенъ было въ городѣ по поводу появленія Джуліи; какъ многіе порицали синьору Вантини, которая сама привезла свою единственную дочь, чтобы отдать ее императору, какъ любовницу.

Многія дамы смотрѣли двусмысленно на Джулію; во дворцѣ пріѣзжихъ встрѣтили слуги съ должнымъ уваженіемъ, какъ лицъ, близко стоявшихъ къ императору. Подобный пріемъ льстилъ самолюбію синьоры Вантини, такъ какъ она не понимала значенія подобнаго подобострастія, но за то ставила Джулію въ крайне неловкое положеніе. При каждомъ брошенномъ на нее взглядѣ молодая дѣвушка мѣнялась въ лицѣ.

Мать и дочь были проведены придворнымъ слугою въ

одну изъ комнатъ верхняго этажа; тамъ уже ихъ дожидалась г-жа де-Биллонъ. Эта послѣдняя, освѣдомившись о здоровьѣ пріѣзжихъ, предложила имъ пока заняться приведеніемъ въ порядокъ ихъ туалета, а сама отправилась доложить о ихъ прибытіи княгинѣ.

Скоро явилась горничная, которой было приказано помочь переодѣться синьорѣ Вантини и ея дочери. Когда туалетъ обѣихъ дамъ былъ оконченъ и служанка удалилась, мать Джуліи стала разсматривать комнату, въ которой ея дочь будетъ помѣщена на время своего пребыванія у княгини и вполнѣ осталась довольна ея изящнымъ убранствомъ.

Ихъ скоро пригласили къ княгинѣ. Паулина встрѣтила своихъ гостей съ большимъ радушіемъ, въ особенности же Джулію. Она показывала видъ, что больна гораздо болѣе. чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, чтобы не возбудить какого-либо подозрѣнія въ своихъ гостьяхъ.

Княгиня покоилась на мягкомъ оттоманѣ, она протянула руку синьорѣ Вантини и ея дочери, затѣмъ послѣднюю притянула къ себѣ и поцѣловала ее въ лобъ.

— Прошу васъ, mesdames, — сказала Паулина по-французски, откиньте въ сторону всѣ церемоніи и смотрите на меня какъ на вашу бѣдную страждущую пріятельницу, которая очень признательна вамъ, что вы принимаете въ ней такое участіе. Вы, милая Джулія, сядьте поближе ко мнѣ, чтобы мнѣ удобнѣе было смотрѣть на васъ. а вы, синьора Вантини, выберите себѣ кресло по-покойнѣе.

Такими словами княгиня завязала разговоръ и вполнѣ достигла своего желанія, чтобы ея гости были-бы съ ней безъ стѣсненій.

Въ разговорѣ время летѣло быстро; было уже поздно и гости простились съ княгинею. Г-жа де-Биллонъ проводила Джулію и ея мать въ ихъ комнаты; скоро синьорѣ Вантини доложили, что экипажъ готовъ, и она уѣхала обратно домой, оставивъ гостить у княгини Джулію.

Г-жа де-Биллонъ осталась съ молодою дѣвушкою и съ намѣреніемъ или просто по привычкѣ стала разсказывать ей объ обычаяхъ придворной жизни; кромѣ того, камерфрау княгини путешествовала съ ней по Италіи и Франціи, такъ что Джулія узнала много интереснаго касательно Паулины.

Этотъ разговоръ сблизилъ обѣихъ дѣвушекъ, онѣ очень понравились другъ другу; г-жа де-Биллонъ хорошо понимала, какую роль Джуліи, быть можетъ, скоро придется играть при дворѣ и потому старалась пріобрѣсти ея расположеніе. Джулія-же, видя наружное вниманіе къ ней де-Биллонъ, думала, что, быть можетъ, Джіунти и ошибся въ своихъ предположеніяхъ, но если бы она могла видѣть двусмысленную улыбку на устахъ придворной камерфрау, когда та вышла отъ нея изъ комнаты, то, конечно, перемѣнила бы о ней свое мнѣніе.

XVII.

Діадема.

— Вы хотите уѣхать съ Эльбы?

— Да, государь, если только вы мнѣ это позволите,— отвѣчалъ Бордони, который собственно и попросилъ аудіенціи у императора, желая оставить островъ.—Это желаніе моихъ политическихъ друзей, чтобы я устно передалъ имъ результатъ моихъ сообщеній, сдѣланныхъ вашему величеству и они могли бы дѣйствовать сообразно этому.

— Развѣ вы не сообщили имъ моихъ намѣреній тотчасъ-же?—спросилъ Наполеонъ.

— Точно такъ, государь, но я не могъ сообщить имъ ничего опредѣленнаго со стороны вашего величества, а имъ непремѣнно желательно узнать окончательное рѣшеніе ваше, го-

сударь, такъ какъ они не знаютъ, куда имъ направить ихъ дѣятельность. Вашему величеству извѣстны рѣшенія вѣнскаго конгресса; медлить нельзя и нужно дѣйствовать быстро и энергично.

— Но что же тутъ можно сдѣлать? — возразилъ Наполеонъ.—Вы хорошо знаете мое положеніе, полковникъ Бордони, и, конечно, находите мой отвѣтъ вполнѣ основательнымъ. Я не сомнѣваюсь въ преданности итальянцевъ, но откуда мнѣ взять необходимую армію, чтобы имѣть успѣхъ въ этомъ дѣлѣ?

— Дайте только рѣшительный отвѣтъ, ваше величество, и въ короткое время необходимыя войска будутъ находиться въ вашемъ распоряженіи.

— Я не сомнѣваюсь въ патріотизмѣ нѣкоторой части Италіи, но при этомъ я боюсь, что этой части окажется недостаточно въ данный моментъ для одержанія побѣды надъ нашими врагами: поэтому я хочу прежде, чтобы весь итальянскій народъ созналъ необходимость объединенія Италіи и тогда только, имѣя на нашей сторонѣ Францію, мы можемъ вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ.

Я постараюсь, ваше величество, въ такомъ случаѣ убѣдить моихъ друзей вооружиться терпѣніемъ и не предпринимать ничего серьезнаго, пока народъ самъ не сознаетъ своей пользы, надѣюсь, что нелегальность подобнаго положенія вещей скоро принудитъ всю Италію подняться на ноги и завоевать объединеніе своей страны.

— Сдѣлайте такъ, полковникъ, и не забудьте напомнить вашимъ друзьямъ, что это единственный путь, посредствомъ котораго можно достигнуть цѣли, и я желаю отъ всего сердца, чтобы они вполнѣ сознали это. Скажите имъ кромѣ того, пусть они не сомнѣваются въ моемъ искреннемъ желаніи имъ добра и могутъ вполнѣ положиться на меня. Я самъ искренно желаю объединенія Италіи.

Затѣмъ Наполеонъ просилъ Бордони, когда тотъ будетъ

въ Вѣнѣ, постараться вывѣдать о тайныхъ замыслахъ тамошнихъ дипломатовъ и выдадутъ ли ему достаточную сумму для постройки дворца въ Феррайо, такъ какъ настоящій слишкомъ тѣсенъ для него и для его свиты. Потомъ, помолчавъ немного, какъ бы собираясь высказать что-то слишкомъ для него непріятное и щекотливое, онъ продолжалъ:

— Еще одно порученіе, оно касается до.... императрицы. Марія Луиза не живетъ въ Вѣнѣ, а находится въ замкѣ Рауxенштейнъ, недалеко отъ Бадена. Мои агенты сообщили мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о частной жизни императрицы, въ которой замѣшано имя генерала Нейпиргъ. Прошу васъ, полковникъ, разузнайте объ этомъ и привезите мнѣ точныя свѣдѣнія.

— Повѣрьте, ваше величество, вы можете совершенно положиться на меня, я съумѣю исполнить данное мнѣ порученіе,—сказалъ Бордони.

— Вы, конечно, хорошо понимаете, что это порученіе нѣкоторымъ образомъ касается и Джуліи Вантини, — замѣтилъ Наполеонъ, бросивъ на полковника многозначительный взглядъ.

Бордони молча поклонился, но не собирался еще уходить, такъ какъ ясно видѣлъ, что императоръ хочетъ ему сказать еще что-то.

Наполеонъ между тѣмъ задумчиво стоялъ у окна. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, наконецъ императоръ повернулся къ Бордони и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Я долженъ сказать вамъ еще нѣсколько словъ: передайте вашимъ друзьямъ, что моя настоящая кажущаяся праздность не должна для нихъ имѣть никакого значенія: я слѣжу за всѣмъ и знаю все, что дѣлается: отъ меня не ускользаетъ ничто, могущее имѣть какой либо интересъ для нихъ.

Наполеонъ снова замолчалъ. Затѣмъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и остановившись передъ портретомъ своего сына, висѣвшимъ надъ его письменнымъ столомъ, сказалъ.

— Король Рима! Назвалъ тебя такъ, потому что желалъ подъ однимъ скипетромъ соединить Францію и Италію.

Затѣмъ Наполеонъ опять сталъ ходить по комнатѣ и говорить какъ-бы самъ съ собою:

— А ты, мой сынъ, далеко отъ меня; быть можетъ, ты даже и не помнишь своего отца, который столько заботится о твоемъ величіи и такъ жаждетъ прижать тебя къ своей груди. Безсердечные! Имъ мало было, что они отняли отъ меня царство и свободу, но имъ нужно было еще растерзать мое сердце, отнявъ тебя отъ меня. Ты живешь теперь среди моихъ враговъ и тебя научатъ презирать меня. Быть можетъ, даже твоя мать, по наущенію своего лукаваго отца, научитъ тебя ненавидѣть того, кто далъ тебѣ жизнь, для кого ты дороже всего на свѣтѣ. А она, она сама, вѣроятно, забыла меня въ объятіяхъ другаго!... Она-же никогда меня не любила. Я не зналъ этого. Разъ сердце не принадлежитъ другъ другу, то бракъ уже не проченъ. Но изъ этого жизненнаго крушенія мнѣ остается мой сынъ, для него-то я хочу жить, чтобы спасти его, короля Рима! У меня еще достаточно осталось мужества и есть друзья, которые помогутъ мнѣ; я еще не забытъ во Франціи. И только что я съ тріумфомъ въѣду въ мою столицу, тогда и твоя корона, король Рима, будетъ обезпечена!

Конечно, эти мысли сильно разстроили Наполеона. онъ простился съ Бордони, крѣпко пожавъ ему руку.

По уходѣ полковника, императору захотѣлось нѣсколько разсѣять свои грустныя мысли и онъ, въ сопровожденіи одного только Сантини, выѣхалъ на парусной лодкѣ въ море. Дулъ легкій вѣтеръ, судно скоро удалилось отъ берега и направилось къ пустынному скалистому, лежавшему недалеко отъ Эльбы, острову, гдѣ только одни коршуны да другія хищныя птицы вили свои гнѣзда.

Бордони же приказалъ осѣдлать лошадь и отправился въ Сенъ-Мартино, куда уже два дня тому назадъ переселилась

княгиня. Весьма важныя причины принудили Паулину уѣхать изъ дворца. Мать Наполеона, синьора Летиція, возвѣстила о своемъ пріѣздѣ на островъ Эльбу, такъ что комнаты, занимаемыя во дворцѣ княгинею, пришлось приготовить для пріѣзжей гостьи. Кромѣ того Наполеонъ предполагалъ, что вдали отъ придворной жизни онъ скорѣе достигнетъ своихъ желаній относительно Джуліи. Императоръ уже видѣлъ у княгини молодую красавицу и выразилъ ей свою благодарность, что она исполнила желаніе его сестры.

Княгиня же получила порученіе отъ брата допытаться отъ Джуліи, не занято-ли сердце молодой дѣвушки кѣмъ-либо другимъ, чтобы Наполеонъ могъ, смотря по этимъ свѣдѣніямъ, направить свои искательства.

Тамъ обѣ дамы два дня спустя послѣ пріѣзда въ виллу сидѣли на верандѣ и вели задушевный разговоръ. Кромѣ княгини и Джуліи тамъ никого не было; по желанію Паулины никто не долженъ былъ имъ мѣшать. Г-жа де-Биллонъ отправилась по порученію княгини въ городъ. Г-жа же Бертранъ и де-Вантадуръ жили постоянно въ Феррайо и навѣщали княгиню только вечеромъ. Точно также Друо и другіе ея приближенные никогда не являлись къ ней безъ особаго приглашенія по утрамъ, а постоянно бывали только вечеромъ.

Для Джуліи тишина сельской жизни была болѣе по сердцу, чѣмъ придворная суета и то всеобщее вниманіе, которое она видѣла со всѣхъ сторонъ.

Княгиня сидѣла въ креслѣ и разсматривала діадему, присланную ей императоромъ, и не прерывала разговора со своею собесѣдницею. Джулія же сидѣла неподалеку отъ нея и занималась вышивкою.

Полюбовавшись діадемою, княгиня положила ее въ футляръ, но не закрывала его.

Предметомъ настоящаго разговора были мужчины, которые своимъ умомъ и храбростью приводятъ въ удивленіе весь

свѣтъ, и рѣчь перешла на Наполеона, которому Джулія и отдала должное предпочтеніе передъ всѣми.

Конечно, это было сдѣлано княгинею съ умысломъ, чтобы вывѣдать мысли Джуліи относительно императора.

— Я должна сказать вамъ,—начала Паулина, — что вы первая женщина со времени пріѣзда императора на островъ Эльбу, обратившая на себя его вниманіе.

Джулія покраснѣла: она никакъ не ожидала, что разговоръ можетъ принять такой оборотъ.

— Прошу васъ, ваша свѣтлость, — замѣтила смущенная дѣвушка, – не передавайте нашего разговора императору.

— А почему-же? Зачѣмъ мнѣ скрывать отъ него то, что можетъ ему доставить такое большое удовольствіе? Напротивъ того. то удивленіе его генію, которое вы только что высказали, можетъ доставить ему большое удовольствіе и будетъ для него настоящимъ сюрпризомъ. Подумайте, у моего бѣднаго брата здѣсь такъ мало радостей: онъ разлученъ и со своюю супругою. и со своимъ сыномъ и постоянно въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, что я боялась за него: онъ могъ бы заболѣть; его ничто не интересовало, а на женщинъ онъ не обращалъ никакого вниманія. Вы, мой другъ, должны воспользоваться обращеннымъ на васъ вниманіемъ императора, стараться развеселить его и способствовать его хорошему расположенію духа. Обѣщайте мнѣ это сдѣлать, дайте вашу руку.

Джулія положила свою руку въ руку княгини и отвѣчала.

— Вы задали мнѣ слишкомъ трудную задачу, княгиня, и я рѣшительно не знаю, съумѣю ли привести ее въ исполненіе. Все-же я постараюсь вамъ повиноваться и откровенно говорю, что очень горжусь этимъ.

— Вы говорите хорошо и разсудительно, моя прелестная Джулія. Я вполнѣ увѣрена, что вы развеселите моего брата и разгоните его скуку. Вы, такая умница и красавица!

При этихъ словахъ княгиня притянула къ себѣ Джулію и поцѣловала ее.

Въ эту минуту послышался топотъ копытъ и обѣ дамы повернули головы къ дорогѣ.

— Къ намъ ѣдутъ гости! Это Бордони! — воскликнула княгиня, узнавшая тотчасъ-же приближающагося всадника.— Но что это онъ такъ рано пріѣхалъ? Вѣроятно, случилось что-нибудь особенное. Какъ онъ, однако, ловко сидитъ на конѣ. Не правда-ли, это очень красивый мужчина?

Джулія также узнала Бордони и поблѣднѣла, но княгиня, занятая полковникомъ, не замѣтила перемѣны въ лицѣ своей собесѣдницы и продолжала восхвалять полковника.

— О, подобный человѣкъ непремѣнно долженъ покорить сердце каждой женщины! Не произвелъ-ли онъ впечатлѣнія и на васъ, Джулія?

Молодая дѣвушка покачала головой. Ей было очень грустно, хотѣлось плакать, но приходилось притворяться и хотя наружно казаться совершенно спокойною.

— О, я вѣрю вамъ, — продолжала Паулина. — Вы такъ спокойны, какъ будто бы Бордони совершенно обыкновенный человѣкъ. Вы даже нисколько не покраснѣли и не выказали ни малѣйшаго волненія. Но тѣмъ лучше; слѣдовательно мнѣ не приходится ревновать мою прелестную пріятельницу. Мнѣ всегда казалось, что если какому нибудь мужчинѣ и суждено завоевать ваше сердце, то это долженъ быть Бордони, и надо вамъ признаться, я очень сожалѣла, поручивъ именно полковнику передать вамъ мое приглашеніе, но теперь я спокойна относительно васъ, зная, что вы къ нему совершенно равнодушны.

Болтовня княгини была прервана докладомъ слуги о пріѣздѣ Бордони.

Паулина приказала тотчасъ привести полковника на веранду.

— Какъ вы находите меня сегодня? — обратилась княгиня

къ Джуліи по уходѣ слуги, — у меня не слишкомъ больной видъ?—при этомъ Паулина взяла лежащее подлѣ нея ручное зеркало, посмотрѣлась въ него и поправила прическу.

Джулія успокоила ее нѣсколькими словами относительно ея наружности, на что княгиня возразила:

— Ахъ, моя милая, ужасно, когда физическія страданія мало-по-малу отнимаютъ отъ насъ красоту, да еще въ то время, когда сердце преисполнено желанія нравиться такому красивому мужчинѣ какъ Бордони. Да, если бы я была такъ здорова и свѣжа какъ вы, то никогда не заботилась бы о моемъ туалетѣ.

Джуліи не пришлось дать никакого отвѣта, такъ какъ въ это время вошелъ полковникъ, что ей было очень пріятно: какой отвѣтъ она могла дать княгинѣ?

— Soyez le bien venu, мой дорогой полковникъ!—воскликнула Паулина, протягивая новопришедшему обѣ руки, которыя онъ поднёсъ къ своимъ губамъ.—Что привело васъ сегодня такъ рано ко мнѣ?

Джулія, поклонившись Бордони, хотѣла было удалиться, но Паулина возразила:

— Останьтесь съ нами, моя милая, вѣдь Бордони также и вашъ другъ.

— Я также буду просить синьорину остаться: мнѣ нужно и ей сказать нѣсколько словъ.

Джулія удивилась, но не сказала ни слова, снова сѣла на прежнее мѣсто и взялась за вышивку.

Паулина же указала Бордони на близъ стоящій стулъ и спросила:

— Что же вы намъ сообщите?

— Я пріѣхалъ, милостивая княгиня, проститься съ вами,— отвѣчалъ Бордони.

— Вы уѣзжаете?—спросила снова княгиня, непріятно пораженная его словами.

— Да, ваша свѣтлость, этого требуютъ мои дѣла.

— Это мнѣ очень непріятно,—замѣтила Паулина, кокетливо надувъ губки.

— Ваша доброта увеличиваетъ мое сожалѣніе, что я непремѣнно долженъ ѣхать. Вамъ извѣстно, я не господинъ своей воли.

— Что же это за дѣла, для которыхъ вы меня покидаете?

— Это относится къ тѣмъ сообщеніямъ, о которыхъ я вамъ уже говорилъ раньше.

— Развѣ нельзя все это устроить, оставаясь здѣсь?

— Нѣтъ, я долженъ лично видѣться съ моими друзьями. Кромѣ того еще императоръ далъ мнѣ нѣкоторыя порученія.

Паулина была очень опечалена отъѣздомъ Бордони и не признавала никакихъ доводовъ.

— Куда-же вы ѣдете?—снова спросила она полковника.

— Я ѣду въ Италію, прежде всего въ Ливорно, а потомъ въ Генуя и въ Туринъ, и поэтому я хотѣлъ бы спросить синьору, не будетъ ли у нея какихъ нибудь порученій ея друзьямъ?—сказалъ Бордони, обращаясь къ Джуліи

— Благодарю васъ, синьоръ, за вашу доброту и прошу васъ передать поклонъ моимъ друзьямъ и сказать имъ, что я съ нетерпѣніемъ жду момента свиданія съ ними,—замѣтила Джулія слегка дрожащимъ голосомъ и съ трудомъ обращая спокойный взоръ на Бордони. боясь, чтобы не было замѣтно ея волненія.

— Не желаете ли вы послать со мной письмо,—для этого еще достаточно времени, я уѣзжаю только завтра утромъ.

— Я недавно писала моей подругѣ и теперь пока не о чемъ сообщать ей; только прошу васъ передать ей, что вы видѣли меня при дворѣ ея свѣтлости,—сказала Джулія. повернувшись въ сторону Паулины.

— Да, да, разскажите ей это все и прибавьте, что Джулія прогоститъ у меня всю зиму.

— Какъ ваша свѣтлость?—воскликнула удивленная Джулія, которой этотъ срокъ показался слишкомъ длиннымъ.

— Вы не хотите? почему-же? я думала вы съ уводольствіемъ останетесь у меня на всю зиму. Ваши родители переѣдутъ въ Феррайо и вы можете съ ними видѣться когда угодно. Неужели вы не хотите развлечь немного бѣдную больную пріятельницу, да кромѣ того вы должны еще исполнить данное мнѣ обѣщаніе.—При этомъ княгиня бросила на Джулію взглядъ, который молодая дѣвушка вполнѣ поняла.

Она покраснѣла, что не ускользнуло отъ Бордони, которому также сталъ ясенъ намекъ княгини.

Наступила пауза: казалось, Джулія и Бордони были въ крайнемъ смущеніи; но вотъ за дверью послышался шумъ и вошелъ Наполеонъ.

Джулія и Бордони встали, а Паулина пожелала брату добраго утра.

— Сидите, синьора, и вы также, полковникъ; мы всѣ тутъ гости княгини,—сказалъ Наполеонъ, приблизясь къ Джуліи, взявъ ее за руку и заставивъ сѣсть.

По блестящимъ глазамъ императора сейчасъ можно было догадаться, что онъ былъ очень доволенъ, заставъ Джулію здѣсь.

Затѣмъ Наполеонъ подошелъ къ княгинѣ и пожалъ ей протянутую руку.

Бордони пододвинулъ кресло императору, но этотъ послѣдній не сѣлъ, а продолжалъ стоять подлѣ княгини.

— Я только что вернулся съ прогулки по морю,—замѣтилъ онъ,—и мнѣ слѣдуетъ немного постоять, а то у меня отъ сидѣнья заболѣли ноги.

Затѣмъ императоръ освѣдомился о здоровьѣ княгини и, получивъ отъ нея отвѣтъ, сказалъ:

— Я хочу сообщить кое-что очень интересное, оно въ одно время и удивитъ васъ и обрадуетъ.

— Что-же это такое, государь?—спросила съ любопытствомъ Паулина.

— Сегодня во время моей поѣздки я сдѣлалъ важное

открытіе, которое я надѣюсь въ скоромъ времени изслѣдовать нѣсколько ближе. Вы удивитесь, княгиня, услышавъ, что на нашемъ скалистомъ островѣ также какъ въ Перу и Мексикѣ есть золотыя руды или по крайней мѣрѣ золотой «гротъ».

Паулина удивилась.

Джулія между тѣмъ знала нѣкоторыя подробности.

— Гротъ довольно обширенъ, но входъ въ него заросъ кустарникомъ и колючими растеніями, такъ что туда трудно пробраться. Разсказываютъ, что тамъ есть большой проходъ, но насколько мнѣ извѣстно,—продолжала молодая дѣвушка,—до сихъ поръ оттуда не добывали ни золота, ни какого другаго метала.

— Благодарю васъ, синьора — отвѣчалъ Наполеонъ, — ваше сообщеніе представляетъ мнѣ хорошую точку опоры судить объ этомъ дѣлѣ. Вѣроятно, эта руда когда-нибудь давала золото, но теперь она оставлена; во всякомъ случаѣ меня это интересуетъ и мнѣ желательно было бы сдѣлать нѣкоторыя изслѣдованія. Какъ жаль,—продолжалъ императоръ, обращаясь къ Бордони, что вы насъ оставляете, иначе я попросилъ бы васъ поѣхать вмѣстѣ со мною для этихъ изслѣдованій. Вѣдь завтра вы ѣдете въ Ливорно?

— Точно такъ, государь, и я надѣюсь, что ваше величество дозволитъ мнѣ раскланяться передъ ея свѣтлостью.

Бордони во время всего этого разговора ждалъ только удобнаго случая поскорѣе проститься съ Паулиною, чтобы выйти изъ неловкаго положенія.

Между тѣмъ Паулина сказала ему:

—Подождите минуточку, полковникъ, мнѣ нужно дать вамъ еще нѣкоторыя порученія.

Она тотчасъ встала, знакомъ подозвала къ себѣ Наполеона, отошла съ нимъ въ дальній конецъ веранды и когда была увѣрена, что ее никто не услышитъ, она сказала шепотомъ брату:

— Я нарочно оставляю тебя одного съ Джуліей: надѣюсь, ты съумѣешь съ пользою употребить время; желаю тебѣ счастья, эта побѣда не должна обойтись тебѣ слишкомъ дорого. Ея сердце совершенно свободно и единственный мужчина, къ которому она чувствуетъ нѣкотораго рода удивленіе, — это императоръ Наполеонъ. Надѣюсь, ты останешься доволенъ мною и не замедлишь выказать мнѣ твою благодарность.

— Конечно, конечно, моя добрая Паулина, я уже и теперь премного благодаренъ тебѣ. Иди-же скорѣе, я горю нетерпѣніемъ скорѣе начать игру и удостовѣриться на сколько справедливы твои слова.

— Однако, не спѣши. Съ Джуліею слѣдуетъ обращаться ласково и нѣжно, но не пугать ее слишкомъ сильной страстью.

— Ты хорошо узнала ея характеръ?

— Конечно. Но согласись самъ, не могла же я проникнуть въ сокровенныя тайны ея души. Она отъ природы очень скрытна и обладаетъ слишкомъ большимъ умомъ, чтобы тотчасъ выдать свои мысли. Будь остороженъ,—заключила Паулина, бросивъ взглядъ на брата.

Затѣмъ оба вернулись къ Джуліи и Бордони, который въ это время обмѣнялся съ молодою дѣвушкою нѣсколькими незначущими фразами касательно своего путешествія.

Княгиня же, вернувшись къ Бордони, сказала:

— Дайте мнѣ вашу руку, полковникъ, и отведите меня въ гостинную,—затѣмъ повернувшись къ Наполеону—прибавила:—моя бесѣда съ Бордони, относительно моихъ порученій не будетъ продолжительна, я скоро вернусь: а пока синьора займетъ мое мѣсто..

Съ этими словами Паулина подъ руку съ Бордони направилась въ домъ медленными шагами какъ подобаетъ больной.

Скоро дверь затворилась; Наполеонъ и Джулія очутились съ глазу на глазъ.

Сердце молодой дѣвушки сильно забилось: она предчувствовала, что разговоръ вполголоса между сестрою и братомъ

касался именно ея; она вспомнила и свой утренній разговоръ съ княгинею, въ которомъ та довольно ясно высказала ей намѣренія Наполеона и хотя она уже подготовилась къ этой опасной игрѣ, но тѣмъ не менѣе чувствовала нѣкоторую робость, оставшись съ человѣкомъ, умѣвшимъ покорять сердца.

Наполеонъ приблизился къ молодой дѣвушкѣ и сказалъ:

— Вы не повѣрите, прекрасная Джулія, какъ я доволенъ, что могу безъ свидѣтелей выразить вамъ все свое уваженіе. Однако, сядемте же,—сказалъ онъ, указывая ей на стулъ и пододвигая къ ней свой.—Вашъ пріѣздъ къ княгинѣ радуетъ меня не менѣе, чѣмъ мою сестру, и потому позвольте мнѣ поблагодарить васъ еще и отъ себя за доставленное мнѣ удовольствіе.

Онъ взялъ руку молодой дѣвушки и при этомъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, что она не могла сомнѣваться ни на минуту въ его чувствахъ. Однако, она скоро вошла въ свою роль.

— Ваше величество, вы оказываете слишкомъ много милости бѣдной дѣвушкѣ, которая этого вовсе не заслуживаетъ.

— Тутъ не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь милости: вы произвели сильное впечатлѣніе на меня вашимъ умомъ и вашею красотою,—онъ снова взялъ ея руку и сталъ держать въ своей.—Несчастіе государей собственно и заключается въ томъ, что имъ не вѣрятъ въ нѣжныхъ чувствахъ, всякое выраженіе уваженія называютъ холоднымъ словомъ «милость». Вы не повѣрите, какъ грустно становится, когда приходится лишать себя счастья, которымъ пользуются нѣкоторые смертные. Считайте мои слова совершенно искренними, не смотрите на нихъ, какъ на царскую милость, этимъ вы меня очень обрадуете.

Онъ нѣжно посмотрѣлъ на нее, забывъ вѣроятно при этомъ недавнія предостереженія княгини.

— Я постараюсь исполнить желаніе вашего величества, но надѣюсь, государь, вы будете снисходительны ко мнѣ: я

еще не привыкла къ этикету придворной жизни и рѣшительно даже сомнѣваюсь, буду ли способна когда-нибудь совершенно съ нимъ освоиться.—при этомъ Джулія ловко выдернула свою руку изъ рукъ императора.

— Къ чему вамъ этотъ этикетъ, прелестная Джулія,— возразилъ Наполеонъ,—именно ваша естественность и безъискусственность и произвели на меня сильное впечатлѣніе. Вы только выигрываете этимъ.

— Мнѣ же кажется, напротивъ, ваше величество, что моя сельская простота должна производить на васъ непріятное впечатлѣніе,—сказала она и посмотрѣла наивно на императора.

— Совершенно неправда: вы можете быть вполнѣ увѣрены, я всегда буду находить васъ прелестною,—возразилъ Наполеонъ и положилъ свою руку на спинку ея стула, такъ что слегка коснулся затылка Джуліи.

— Эти милостивыя слова вселяютъ въ меня большое мужество и я должна откровенно признаться, что, читая о вашихъ походахъ и геройскихъ подвигахъ, я никогда не думала, чтобы вы могли интересоваться будничными явленіями жизни.

— Ваши слова подтверждаютъ то, что я сказалъ вамъ: государямъ обыкновенно отказываютъ въ чисто человѣческихъ чувствахъ. Удивленіе красотѣ—законъ природы, и я вполнѣ признаю его. Замѣтьте это, прелестная Джулія, и тогда вы поймете меня.—Вы говорите, что читали обо мнѣ?

— Много и очень часто; подвиги вашего величества возбуждали во мнѣ необычайное удивленіе: я никакъ не могла понять, какъ одинъ человѣкъ, благодаря своему геніальному уму, могъ покорить милліоны людей. Но, ваше величество, вмѣстѣ съ вашимъ именемъ были соединены и всѣ мои желанія и надежды и они до сихъ поръ не только не оставили меня, но съ годами все болѣе и болѣе увеличивались.

— Желанія, надежды?—Какого-же рода стали эти же-

ланія и надежды? спросилъ Наполеонъ, крайне заинтересованный этимъ разговоромъ.

— А моя болтовня не утомитъ вашего величества? Я какъ всякая женщина не умѣю выражаться коротко и ясно, и всегда употребляю много лишнихъ словъ, если разсказываю что-нибудь.

— Говорите, говорите, вы ведете всегда разсказъ очень хорошо, съ улыбкою замѣтилъ Наполеонъ.

— Тогда позвольте мнѣ сказать вашему величеству, какъ я была рада, узнавъ, что васъ, государь, провозгласили императоромъ Франціи, и всѣ государи и князья преклонялись передъ вами; тогда-то возникла въ моей душѣ надежда, что вы, назвавъ вашего сына королемъ Рима, провозгласите себя императоромъ Италіи. Тогда-бы мое желаніе исполнилось. Такъ думаю не только я, но и многіе мои соотечественники.

Наполеонъ слушалъ молодую дѣвушку съ большимъ вниманіемъ; затѣмъ онъ прошелся нѣсколько разъ по верандѣ и остановившись передъ молодою дѣвушкою сказалъ:

— Вы дѣйствительно итальянка, въ полномъ значеніи этого слова. Я хвалю васъ за ваши патріотическія чувства; ваше отечество можетъ гордиться вами! Если-бы всѣ итальянки думали такъ, какъ вы, то нарождающееся поколѣніе было бы непобѣдимо. Я желалъ бы видѣть подобную же любовь со стороны французовъ,—это было бы лучше и для нихъ, и для ихъ будущности. Но — замѣтилъ онъ улыбнувшись, — вы очень ловко свернули на политику почти даже противъ моего желанія; но я не сержусь на васъ, ваши чувства не пустая сентиментальность, не имѣющая почвы подъ ногами! Затѣмъ онъ взялъ ея руки и прямо посмотрѣлъ ей въ глаза:

— Какъ васъ воодушевило ваше патріотическое чувство! Какъ блестятъ ваши глаза! Какимъ яркимъ румянцемъ покрылись ваши щеки! Такою вы мнѣ нравитесь еще больше, и теперь вамъ не достаетъ только золотой короны, чтобы быть импе-

ратрицею Италіи:—потомъ, какъ бы случайно онъ взглянулъ на лежащую въ футлярѣ діадему, взялъ ее и надѣлъ на темные волосы дѣвушки. Дѣйствительно Наполеонъ прислалъ эту діадему княгинѣ для подарка Джуліи, думая этимъ снискать ея расположеніе.

Императоръ стоялъ передъ Джуліей и любовался ею, такъ какъ дорогое украшеніе еще болѣе возвышало красоту молодой дѣвушки. Быть можетъ Наполеонъ и готовъ былъ высказать безъ всякихъ намековъ свои чувства Джуліи, но въ это время вошла княгиня.

— О, какъ хорошо! какъ хорошо!

— Неправда-ли? — замѣтилъ Наполеонъ, взявъ за руку Джулію и подводя ее къ княгинѣ.—Она напоминаетъ красавицу Аспазію.

— Конечно, конечно. Вы хорошо сдѣлали, государь! Діадема вамъ къ лицу! — сказала Паулина, осматривая Джулію. Но, государь, — продолжала она, обращаясь къ брату, — къ этой діадемѣ слѣдуетъ еще прибавить браслетъ и серьги. Вы должны позаботиться объ этомъ; Джулія должна имѣть полный приборъ.

— Ваша свѣтлость! — воскликнула удивленная Джулія, отступая назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть мой братъ позаботится объ этомъ,— возразила Паулина,—онъ хотя и мужчина, но у него много вкуса.

— Если вы мнѣ позволяете, синьора, я приведу въ исполненіе желаніе княгини,—замѣтилъ Наполеонъ.

— Ваше величество слишкомъ милостивы, — возразила Джулія; она находилась дѣйствительно въ затруднительномъ положеніи:—она не должна была отказаться отъ подарковъ, которые ей предлагали съ видомъ такой дружбы, и въ то же время она очень хорошо знала, съ какою цѣлію это дѣлается. Однако, княгиня не дала ей договорить и обратясь къ брату замѣтила:

— Завтракъ уже готовъ и я вполнѣ увѣрена, государь, вы сдѣлаете мнѣ честь раздѣлите его со мною; прибавлю къ этому еще, что полковникъ будетъ также моимъ гостемъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Наполеонъ,—разговоръ будетъ еще оживленнѣе,—и съ этими словами онъ взялъ подъ руку обѣихъ дамъ.

Джулія хотѣла было снять діадему, но княгиня замѣтила ей:

— Не снимайте, Джулія, она вамъ очень идетъ.

Джуліи пришлось повиноваться и она подъ руку съ императоромъ вошла въ столовую.

Бордони уже ожидалъ ихъ тамъ. Только что полковникъ замѣтилъ дорогую діадему на головѣ Джуліи, какъ онъ уже вывелъ свое заключеніе изъ всего предъидущаго и бросилъ на молодую дѣвушку взглядъ полный презрѣнія, и Джулія хорошо видѣла этотъ взглядъ и сердце ея сильно сжалось, но тѣмъ не менѣе въ ней заговорила ея гордость.

За завтракомъ она старалась быть веселою и разговорчивою. Бордони точно также скрывалъ свои настоящія чувства и оба старались превзойти другъ друга въ веселости и остроуміи. Наполеонъ также не отставалъ отъ нихъ и даже княгиня, забывъ объ отъѣздѣ своего друга и о своей роли больной, много смѣялась, болтала и шутила.

Завтракъ нѣсколько затянулся и далеко послѣ полудня Наполеонъ и Бордони вернулись въ Феррайо.

Оставшись одна съ Джуліею, княгиня заявила этой послѣдней, что уже давно не проводила такъ весело время какъ сегодня, затѣмъ она удалилась въ свою спальню отдохнуть до вечера.

Джулія также отправилась къ себѣ, но только не для отдыха, а для того, чтобы имѣть возможность излить хотя въ слезахъ бушевавшее такъ долго и скрываемое такъ волненіе. Поднявшись въ свою комнату, она сорвала съ головы

дорогую діадему, бросила ее на столъ и залилась горькими слезами.

Ея гордость была надломлена; она никакъ не могла забыть полный презрѣнія взглядъ, брошенный на нее Бордони; этотъ взглядъ потрясъ ее до глубины души.

XVIII.

Синьора Летиція Румолино.

Былъ двѣнадцатый часъ по-полудни. Изъ города Феррайо и изъ фортовъ, находящихся близъ гавани, раздавались время отъ времени пушечные выстрѣлы. Весь городъ былъ въ сильномъ волненіи; улицы и площади наполнены народомъ; дома были украшены вѣнками, флагами, на балконахъ вывѣшены ковры. На «Piazze d'Army» стояла императорская гвардія въ полной парадной формѣ; небольшая группа военныхъ музыкантовъ помѣстилась у того мѣста набережной, гдѣ высаживаются пассажиры. Лѣстница, ведущая отъ набережной къ морю, была устлана ковромъ, а около лѣстницы стоялъ голубой шелковый балдахинъ, и подъ нимъ на коврѣ было поставлено нѣсколько стульевъ; вблизи балдахина находились богатыя украшенныя золотыми кистями носилки, а подлѣ нихъ восемь рослыхъ островитянъ. Нѣсколько придворныхъ лакеевъ въ новой парадной формѣ стояли у балдахина. У лѣстницы набережной колыхалась на якорѣ разукрашенная шлюпка съ капитаномъ и матросами также въ парадной формѣ. На шлюпкѣ развѣвался императорскій флагъ.

Вдругъ со стороны моря раздался выстрѣлъ, за нимъ послѣдовалъ другой и третій и на нихъ отвѣтили салюты изъ прибрежныхъ фортовъ.

Вскорѣ затѣмъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ обратилось на море, гдѣ показался бригъ съ императорскимъ

флагомъ и въ толпѣ послышалось: «Она ѣдетъ, она ѣдетъ!»

Нѣсколько минутъ спустя изъ города послышался барабанный бой; офицеры и солдаты, бывшіе на набережной стали строиться.

Въ то же время показалось нѣсколько носилокъ, направлявшихся къ балдахину; въ первыхъ роскошныхъ носилкахъ была княгиня Боргезе, а въ слѣдующихъ ея придворныя дамы и въ томъ числѣ Джулія Вантини.

Паулина заняла одинъ изъ стульевъ подъ балдахиномъ, а дамы сгруппировались вокругъ нея.

Затѣмъ снова раздался барабанный бой, послышались крики толпы «Vive l'empereur!» что означало приближеніе императора.

Скоро показался и Наполеонъ на конѣ въ сопровожденіи Друо, Камбронна и другихъ офицеровъ; при приближеніи Наполеона снова раздалось «Vive l'empereur!» и гвардія выстроилась на караулъ. На вторичный крикъ толпы «Vive l'empereur» Наполеонъ махнулъ въ воздухѣ шляпой, сошелъ съ коня и направился подъ балдахинъ къ княгинѣ; его спутники также сошли съ коней, передавъ ихъ стоявшимъ тутъже слугамъ, и затѣмъ сгруппировались около палатки.

Наполеонъ привѣтствовалъ княгиню и обмѣнялся нѣсколькими фразами съ ея придворными дамами, при этомъ не забылъ сказать Джуліи, что ему очень пріятно видѣть и ее также здѣсь, затѣмъ направился вмѣстѣ съ прочими офицерами къ находящейся у берега шлюпкѣ и сѣлъ въ нее, приказавъ направиться къ бригу; лишь только шлюпка стала приближаться къ судну, какъ на палубѣ появилась пожилая дама и стала махать платкомъ. Наполенъ снялъ шляпу и махалъ ею въ воздухѣ. Гребцы налегли на весла и скоро достигли брига; Наполеонъ быстро взбѣжалъ по траппу и съ возгласомъ «Oh, ma chère mère!» бросился въ объятія пожилой дамы.

Эта дама и была Летиція Румолини, мать Наполеона. Императоръ былъ взволнованъ, а пожилая дама заплакала.

Ей больно было видѣть теперь своего низвергнутаго сына, составлявшаго все ея счастье, всю ея гордость.

— Сынъ мой, сынъ мой!—вотъ все, что могла произнести Летиція взволнованнымъ голосомъ.

— Еще до меня, великіе государи находили счастье и миръ въ небольшихъ земляхъ и да будетъ благословенъ твой пріѣздъ въ мое царство.

Затѣмъ Наполеонъ отвелъ мать въ сторону, обнялъ ее еще разъ и обмѣнявшись съ ней нѣсколькими фразами относительно здоровья княгини и другихъ членовъ семейства, онъ представилъ ей своихъ офицеровъ и затѣмъ всѣ направились къ шлюпкѣ. Когда причалили къ берегу, Наполеонъ помогъ матери подняться по ступенькамъ на берегъ, гдѣ ее встрѣтила княгиня: мать и дочь нѣсколько разъ обнялись и крѣпко поцѣловались.

Когда всѣ подошли къ палаткѣ, Летицію привѣтствовали придворныя дамы и бывшіе тамъ офицеры. Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій, дамы сѣли въ свои носилки, а мужчины на коней и подъ звуки музыки, барабанный бой и громъ орудій направились къ дворцу.

Синьора Летиція была женщина очень бережливая; когда-то она жила въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и съ возвышеніемъ ея сына, конечно, измѣнилась и ея жизнь. Правда, она хорошо видѣла, что устроенная ей торжественная встрѣча, на островѣ Эльбѣ, далеко не могла сравниться съ великолѣпіемъ Парижа, но все же материнское сердце радовалось и тому, что ея сынъ окруженъ хотя наружнымъ блескомъ, къ которому привыкъ.

Императоръ устроилъ торжественный обѣдъ въ честь пріѣзда своей матери. Джулія также была приглашена къ обѣду; сначала молодая дѣвушка хотѣла было принять предложеніе княгини, но дорогой раздумала и просила г-жу де-Бил-

лонъ извиниться за нее передъ ея свѣтлостью, сказавъ, что у ней сильно болитъ голова, вѣроятно вслѣдствіе жары и шума.

Джулія хотѣла вернуться въ виллу княгини, чтобы тамъ хорошенько успокоиться и подкрѣпить свои силы, для вечерняго торжества. Де-Биллонъ посмотрѣла сомнительно на Джулію, какъ бы не вѣря приведенной ею причинѣ, но замѣтивъ блѣдность молодой дѣвушки обѣщала исполнить ея желаніе.

Пріѣхавъ въ виллу, Джулія отправилась пройтись по саду и такъ погрузилась въ свои мысли, что рѣшительно не замѣтила, какъ за ней слѣдилъ какой-то мужчина; затѣмъ онъ куда-то исчезъ, такъ что Джулія его не замѣтила. Наконецъ, Джулія зашла въ самый отдаленный конецъ сада, какъ вдругъ какой-то шумъ заставилъ ее оглянуться и она увидѣли Джіунти, выходившаго изъ-за кустарника.

— Какимъ образомъ вы зашли сюда, Джіунти, и зачѣмъ вы избрали такой путь?—спросила она съ удивленіемъ.

— Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось это сдѣлать, такъ какъ я хотѣлъ видѣть васъ безъ свидѣтелей.

— Вы перелѣзли черезъ стѣну?

— Вы угадали!

— Васъ могли бы замѣтить.

— Конечно, но я былъ крайне остороженъ и меня никто не видалъ.

— Что вы хотите мнѣ сказать?

— Со дня нашего послѣдняго разговора, я васъ не видѣлъ ни разу; прошло болѣе двухъ недѣль и вамъ вѣроятно есть кое-что сообщить мнѣ, говорятъ, что вы въ чести не у одной княгини, замѣтилъ онъ съ цинической улыбкой.

Джулія смутилась; затѣмъ, вспомнивъ о своемъ планѣ, сказала:

— Конечно, но теперь я мало что могу сообщить вамъ; я стараюсь выпытать у императора его планы, но онъ такой скрытный...

— Я такъ и думалъ, возразилъ Джіунти, а княгиня вѣроятно болтлива?

— Да, она любитъ поговорить.

— Что-же она вамъ разсказывала?

— Она находитъ здѣшній воздухъ очень полезнымъ для себя и желаетъ, чтобы императоръ поскорѣе построилъ-бы дворецъ, въ которомъ, можно было бы расположиться поудобнѣе.

— Она или васъ обманула, или сама обманывается; Наполеонъ наименѣе всего желаетъ пользоваться здѣшнимъ воздухомъ...

— Почему вы это знаете?

— Я уже говорилъ вамъ, что для этого у меня имѣются свои источники. Повѣрьте мнѣ, что васъ обманываютъ и постарайтесь допытаться настоящей истины.

— А вамъ удалось узнать что нибудь о намѣреніяхъ императора?

— Я думаю, что знаю ихъ.

— А какого рода эти намѣренія?

— Вы сами можете догадаться; онъ желаетъ вернуться опять на французскій престолъ, или сдѣлаться императоромъ Италіи.

— Дѣйствительно? воскликнула Джулія.

— Въ этомъ рѣшительно нѣтъ никакого сомнѣнія: онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Парижемъ, кромѣ того мнѣ удалось узнать, что тотъ полковникъ, который былъ у васъ тогда со мною, комиссаръ итальянскихъ патріотовъ.

— Бордони? воскликнула обрадованная Джулія.

— Судя по тому, какъ мнѣ это передали, тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Это было бы прекрасно!—воскликнула Джулія.

— Неужели вы желате видѣть этого тирана, на тронѣ Италіи?

— Почему же нѣтъ? гораздо лучше, чѣмъ теперь тамъ управляетъ такъ много государей...

— Это совершенно другое. Но согласитесь сами, тиранъ всегда останется тираномъ; видѣть на престолѣ этого человѣка, было бы весьма нежелательно; пусть уже лучше тамъ управляютъ нѣсколько добрыхъ государей. Впрочемъ, подобной несправедливости не допустятъ въ Вѣнѣ, если только еще ранѣе дипломатовъ, другія обстоятельства не воспрепятствуютъ подобному несчастію.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила Джулія.

— Впрочемъ, человѣкъ никогда не можетъ предвидѣть будущаго, возразилъ Джіунти совершенно хладнокровно, уклоняясь отъ настоящаго отвѣта. Вы говорите, императоръ желаетъ себѣ построить новый дворецъ; нѣтъ-ли у него еще какихъ либо подобнаго рода плановъ?

— Право, не знаю, отвѣтила Джулія, потомъ какъ бы вспомнивъ желаніе Наполеона объ изслѣдованіи золотаго грота, прибавила: Я вспомнила, что императоръ желалъ лично изслѣдовать гротъ близъ Марино, думая найти тамъ золотую руду.

— Неужели? спросилъ Джіунти, едва подавивъ овладѣвшее имъ волненіе.

— Я знаю только, что императоръ былъ вблизи этого грота, и кажется, очень имъ интересовался.

— Онъ совершенно правъ: насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ гротѣ скрыты большія сокровища. Вѣроятно разработку этой руды оставили, потому что не было достаточно средствъ, или вначалѣ получались незначительные барыши; если-же за дѣло примутся какъ слѣдуетъ, то можетъ получиться большая прибыль. Если вы найдете удобный случай сообщить о гротѣ императору, то не забудьте этого сдѣлать, онъ вамъ будетъ очень благодаренъ.

— Я непремѣнно это сдѣлаю; ему очень пріятно будетъ подобное извѣстіе.

— Только прошу васъ не упоминайте моего имени, а скажите, что узнали это изъ какого нибудь другаго источника; въ вашемъ настоящемъ положеніи неудобно упоминать о такомъ простомъ родственникѣ какъ я, этого слѣдуетъ избѣгать.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше ничего не скажу о гротѣ императору.

— На вашемъ мѣстѣ я этого не сдѣлалъ бы, такъ какъ во всякомъ случаѣ Наполеонъ будетъ вамъ очень благодаренъ.

Джулія ничего не отвѣтила, а Джіунти, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Сегодня намъ болѣе нечего сообщить другъ другу. Впрочемъ, быть можетъ я могу оказать вамъ какую-нибудь услугу?

— Благодарю васъ.

— Вы позволите мнѣ еще когда нибудь выбрать такую же удобную минуту придти поговорить съ вами, какъ сегодня?

— Право не знаю: если же вамъ нужно будетъ сообщить мнѣ о чемъ нибудь важномъ напишите мнѣ, я постараюсь быть на этомъ мѣстѣ въ назначенный часъ.

— Благодарю васъ, постараюсь воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

Джіунти, разставшись съ Джуліею, ловко, какъ молодой человѣкъ, перелѣзъ черезъ стѣну и скоро скрылся изъ виду.

XIX

Казаться и быть.

Бордони, послѣ счастливаго переѣзда моремъ, прибылъ въ Ливорно, гдѣ ему пришлось, кромѣ своихъ дѣлъ, исполнить еще и нѣкоторыя порученія Наполеона.

Полковникъ не замедлилъ также навѣстить и синьору Монте и передалъ ей поклонъ отъ Джуліи.

Конечно, у нихъ зашелъ разговоръ о семействѣ Вантини и послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ Бордони на предложенные ему вопросы хозяйкою дома, синьора Монте воскликнула:

— Вы, кажется, полковникъ, кое что умалчиваете о Джуліи!

— Но только прошу васъ въ дальнѣйшемъ избавить меня отъ всѣхъ этихъ разспросовъ, — возразилъ Бордони такимъ тономъ, что ему вовсе не хочется говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возвразила синьора Монте,—я не принимаю никакихъ отговорокъ, вы должны разсказать намъ про Джулію все, что вамъ извѣстно; я очень люблю ее и хотѣла бы знать о ней все подробно; вы здѣсь среди друзей и вамъ нечего таиться.

— Хорошо, такъ и быть я разскажу вамъ,—началъ онъ послѣ небольшой паузы.—Вамъ извѣстна двусмысленная репутація княгини и ея прошлое, кромѣ того вамъ также извѣстно и то, что императоръ питаетъ большую склонность къ красивымъ женщинамъ, а Джулія произвела на него сильное впечатлѣніе...

— Я этому вполнѣ вѣрю, но также убѣждена и въ томъ, что ему не посчастливится въ его искательствахъ,—сказала синьора Монте твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ.

— Быть можетъ вы перемѣните ваше мнѣніе, когда я скажу вамъ, что свѣтъ смотритъ на Джулію какъ на возлюбленную императора.

— О, этотъ свѣтъ лжетъ; онъ судитъ совершенно ложно, съ негодованіемъ воскликнула синьора Монте.

— Я не хочу вамъ противорѣчить, но въ то же время долженъ сказать вамъ, что Наполеонъ ухаживаетъ за нею въ глазахъ всего свѣта, и въ тотъ день, когда я въ послѣд-

ній разъ завтракалъ у княгини, Джулія была также тамъ и приняла отъ императора дорогую діадему, которую и не снимала съ головы за завтракомъ.

— Неужели это возможно? Неужели Джулія до такой степени забыла свое достоинство, воскликнула синьора Монте, — впрочемъ, нѣтъ, продолжала она, Джулія слишкомъ самолюбива, слишкомъ горда и никогда не унизится до такой степени. Прошу васъ не торопитесь осуждать мою пріятельницу; быть можетъ, мы и ошибаемся.

Такимъ образомъ, разговоръ о Джуліи прекратился. Бордони положительно терялся въ догадкахъ и не зналъ какъ истолковать поведеніе той, которая, помимо его воли, занимала его сердце и не выходила у него изъ головы...

Между тѣмъ, на островѣ Эльбѣ устраивались всевозможныя празднества, по поводу пріѣзда матери императора.

Синьора Летиція, не смотря на свои шестьдесятъ четыре года, могла еще называться видною женщиною, хотя и была слишкомъ полна. Теперь она, не смотря на несчастье своего сына, все же была вполнѣ увѣрена, что онъ скоро все устроитъ опять къ лучшему и снова сдѣлается императоромъ. Эта мысль произвела на нее самое благопріятное впечатлѣніе.

Джулія видѣла мать императора въ день ея пріѣзда только мелькомъ и ей очень хотѣлось познакомиться съ нею поближе.

Когда-же синьора Летиція пріѣхала навѣстить свою дочь въ ея виллѣ, то княгиня не замедлила представить ей Джулію, какъ свою пріятельницу и собесѣдницу во время болѣзни.

Синьора Летиція радушно привѣтствовала молодую дѣвушку; ея красота и скромность, произвели на нее сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, мать императора вообще была очень любезна съ придворными дамами своей дочери.

Пріѣздъ матери на нѣкоторое время отдалилъ Наполеона отъ Джуліи. Правда, онъ встрѣчался съ нею въ обществѣ,

но ни разу ему не удалось видѣть ее съ глазу на глазъ послѣ того знаменательнаго разговора, когда онъ надѣлъ на ея голову дорогую діадему.

Между тѣмъ, императоръ въ глазахъ свиты, выказывалъ всегда вниманіе къ Джуліи, такъ что никто не сомнѣвался въ интимныхъ отношеніяхъ этой молодой дѣвушки къ императору

XX.

Императорскій смотръ.

Со времени прибытія синьоры Летиціи въ Феррайо безпрестанно устраивались празднества, въ которыхъ горожане болѣе или менѣе принимали участіе. Давались театральныя представленія, обѣды, вечера, и вездѣ на этихъ празднествахъ можно было встрѣтить Джулію.

Также была предпринята увеселительная поѣздка въ Лонгоне и въ Монте-Серрате, а на обратномъ пути всѣ заѣхали въ виллу Вантини, не исключая синьоры Летиціи, которая пришла въ восторгъ отъ живописной мѣстности, окружающей эту виллу. Синьора Вантини была на седьмомъ небѣ, видя у себя такихъ высокихъ гостей; она дала слово княгинѣ, что переѣдетъ на зиму въ Порто-Феррайо, чтобы имѣть возможность чаще видѣться съ дочерью, такъ какъ эта послѣдняя должна была остаться гостить у княгини всю зиму.

Джулія также согласилась на предложеніе Паулины, потому что еще до сихъ поръ ей не удалось привести въ исполненіе задуманнаго ею плана...

— Скоро вы будете свидѣтельницею необыкновеннаго торжества,— замѣтила княгиня Джуліи, возвращаясь съ нею изъ виллы Вантини. — Мой братъ намѣренъ устроить большой парадъ въ память одной изъ одержанныхъ имъ побѣдъ.

Вы непремѣнно должны ѣхать со мною на парадъ; это доставитъ вамъ большое удовольствіе.

Джулія изъявила полную готовность сопровождать княгиню на парадъ, такъ какъ дѣйствительно это зрѣлище для нея было совершенно ново и кромѣ того она знала, что своимъ согласіемъ сдѣлаетъ удовольствіе княгинѣ. Вообще Паулина желала имѣть молодую дѣвушку постоянно около себя, чтобы та развлекала ее и поддерживала бы ея хорошее расположеніе духа.

Казалось, княгиня совершенно забыла Бордони, о немъ къ тому же не было слышно; но въ сердцѣ Джуліи любовь къ Бордони увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Она не знала какъ Бордони было тяжело уѣхать съ острова Эльбы и не подозрѣвала, какъ горячо заступилась за нее подруга, когда Бордони разсказывалъ этой послѣдней о своемъ заключеніи, касательно отношеній Джуліи къ Наполеону.

Наступилъ день, назначенный для парада. Наканунѣ празднества, Наполеонъ самъ заѣхалъ къ княгинѣ и просилъ ее присутствовать на этомъ военномъ торжествѣ вмѣстѣ съ ея придворными дамами.

Смотры и парады происходили обыкновенно на Piazza d'Army. Еще до начала парада собралась масса зрителей около и даже на самой площади.

Для синьоры Летиціи, княгини и ея придворныхъ дамъ была устроена особая веранда, съ которой онѣ могли бы удобнѣе смотрѣть на парадъ.

Всѣ веранды, окна и балконы были наполнены народомъ; видно было, что жители Эльбы, придаютъ особое значеніе подобнаго рода зрѣлищамъ. Пока число любопытныхъ все болѣе и болѣе прибывало, появились отдѣльныя части войскъ въ парадныхъ мундирахъ съ развернутыми знаменами и въ сопровожденіи музыкантовъ и заняли опредѣленныя мѣста на площади.

Сначала явился, состоящій изъ 600 человѣкъ, батальонъ знаменитой императорской гвардіи; тамъ были все люди уже пожилые, закаленные въ битвахъ; ихъ груди были украшены орденами, а загорѣлыя суровыя лица ясно говорили, что эти воины не мало испытали на своемъ вѣку; дѣйствительно, храбрость императорской гвардіи Наполеона обратилась въ пословицу.

За ними слѣдовали 200 человѣкъ корсиканскихъ егерей,— сильные, здоровые солдаты, менѣе закаленные въ бою, чѣмъ императорская гвардія, но тѣмъ не менѣе мужественные и храбрые; они гордились тѣмъ, что служатъ императору, котораго имѣютъ право назвать своимъ землякомъ. Они выстроились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гвардіи, обмѣнявшись съ нею привѣтствіемъ.

Далѣе, предшествуемый барабанщиками, шелъ кавалерійскій отрядъ,—польскіе уланы, значки которыхъ развѣвались въ воздухѣ; ихъ также было 200 человѣкъ. Они выстроились въ рядъ со своими красивыми конями, а ихъ расшитая золотомъ одежда блестѣла на солнцѣ.

Когда всѣ войска выстроились, показались носилки синьоры Летиціи и княгини съ ея придворными дамами и заняли мѣста на верандѣ. Вскорѣ показался и Наполеонъ, окруженный своими генералами. Императоръ былъ въ общей генеральской формѣ; отдавъ честь сдѣлавшимъ ему на караулъ солдатамъ, онъ приблизился къ верандѣ, остановилъ коня и раскланялся съ дамами. Однако, взоръ его остановился на Джуліи, которая сегодня была одѣта особенно къ лицу, что еще болѣе возвышало ея красоту; но ему нельзя было долго любоваться красавицею, — войска ожидали его. Императоръ пришпорилъ коня и направился къ нимъ, тѣ прошли мимо Наполеона церемоніальнымъ маршемъ. Немного понадобилось для этого времени, такъ какъ всѣхъ войскъ было всего тысяча человѣкъ и для смотра понадобилось всего нѣсколько минутъ, тогда какъ прежде Наполеонъ употреблялъ на это два-три

часа. И грустно стало великому императору смотрѣть на небольшой отрядъ, данный ему европейскими дипломатами изъ его многочисленной арміи.

Медленно проѣхалъ императоръ передъ фронтомъ войскъ; на его устахъ блуждала принужденная улыбка, когда онъ кивалъ головою которому нибудь изъ старыхъ гвардейцевъ; затѣмъ онъ подъѣхалъ къ егерямъ и потомъ къ уланамъ; всѣмъ онъ оказалъ вниманіе, всѣмъ сказалъ какое либо ласковое слово. Съ восторгомъ смотрѣли войска на своего императора; ихъ выдержка была безупречна, и Наполеонъ остался вполнѣ доволенъ ею.

По окончаніи смотра, императоръ, окруженный своими генералами, выѣхалъ на середину площади и приказалъ солдатамъ стать вокругъ него.

Это приказаніе означало, что Наполеонъ хочетъ говорить съ войскомъ: это случалось въ первый разъ, какъ Наполеонъ поселился на Эльбѣ; всѣ были крайне удивлены и ожидали чего-то особеннаго; всѣ глаза устремились вопросительно на него:

— Я собралъ васъ сегодня, мои славные товарищи по оружію, — началъ Наполеонъ,—не безъ намѣренія и не для одного только смотра, а потому что сегодняшній день имѣетъ для насъ большое значеніе. У насъ 19-е октября. Семь лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, мы одержали славную побѣду при Ульмѣ, благодаря которой мы сломили не только могущество германскаго императора, но 23,000 враговъ сложили оружіе передъ орломъ Франціи и намъ сдалась крѣпость Ульмъ съ 60 пушками и 40 знаменами и всѣми военными снарядами и магазиномъ. Сраженіе при Ульмѣ—одинъ изъ блестящихъ подвиговъ великой арміи; она, эта побѣда, заслуживаетъ удивленія нашихъ современниковъ и о ней будутъ вспоминать и наши потомки; она всегда останется славнымъ памятникомъ замѣчательной храбрости великой арміи..

Я вполнѣ счастливъ, сознавая себя вождемъ этой великой

арміи и раздѣляя славу ея побѣдъ. Почтемъ, мои собраты по оружію, воспоминаніемъ славные подвиги арміи и воскликнемъ: «Да здравствуютъ побѣдители Ульма!»

Наполеонъ снялъ шляпу и сталъ махать ею въ воздухѣ; со всѣхъ сторонъ слышались крики: «Да здравствуютъ побѣдители Ульма!» Затѣмъ послышался барабанный бой и звуки трубъ.

Затѣмъ императоръ вызвалъ солдатъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, всѣмъ имъ онъ подалъ руку и благодарилъ за вѣрность и преданность ему; потомъ собралъ вокругъ себя офицеровъ, съ которыми также поговорилъ нѣкоторое время, затѣмъ повернулъ коня и при крикѣ войскъ: «Да здравствуетъ императоръ!» направился къ верандѣ проститься съ дамами и затѣмъ въ сопровожденіи свиты уѣхалъ обратно во дворецъ, гдѣ былъ устроенъ парадный завтракъ для офицеровъ.

Для довершенія празднества было дано театральное представленіе, а вечеромъ балъ, на который также были приглашены и офицеры; императоръ желалъ повеселить ихъ и тѣмъ выказать свою благодарность за ихъ вѣрность и преданность.

Наполеонъ обѣщалъ княгинѣ обѣдать вмѣстѣ съ нею и съ матерью въ ея виллѣ и потому Паулина тотчасъ послѣ завтрака вмѣстѣ съ Джуліею отправилась въ Сенъ-Мартино; тамъ Паулина поспѣшила въ свою спальню, желая нѣсколько отдохнуть послѣ парада, и Джулія осталась одна. Молодая дѣвушка была этимъ очень довольна, такъ какъ, не смотря на всю новизну и заманчивость придворной жизни, постоянно чувствовала потребность въ уединеніи и желаніе собраться со своими мыслями. До обѣда оставалось еще много времени. Джулія отправилась на другой конецъ сада, гдѣ находилось небольшое возвышеніе; оттуда открывался прекрасный видъ на окрестности; дорога шла очень удобная; ее велѣлъ провести Наполеонъ для того, что если княгиня вздумаетъ когда

пройти туда и почувствуетъ себя не въ силахъ идти пѣшкомъ, то ее можно было бы снести на носилкахъ. Наполеонъ также любилъ это мѣсто и часто удалялся туда одинъ или въ обществѣ кого-либо изъ приближенныхъ; часто тамъ устраивались и ужины. Джулія, оставшись одна, направилась туда, въ это уединенное мѣсто; по аллеѣ сада, обсаженной каштановыми и орѣховыми деревьями, она дошла до тропинки, ведущей вверхъ; небо было ясно и теплый воздухъ наполненъ благоуханіемъ горныхъ травъ, растущихъ тамъ въ большомъ изобиліи.

Достигнувъ самой вершины, Джулія окинула восхищеннымъ взоромъ разстилающійся ландшафтъ; тамъ, на востокѣ, за моремъ, виднѣлся далекій берегъ Италіи, а на западѣ возвышался едва замѣтными линіями островъ Корсика, родина Наполеона. Три французскихъ военныхъ корабля, оберегавшихъ Эльбу и императора, стояли недалеко на якорѣ, а въ гавани находился англійскій бригъ.

Долго смотрѣла Джулія на берегъ Италіи; молодая дѣвушка знала, что тамъ, въ Ливорно, находится теперь Бордони; занятая своими мыслями, опустилась она на одну изъ стоявшихъ здѣсь скамеекъ; вдругъ легкій шумъ заставилъ ее оглянуться.

Она сильно испугалась; передъ нею стоялъ Наполеонъ; молодая дѣвушка покраснѣла, приподнялась съ своего мѣста и поклонилась.

— Я нахожу васъ здѣсь, погруженную въ задумчивость, тогда какъ думалъ, что вы заняты приготовленіемъ къ балу,— замѣтилъ Наполеонъ, глядя на нее нѣжнымъ взглядомъ. Не ожидая ея отвѣта, онъ продолжалъ:—Все же я очень доволенъ, что представился случай поговорить съ вами наединѣ; я давно этого желалъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда могу поговорить съ вами откровенно, но обстоятельства все слагались такъ, что я принужденъ былъ лишать себя

этого; сегодня же я полагаю, что могу воспользоваться этою благопріятною минутою.

Въ ожиданіи ласковаго отвѣта со стороны молодой дѣвушки, Наполеонъ остановился; она же молчала и сидѣла въ задумчивой позѣ; онъ, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Но вы, кажется, не слушаете меня, и задумчиво смотрите въ землю. Взгляните на меня и дайте мнѣ полюбоваться чуднымъ блескомъ вашихъ глазъ. Что омрачаетъ это гордое чело и какія мысли заставили васъ искать этого уединенія?

— Мое бѣдное отечество!—отвѣтила Джулія послѣ небольшой паузы и медленно подняла на императора свои прекрасные глаза.

— Ваше отечество?—воскликнулъ Наполеонъ, крайне удивленный подобнымъ отвѣтомъ и ожидавшій отъ молодой дѣвушки что либо касательно ея личныхъ интересовъ. — Это вовсе не подходящія мысли для молодой дѣвушки, обладающей такою замѣчательною красотою, благодаря которой она можетъ осчастливить другихъ и сама сдѣлаться счастливою,— коротко прибавилъ Наполеонъ.

— А почему же, государь? Неужели если бы красивая дѣвушка постоянно думала только о своей красотѣ, то заслужила бы одобреніе вашего величества? Я, право, этому не вѣрю.

— Вы, пожалуй, и правы. Одной красоты, конечно, недостаточно, чтобы женщина могла долго нравиться; красота безъ ума и благородныхъ чувствъ не можетъ приковывать къ себѣ надолго мужчину и скоро надоѣдаетъ.

— Я очень радуюсь, что мы сошлись въ мнѣніяхъ, государь, и я вывожу изъ этого нѣсколько лестное для меня убѣжденіе, что отчасти заслуживаю похвалу вашего величества, которую вы мнѣ такъ милостиво высказали на дняхъ. Если же сегодня вы нашли меня здѣсь, государь, погруженную въ мои невеселыя мысли, то этому ваше величество отчасти и причиной.

— Какимъ образомъ? — съ удивленіемъ спросилъ Наполеонъ.

— Вы были такъ милостивы, ваше величество, назвавъ меня итальянкой чистѣйшей воды; съ этого момента я положила сдѣлаться достойною столь высокой похвалы.

— А какъ вы думаете этого достигнуть? спросилъ Наполеонъ.

— Я хочу изгнать изъ моего сердца всякое тщеславіе и посвятить всю свою любовь моему прекрасному отечеству.

— Все это однѣ мечты! возразилъ Наполеонъ. —Почему же вы не можете соединить эту любовь съ привязанностью къ мужчинѣ?

— Всякая другая любовь ослабитъ мою любовь къ родинѣ.

— Глупости! У васъ слишкомъ много чувства и страсти, вамъ недостаточно одной любви къ отечеству. Вы женщина, а не мужчина, и вамъ опредѣлено совершенно другое назначеніе.

— Правда, женщина никогда не можетъ сравниться съ мужчиною въ своихъ чувствахъ къ родинѣ, но увѣряю васъ, ваше величество, что вся моя душа полна любовью къ отечеству.

— Я вѣрю вамъ, но тѣмъ не менѣе считаю все это пустыми мечтами.

— Если это и такъ, то все-же это очень благородныя мечты. И развѣ я не имѣю права на это? Развѣ Италія не настолько богата красотами, что можетъ воодушевить до самозабвенія одну изъ своихъ дочерей? Подойдите вотъ сюда, государь,—сказала Джулія и поднялась еще выше, по склону холма на самую вершину, и продолжала: — Взгляните на эти залитые солнцемъ берега, вѣдь это земной рай, и онъ только ждетъ своего повелителя и государя. Ваши геройскіе подвиги воодушевили итальянцевъ и они только и жаждутъ

скорѣе соединиться въ одно цѣлое государство подъ славнымъ скипетромъ вашего величества.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Наполеонъ, когда Джулія замолчала. Позвольте мнѣ прикоснуться устами къ этому гордому челу, въ которомъ созрѣли такія патріотическія мысли.

Онъ взялъ ея руки, прикоснулся губами къ ея лбу и затѣмъ, не отпуская ее и глядя нѣжнымъ взоромъ въ ея глаза, сказалъ:

— Я долженъ откровенно сознаться вамъ, что ваши патріотическія чувства нисколько не рознятся отъ моихъ плановъ; я дѣйствительно думаю объ объединеніи Италіи...

— О, ваше величество!—воскликнула Джулія, обрадованная словами императора.

— Однако, не будемъ пока строить воздушныхъ замковъ, при моемъ настоящемъ положеніи я ничего не могу обѣщать опредѣленнаго.

— Достаточно одного вашего желанія, государь, чтобы призвать къ оружію всю Италію!

— Какъ вы можете такъ положительно утверждать это? спросилъ удивленный императоръ.

— Мнѣ извѣстны завѣтныя желанія паріотовъ; въ мою бытность въ Ливорно, я съ нѣкоторыми изъ нихъ сошлась и познакомилась; во главѣ ихъ стоитъ мужъ моей хорошей пріятельницы. Ваше величество, продолжала Джулія, еслибы вы знали, что съ вашимъ именемъ соединены всѣ надежды итальянцевъ.

— Да, но только далеко не вся страна одного мнѣнія съ патріотами, и придется еще подождать, прежде чѣмъ привести это въ исполненіе.

— Ваше величество, конечно, вольны дѣйствовать по вашему мудрому усмотрѣнію, но когда наступитъ время, то не забудьте моего бѣднаго отечества.

— Конечно.

— Вы даете мнѣ въ этомъ ваше царское слово? спросила Джулія.

— Какъ кажется, вы не питаете ко мнѣ особаго довѣрія?—съ улыбкою сказалъ онъ.

— Простите, ваше величество! Но если-бы вы знали, какое счастье принесетъ мнѣ увѣренность въ томъ, что вы не забудете даннаго обѣщанія.

— Даю вамъ слово, моя прекрасная волшебница, исполнить это обѣщаніе насколько будетъ въ моихъ силахъ.

— Благодарю, благодарю васъ, ваше величество; какъ вы осчастливили меня этимъ! воскликнула Джулія внѣ себя отъ радости.

— Однако, прошу васъ, довольствуйтесь тѣмъ, что отъ меня слышали и храните полное молчаніе. Впрочемъ, я надѣюсь на ваше благоразуміе.

— Не безпокойтесь, ваше величество; приписываемая женщинамъ болтливость не въ моемъ характерѣ. Кромѣ того, моя любовь къ Италіи слишкомъ велика, чтобы я своею болтливостью стала подвергать опасности ея будущность и употреблять во зло ваше довѣріе, государь!

— Да, всякое лишнее слово можетъ оказаться крайне опаснымъ и я очень радъ, что вы это такъ ясно понимаете. Я теперь вижу, что не ошибся въ васъ; вы составляете прекрасное исключеніе изъ вашего пола; вы соединяете рѣдкое благоразуміе съ теплотою чувствъ. Это встрѣчается не часто.

— О, государь, вы слишкомъ милостивы ко мнѣ! Я не знаю даже, какъ мнѣ выразить мою благодарность къ вамъ, возразила Джулія, тронутая словами императора.

— Вы еще спрашиваете, когда хорошо знаете о моихъ чувствахъ къ вамъ? сказалъ Наполеонъ, пристально глядя на молодую дѣвушку.

Джулія покраснѣла и опустила глаза. Его вопросъ м...лодую дѣвушку, она вспомнила о благосклонности

къ ней Наполеона, о которой забыла занятая интересами своего отечества.

— Какъ мнѣ объяснить ваше смущеніе, моя прелестная дѣвушка? спросилъ онъ и, нѣжно взявъ за талію, снова посадилъ ее на скамейку подлѣ себя.—Теперь интересы вашего отечества обезпечены насколько это возможно; теперь поговоримъ о сердечныхъ дѣлахъ.

— Ваше величество! воскликнула Джулія, смущенная и удивленная его словами.

— Она оробѣла, моя голубка. Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ!

Эти страстныя слова привели Джулію нѣсколько въ себя; она опомнилась и старалась выйти побѣдительницею изъ своего затруднительнаго положенія.

— Вы любите меня, государь?—спросила она, все еще взволнованнымъ голосомъ.

— Да, Джулія, и увѣряю васъ, что мои чувства къ вамъ не могутъ назваться мимолетною прихотью; я прельщенъ не одною вашею красотою, но и вашимъ умомъ и вашимъ сердцемъ; ваше сочувствіе мнѣ пріятно болѣе чѣмъ чье либо.

Все было поставлено на карту, приходилось дѣйствовать умно и осторожно, но и тутъ благоразуміе помогло ей.

Не освобождаясь отъ руки Наполеона, охватившей ея талію, она старалась быть совершенно спокойною, какъ будто ее обнялъ братъ, отецъ, пожалуй близкій родственникъ, къ которому она чувствуетъ большую привязанность, не выказывая при этомъ ни серьезной холодности оскорбленнаго самолюбія, ни горячаго чувства любви и сказала:

— Государь, столь лестное для меня признаніе могло бы польстить моей гордости, но я не на столько тщеславна и никогда не могу забыться до такой степени, что позволю себѣ занять въ вашемъ сердцѣ мѣсто подлѣ дочери императора...

Наполеонъ вздрогнулъ и его взоръ сталъ мраченъ. Снова

Джулія напомнила ему о Маріи-Луизѣ, а мы знаемъ какого онъ былъ о ней мнѣнія.

Джулія испугалась, она вовсе не предполагала, чтобы ея слова могли произвести такое дѣйствіе на Наполеона. Въ то же время молодая дѣвушка, замѣтивъ свою ошибку, спохватилась и сказала:

— Простите, государь, моей неопытности; я нисколько не подозрѣвала, что мои слова могутъ произвести такое непріятное дѣйствіе на ваше величество.

— Я вѣрю вамъ, Джулія; какъ вы могли знать то, что можетъ быть здѣсь мнѣ только одному извѣстно,—сказалъ онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; но вотъ Наполеонъ, какъ бы принявъ какое-то твердое рѣшеніе, взялъ руку Джуліи и, глядя ей пристально въ лицо, сказалъ:

— Вы ошибаетесь, Джулія. Марія-Луиза не имѣетъ мѣста въ моемъ сердцѣ, она сама этому виною и я совершенно свободенъ.

— Какъ такъ?—воскликнула Джулія, удивленная этимъ признаніемъ.

— Не требуйте отъ меня никакихъ объясненій, этого не допускаетъ моя гордость. Вѣроятно, вы скоро услышите объ этомъ отъ другихъ,—сказалъ Наполеонъ съ сильнымъ волненіемъ.

Конечно, хотя императоръ и не досказалъ своихъ мыслей, но Джулія хорошо поняла ихъ.

— О, какъ больно мнѣ это слышать! воскликнула Джулія.

— Эта потеря для меня не такъ велика, какъ кажется,—возразилъ Наполеонъ. Марія-Луиза никогда меня не любила и сдѣлалась моею супругою по принужденію. Но все же, какъ мать моего сына, она обязана была сохранить наружное уваженіе ко мнѣ и не покидать меня, когда враги взяли надо мною верхъ. Но что же можно ожидать отъ женщины, ставшей на сторону моихъ враговъ. Это хуже, чѣмъ...

Онъ не докончилъ фразы, волненіе его было слишкомъ велико. Ему припомнилась его первая жена, благородная Жозефина... Но вдругъ онъ всталъ, скрестилъ руки на груди и сказалъ вслухъ, какъ бы оканчивая начатую мысль:

— Прочь всѣ эти воспоминанія, я не хочу омрачать этотъ счастливый день. Будьте снисходительны, Джулія, ко мнѣ; ваша любовь можетъ поддержать меня и заставить забыть всѣ эти невзгоды жизни. Потомъ онъ опять сѣлъ подлѣ Джуліи, обнялъ ее и, страстно глядя на нее, сказалъ:

— Вѣрите ли вы тому, что я люблю васъ?

Джулія медлила отвѣтомъ; ей приходилось одно изъ двухъ: или дать ловкій подходящій отвѣтъ, или погибнуть. Первое, однако, было не совсѣмъ легко въ виду поставленнаго вопроса; вообще Наполеонъ не любилъ уклончивыхъ отвѣтовъ. Джулія рѣшительно не знала, какъ поступить, наконецъ сказала:

— Государь, вы осчастливили меня своимъ довѣріемъ, такъ что я осмѣливаюсь высказать и вашему величеству откровенно и мое мнѣніе относительно императрицы...

— Что вы хотите этимъ сказать? быстро спросилъ Наполеонъ.

— Я полагаю, государь, что человѣка не слѣдуетъ осуждать до тѣхъ поръ, пока самъ не убѣдишься въ его дурномъ поступкѣ. Часто случается, что наше поведеніе истолковывается въ дурную сторону. Вы такъ далеко отъ вашей супруги, что до васъ могутъ дойти всевозможные ложные слухи, которые вы не въ состояніи провѣрить. Быть можетъ даже въ видахъ дипломатіи было распустить разные небылицы, лишь бы только хотя чѣмъ нибудь уязвить ваше самолюбіе...

— Ваше предположеніе быть можетъ и не безъ основанія, такъ какъ дипломатія не брезгаетъ ни чѣмъ, лишь бы достигнуть своей цѣли.

— Я вполнѣ убѣждена, что императрица чиста какъ ан-

гелъ, и только благодаря злымъ языкамъ до васъ могли дойти такіе нелѣпые слухи.

— Это меня крайне радуетъ, прекрасная Джулія, и показываетъ ваше сочувствіе ко мнѣ, весело сказалъ Наполеонъ, взявъ руку Джуліи и поднеся ее къ своимъ губамъ.

— Ваше величество, весьма натурально, что женщина всегда защищаетъ свой полъ, потому что если слышишь, что осуждаютъ которую нибудь изъ насъ, то чувствуешь оскорбленной какъ-бы самое себя.

— Вы, пожалуй, и правы, замѣтилъ императоръ.

— Тѣ упреки, которые вы ставите императрицѣ, невольно пробудили во мнѣ воспоминаніе о «Заирѣ»...

— «Заира»? Вы знакомы съ этимъ произведеніемъ? — спросилъ удивленный Наполеонъ.

— Я читала его нѣсколько разъ и даже плакала о судьбѣ Заиры и бѣднаго обманутаго султана.

— Дѣйствительно, въ «Заирѣ» есть трогательныя сцены, сказалъ Наполеонъ и затѣмъ продолжалъ: Вольтеръ изобразилъ въ «Заирѣ» прелестный образъ женщины, а въ Оросманѣ великодушнаго и благороднаго государя. О, если бы вы видѣли въ этой роли Тальму, онъ былъ неподражаемъ. Затѣмъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, Наполеонъ спросилъ: Развѣ вы находите какое нибудь сходство между Заирой и императрицей Маріей-Луизой?

— Да, ваше величество, здѣсь есть нѣкоторое сходство.

— И вы думаете мнѣ навязать роль Оросмана?

— Развѣ этого нельзя допустить? спросила Джулія и затѣмъ прибавила: — Вѣроятно, болѣе всего разсчитывали на вашъ характеръ, и на то, чтобы оскорбить ваше самолюбіе.

— Однако, вы мнѣ напомнили объ этомъ замѣчательномъ произведеніи Вольтера и я велю разучить его и поставить на театральной сценѣ, что, конечно, доставитъ вамъ

большое удовольствіе. А прежде я хотѣлъ бы устроить чтеніе «Заиры» вслухъ,—это нѣсколько оживитъ въ нашей памяти прекрасное произведеніе Вольтера и приготовить насъ къ представленію на сценѣ. Я приглашу на чтеніе chère-mère и княгиню. А вы, Джулія, должны читать «Заиру»; мнѣ очень хотѣлось бы слышать васъ и видѣть выраженіе вашего лица и какъ бы я желалъ быть вашимъ Оросманомъ,—вамъ тогда нечего было бы бояться подозрѣнія; я повѣрилъ бы каждому вашему слову. Хотите-ли вы быть моей Заирой, я люблю васъ, безумно люблю..

И онъ снова взялъ ея руки и опять также пристально смотрѣлъ въ ея лицо. Джулія содрогнулась; она уже три раза успѣла ловко вывернуться изъ щекотливаго положенія, а теперь рѣшительно не знала что дѣлать и какой дать отвѣтъ; она дрожала, терялась, старалась призвать на помощь все свое мужество, все свое благоразуміе всю свою находчивость.

Вдругъ раздался голосъ княгини.

— А вотъ они гдѣ!

Дѣйствительно показалась Паулина съ Друо и г-жа де-Билланъ,

— Вы пришли во время, сказалъ Наполеонъ, мы хотѣли также скоро идти.

Императоръ всталъ нѣсколько недовольный тѣмъ, что не добился отвѣта, а Джулія вздохнула свободнѣе, что ей удалось взять слово съ императора относительно Италіи и не лишиться его довѣрія.

XXI.

На балу въ Вѣнѣ.

Уже прошло шесть недѣль со времени отъѣзда Бордони: онъ успѣлъ пробраться въ Вѣну, гдѣ тотчасъ познакомился

съ агентами, на которыхъ ему указалъ Наполеонъ и которые могли бы помочь ему относительно порученій императора, но, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ добиться никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Чтобы на него не пало какого либо подозрѣнія, Бордони замѣнилъ въ Вѣнѣ свой военный костюмъ статскимъ. Въ числѣ знакомствъ, сдѣланныхъ Бордони въ Вѣнѣ, былъ одинъ итальянскій графъ, по имени Франческо Франціа; онъ встрѣтилъ полковника съ распростертыми объятіями и познакомилъ его со многими богатыми домами въ Вѣнѣ, гдѣ его представляли подъ именемъ синьора Бордони.

Въ то время въ Вѣнѣ находилось много коронованныхъ особъ и празденства смѣнялись одно другимъ. Такъ Бордони удалось достать билетъ на маскарадъ, бывшій въ гофбургскомъ публичномъ залѣ, гдѣ присутствовали и коронованныя лица.

Когда начались танцы, Бордони, не принимавшій въ нихъ участія, удалился въ одну изъ гостинныхъ и невольно предался грустнымъ мыслямъ о мимолетной встрѣчѣ съ Джуліею и о своемъ разочарованіи. Бордони до такой степени увлекся своими мыслями, что не замѣтилъ какъ въ гостинную вошла дама въ роскошномъ лиловомъ бархатномъ домино, и въ полумаскѣ. Эта дама направилась было къ оттоману, но увидѣвъ сидящаго тамъ Бордони повернула прочь. Полковникъ очнулся, замѣтилъ удаляющуюся даму и тотчасъ уступилъ ей свое мѣсто.

— Не безпокойтесь, сказала маска, мы можемъ сѣсть и вдвоемъ,—оттоманъ очень удобенъ.

Бордони занялъ снова свое мѣсто.

— Судя по вашему выговору, начала дама, обращаясь къ Бордони, вы вѣроятно не нѣмецъ?

— Нѣтъ, моя родина Италія.

— Италія? А я предполагала, что вы французъ, замѣтила дама.

— Я долго жилъ во Франціи и, конечно, это имѣло вліяніе на мой выговоръ. Но позвольте и мнѣ также, сударыня, высказать и свое мнѣніе: вѣроятно и вы не нѣмка?

— Вы угадали, я родилась въ Польшѣ; но вы, конечно, совершенно не знаете моей прекрасной родины?

— О нѣтъ, я былъ тамъ, возвразилъ Бордони.

— Когда-же?

— Во время войны.

— Вы были вмѣстѣ съ... Наполеономъ, какъ то нерѣшительно выговорила она и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— Я принадлежалъ къ итальянскимъ войскамъ императора.

— Вы были въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ?

— Я былъ и тамъ съ императоромъ.

— А теперь вы живете въ Италіи?

Бордони отвѣчалъ ей утвердительно.

— Говорятъ, что Наполеонъ мечтаетъ объ объединеніи Италіи?

— Очень возможно, только въ данную минуту императоръ не зависитъ отъ самого себя.

— Это очень грустно, очень грустно, сказала маска и тяжело вздохнула. Затѣмъ помолчавъ спросила:

— Не случилось-ли вамъ быть на Эльбѣ и видѣть императора?

— Да, сударыня, я былъ тамъ нѣсколько разъ.

— Вы были тамъ? Вы видѣли императора? О, разскажите мнѣ, какъ онъ чувствуетъ себя, какъ переноситъ свое изгнаніе?

— Я съ удовольствіемъ разсказалъ бы вамъ объ этомъ, сударыня, но я не знаю вашего имени, а въ настоящее тревожное время нельзя довѣряться незнакомымъ личностямъ; съ своей стороны, я даю вамъ честное слово, что не употреблю во зло вашего довѣрія.

— Это видно по вашему лицу, и я съ удовольствіемъ назову вамъ себя. Вы сказали, что бывали съ императоромъ и въ Варшавѣ, слѣдовательно помните тамъ графа П.

Бордони призадумался, потомъ воскликнулъ:

— Неужели это вы, графиня?

— Да. Надѣюсь, мое имя можетъ служить вамъ ручательствомъ, что вы мнѣ вполнѣ можете довѣриться.

— Конечно, конечно, отвѣтилъ Бордони.

Графиня, разспрашивая о малѣйшихъ подробностяхъ касательно жизни Наполеона, была до такой степени взволнована, что должна была нѣсколько разъ останавливаться, чтобы скрыть, подступавшія у ней къ горлу слезы.

Бордони вспомнилъ, что въ Варшавѣ въ то время много было толковъ объ интимныхъ отношеніяхъ Наполеона къ графинѣ, бывшей въ то время въ полномъ цвѣтѣ своей молодости и красоты. Полковникъ, разставаясь съ графиней, далъ ей слово быть у ней на другой день утромъ, чтобы разсказать объ императорѣ и съ своей стороны разспросить о текущихъ событіяхъ.

XXII.

Золотой гротъ.

Наполеонъ былъ въ крайнемъ недоумѣніи относительно Джуліи. «Быть можетъ, она любитъ кого нибудь другаго?» мелькнуло у него въ головѣ. Однако, хитрая Паулина не замедлила устроить брату новое tête-à-tête съ Джуліею; но лишь только Наполеонъ, оставшись съ глазу на глазъ съ молодою дѣвушкою, вздумалъ возобновить свои ухаживанья, какъ она вынула изъ своей рабочей корзинки книгу и сказала:

— Угадайте, ваше величество, что это за книга?

— Право, не знаю.

— Это «Заира»,—сказала она съ видомъ самодовольства.

— «Заира»? слѣдовательно вы были заняты вашею ролью? Тогда мы сейчасъ сдѣлаемъ репетицію; мнѣ очень хочется послушать, какъ вы читаете.

У Джуліи былъ итальянскій переводъ этого произведенія и она читала по итальянски.

Наполеонъ при чтеніи дѣлалъ ей нѣкоторыя замѣчанія. Джулія слушала его внимательно и прочла всю роль до конца.

Затѣмъ дня два спустя было устроено чтеніе «Заиры» у княгини въ присутствіи синьоры Летиціи, Друо, Колебранна и придворныхъ дамъ.

Во время чтенія Наполеонъ не спускалъ глазъ съ Джуліи, когда-же оно было окончено и все общество разошлось, императоръ, ожидавшій этого момента, обнялъ молодую дѣвушку и привлекъ ее къ себѣ. Джулія силилась освободиться изъ его объятій, но онъ слишкомъ крѣпко держалъ ее.

— Если вы меня хотя немного любите, Джулія, или, нѣтъ,—Заира, приходите завтра въ четыре часа на холмъ; я распоряжусь, чтобы намъ никто не помѣшалъ. Тамъ я желаю имѣть отъ васъ подтвержденіе, что ваше сегодняшнее чтеніе было не только слѣдствіемъ искусства, но и слѣдствіемъ вашего расположенія ко мнѣ. Вы придете, Заира?

Джулія попала въ затруднительное положеніе; она не рѣшалась оскорбить его отказомъ, но въ то же время...

— Вы найдете меня тамъ,—тихо сказала она.

Въ это время послышался голосъ княгини; Наполеонъ еще разъ прижалъ Джулію къ своей груди и они разстались.

За ужиномъ княгиня напомнила брату о его желаніи посѣтить золотой гротъ, и тутъ разговоръ перешелъ на сокровища, сокрытыя въ немъ. Послѣ ужина Наполеонъ выбралъ минуту шепнуть Джуліи о данномъ ею обѣщаніи и въ сопровожденіи своей свиты отправился въ Феррайо.

Когда всѣ разошлись, Джулія вышла въ садъ. Она еще

утромъ получила письмо отъ Джіунти, въ которомъ тотъ просилъ ее подождать его въ саду вечеромъ. Дѣйствительно, только что она отошла въ отдаленный конецъ сада, какъ передъ нею предсталъ Джіунти, точно выросшій изъ подъ земли. Шпіонъ сначала объявилъ ей, что патеръ Стефано очень сожалѣетъ о томъ, что Джулія такъ долго не была у него, на что молодая дѣвушка отвѣчала:

— Какъ только будетъ время, я непремѣнно соберусь къ нему.

— Онъ также все бредитъ и о Бордони, этотъ странный старикъ, замѣтилъ Джіунти, а откуда возьмешь ему полковника, когда тотъ теперь въ Вѣнѣ.

— Въ Вѣнѣ? удивленно спросила Джулія.

— А что, красивый полковникъ и на васъ произвелъ впечатлѣніе?—Но, впрочемъ, это до меня не касается; а мнѣ извѣстно только, что этотъ интересный полковникъ почти каждый день бываетъ у одной польской графини.

— Откуда вы это знаете? спросила его Джулія.

— Я вамъ уже докладывалъ, что знаю это изъ особыхъ источниковъ. Кромѣ того, вы забываете, что Бордони лицо значительное, онъ принадлежитъ къ итальянскимъ патріотамъ. Мнѣ крайне непріятно за него и за васъ, если съ нимъ случится что либо дурное.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила съ ужасомъ Джулія.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ Джіунти, если вы можете предупредить Бордони какимъ нибудь путемъ, то сдѣлайте это скорѣе, но не называйте только моего имени.

— Благодарю васъ, благодарю, сказала Джулія.

— А что у васъ дѣлается?

— Мы живемъ по прежнему довольно однообразно.

— А что императоръ все еще возится съ проектами о постройкѣ?

— Онъ хочетъ построить сначала лазаретъ, а потомъ уже дворецъ.

— Это потому, что у него нѣтъ денегъ и онъ предпочитаетъ необходимое пріятному.

— Очень можетъ быть,—холодно отвѣчала Джулія.

— А о золотомъ гротѣ онъ, пожалуй, уже и забылъ?

— Нѣтъ, онъ думаетъ отправиться туда завтра утромъ.

— Одинъ или со свитою?

— Нѣтъ, вѣроятно, только со слугою.

— Да, ему придется отправиться въ Марино и тамъ взять лодку, а господа генералы не особенно любятъ подобныя поѣздки.

Джіунти скоро разстался съ молодою дѣвушкою.

Джулія не спала всю ночь, занятая письмомъ, которое она послала въ Ливорно.

Утромъ, за завтракомъ, княгиня обратилась къ Джуліи съ вопросомъ:

— А вы ничего не слышали о Бордони?

Джулія, неожидавшая такого вопроса, покраснѣла, но къ счастью Паулина ничего не замѣтила и стала разсказывать Джуліи, что Бордони въ Вѣнѣ, скоро вернется на Эльбу и выразила по этому поводу полное удовольствіе, что снова увидитъ полковника.

Пока они разговаривали, на дорогѣ показался какой-то всадникъ, который, казалось, очень спѣшилъ.

— Кто это къ намъ ѣдетъ?—спросила княгиня.

— Это слуга императора,—сказала Джулія.

— Что онъ такъ спѣшитъ, посмотрите, у него вся лошадь въ мылѣ; прошу васъ, милая Джулія, узнайте, что тамъ такое.

Молодая дѣвушка поспѣшила въ домъ, но лишь только успѣла дойти до прихожей, какъ навстрѣчу ей уже шелъ слуга, слѣзшій съ коня у подъѣзда.

— Что такое случилось? — спросила Джулія.

— На императора напали убійцы въ золотомъ гротѣ, — отвѣчалъ тотъ дрожащимъ голосомъ.

Въ этотъ моментъ раздался крикъ ужаса княгини; Джулія поспѣшила къ ней.

— Они убили его!—воскликнула Паулина и упала въ обморокъ.

Около восьми часовъ утра, Наполеонъ, въ сопровожденіи Бертрана и двухъ слугъ, ѣхалъ верхомъ по дорогѣ въ Лонгоне. Императоръ выѣхалъ изъ дворца въ самомъ хорошемъ расположеніи духа; на дорогѣ его лошадь споткнулась, такъ что Наполеонъ чуть было не вылетѣлъ изъ сѣдла; этотъ незначительный случай повліялъ, однако, на расположеніе духа императора, онъ сталъ скученъ и задумчивъ.

— Моя лошадь споткнулась и это дурное предзнаменованіе,—сказалъ Наполеонъ, подъѣзжая къ Бертрану.

— Вы такъ думаете, государь?—спросилъ Бертранъ нѣсколько удивленный.

— Да, со мной былъ такой случай, — началъ разсказывать Наполеонъ,—я разъ какъ-то, въ бытность мою въ Австріи, выѣхалъ также за городъ; моя лошадь споткнулась и я еле избѣгъ смерти. Да, это дурное предзнаменованіе. Другой на моемъ мѣстѣ непремѣнно бы вернулся.

Скоро всадники доѣхали до Марино; появленіе императора въ такой тихой деревушкѣ возбудило любопытство ея жителей, всѣ собрались у морскаго берега и смотрѣли, какъ императоръ садился въ лодку, которою управлялъ лоцманъ и четыре гребца; но это были, повидимому, мѣстные жители. Море въ то утро казалось не совсѣмъ спокойнымъ, небо было покрыто легкими облачками. Переѣздъ продолжался всего полчаса; когда лодка подъѣхала къ гроту, Наполеонъ сдѣлалъ знакъ, чтобы причалили. Когда лодка приближалась къ берегу, Наполеонъ замѣтилъ тамъ нѣсколько человѣкъ, ходив-

шихъ между кустарниками и скалами; на его вопросъ, что дѣлаютъ тамъ эти люди, онъ получилъ отвѣтъ, что, вѣроятно, они расчищаютъ входъ въ гротъ.

Черезъ нѣсколько времени лодка причалила къ берегу и Наполеонъ вмѣстѣ съ Бертраномъ вышелъ изъ нея; на берегу онъ встрѣтилъ работниковъ съ ихъ инструментами; дѣйствительно входъ въ гротъ былъ нѣсколько расчищенъ, такъ что туда можно было пройти; одному изъ работниковъ императоръ приказалъ зажечь факелъ и провести его въ гротъ, Наполеонъ послѣдовалъ за работникомъ, а за нимъ Бертранъ, а слуга остался съ другимъ работникомъ у входа въ гротъ: Пройдя небольшое пространство, императоръ увидѣлъ естественную пещеру въ скалѣ и оттуда шелъ еще другой ходъ. Съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ Наполеонъ стѣны скалъ, но вотъ ему попался подъ ноги блестящій камешекъ. и онъ нагнулся поднять его; въ это время надъ его головою сверкнулъ ножъ въ рукѣ рабочаго, но къ счастью этотъ послѣдній поскользнулся вслѣдствіе скораго движенія по направленію къ императору и упалъ навзничъ; онъ выронилъ изъ рукъ факелъ, который и погасъ, такъ что Наполеонъ очутился въ непроницаемой темнотѣ.

Бертранъ, нѣсколько отставшій отъ императора и не могшій предотвратить удара, испустилъ страшный крикъ и бросился на убійцу, котораго, однако, невозможно было найти въ этой темнотѣ.

— Вы ранены, государь?—обратился Бертранъ къ императору.

— Слава Богу нѣтъ! закричите, чтобы намъ принесли факелы и пришли бы люди.

Бертранъ повиновался, затѣмъ сказалъ:

— Выйдемте поскорѣе отсюда, ваше величество; дайте мнѣ вашу руку.

Вдали виднѣлся свѣтъ, проникавшій черезъ входъ въ гротъ. Дойдя до выхода, Наполеонъ вздохнулъ свободнѣе,

но у грота никого не оказалось; слуга Наполеона спалъ по ту сторону грота, его еле добудились; на разспросы императора и Бертрана онъ отвѣчалъ, что рабочій предложилъ ему сначала подождать императора на болѣе удобномъ мѣстѣ и предложилъ ему стаканъ вина, выпивъ которое онъ самъ не помнитъ какъ заснулъ. Императоръ велѣлъ зажечь найденный у грота факелъ и пройти въ гротъ, но тамъ никого не нашли.

Какъ только Наполеонъ прибылъ въ Лонгоне, такъ тотчасъ распорядился отправить слугу въ Феррайо съ извѣстіемъ о покушеніи на его жизнь, опасаясь, что туда могли дойти преждевременно ложные слухи и напугать княгиню. По пути въ Феррайо Наполеонъ встрѣтилъ офицеровъ, ѣхавшихъ поздравить императора съ благополучнымъ избавленіемъ отъ руки убійцы. Весь городъ былъ въ сильномъ волненіи; на улицахъ толпился народъ; всѣ разсуждали объ этомъ ужасномъ случаѣ. Когда-же императоръ въѣхалъ въ городъ, то его привѣтствовали радостными кликами; Наполеонъ тотчасъ заѣхалъ въ церковь и принесъ благодареніе Творцу за свое чудесное избавленіе отъ смерти.

Вернувшись во дворецъ, Наполеонъ нашелъ тамъ мать и сестру, бросившихся къ нему на грудь со слезами радости.

XXIII.

Патріотка.

Было восемь часовъ вечера. Графиня П., получившая утромъ извѣстіе о покушеніи на жизнь императора, не знала еще ничего о послѣдствіяхъ этого ужаснаго преступленія; она съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Бордони и рѣшительно не могла чѣмъ либо заняться; къ вечеру ея нетерпѣніе возросло

до такой степени, что она окончательно изнемогла. Но вотъ явился слуга и доложилъ о прiѣздѣ Бордони.

— Наконецъ-то!—воскликнула графиня.

Бордони разсказалъ ей все касательно покушенiя на жизнь императора и между прочимъ сообщилъ о своемъ намѣренiи въ ту-же ночь отправиться на островъ Эльбу.

— Не могу-ли я съ вами ѣхать?—спросила графиня.

— Невозможно,—отвѣтилъ Бордони.

— Въ такомъ случаѣ, я ѣду вслѣдъ за вами, — рѣшительно сказала графиня, — а пока передайте отъ меня императору вотъ это письмо и скажите ему, что я принимаю въ немъ живѣйшее участiе.

Затѣмъ графиня, не желая задерживать Бордони, распростилась съ нимъ.

Прошло шесть дней.

Джулiя сидѣла одна на верандѣ и мечтала о скоромъ прибытiи Бордони и о свиданiи съ нимъ; ея сердце то замирало, то трепетало отъ радости при одной мысли, что она скоро увидитъ того, который ей былъ такъ дорогъ. Она машинально взглянула на дорогу и увидѣла Наполеона въ сопровожденiи слуги. Скоро всадники подъѣхали къ воротамъ и Наполеонъ, замѣтивъ Джулiю на верандѣ, направился туда.

— Я давно не видалъ васъ, Джулiя,—сказалъ Наполеонъ послѣ перваго привѣтствiя, взявъ ея руку и держа въ своей.—А почему вы не старались повидаться со мною?

Джулiя извинилась, ссылаясь на болѣзнь княгини.

— Это мой первый выѣздъ послѣ *того* дня, и я собственно прiѣхалъ для свиданiя съ вами.

— Какъ я благодарна вамъ, государь, за ваше милостивое вниманiе. Если-бы вы знали, какъ горячо благодарила я Бога за спасенiе вашего величества.

— Я вамъ вѣрю, Джулiя, вполнѣ вѣрю.—Онъ помолчалъ нѣсколько времени и затѣмъ прибавилъ: — Вотъ какъ мы опять встрѣтились, Джулiя! Я ожидалъ совершенно другаго.

Я думалъ что свиданіе съ вами принесетъ мнѣ радость и счастье, а теперь мой горизонтъ покрытъ мрачными тучами.

— О, государь, вы увидите, что и на вашемъ горизонтѣ разсѣятся тучи и ваша печаль обратится въ радость.

— Ваша дружба, Джулія, приноситъ мнѣ большую отраду. Послѣ послѣдней несчастной битвы я не зналъ радости и если когда мнѣ и случилось пользоваться немногими счастливыми часами, то мои враги всегда старались отравить мою радость. Не правда-ли, Джулія, вы еще пробудете съ нами, и я еще увижусь съ вами?

— Да, государь.

— Chère mère и княгиня говорили мнѣ, что вы хотѣли вернуться къ вашимъ родителямъ, такъ какъ ваша матушка больна.

— Теперь ей опять лучше и я останусь у княгини.

— Я очень радъ этому, мнѣ пріятно васъ видѣть.

Но тутъ Джулія опять перевела разговоръ на Италію, увѣривъ Наполеона, что онъ будетъ имѣть успѣхъ, такъ какъ итальянскій народъ съ радостью станетъ подъ знамя Наполеона.

Онъ простился съ Джуліею, изъявивъ желаніе видѣть ее одну, но въ его голосѣ не было слышно страсти,—онъ говорилъ тономъ вѣрнаго друга.

Быть можетъ гордость дѣвушки повліяла на его страсть и онъ уже пересталъ преслѣдовать ее настойчивымъ ухаживаніемъ.

Джулія была очень довольна этой перемѣной. Наполеонъ бывалъ часто въ виллѣ, часто бесѣдовалъ съ Джуліею съ глазу на глазъ и предметомъ ихъ разговора была Италія и ея блестящая будущность въ качествѣ объединенной страны.

XXIV.

Локонъ короля Рима.

Пріѣздъ Бордони нѣсколько оживилъ уединенную жизнь императора; полковникъ пріѣхалъ дней десять спустя послѣ покушенія на жизнь императора.

— Я привезъ вамъ не только важныя, но и радостныя извѣстія.

— Радостныя? нѣтъ; это слово теперь не для меня; вы вѣдь знаете что было на дняхъ.

Бордони утвердительно кивнулъ головою.

— Однако, что же это можетъ быть? — спросилъ Наполеонъ.

— Во первыхъ, я познакомился съ графинею П. и она поручила мнѣ передать вамъ письмо.

— Это дочь графа П. изъ Варшавы. Дайте мнѣ скорѣе ея письмо, я непремѣнно хочу знать, что она пишетъ.

Наполеонъ быстро распечаталъ письмо и сталъ читать его.

— Дѣйствительно, она передаетъ мнѣ весьма важныя извѣстія и кромѣ того возвѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ, такъ какъ не могла всего сообщить мнѣ въ письмѣ.

Послѣ небольшой паузы, Наполеонъ снова спросилъ:

— А что вы узнали относительно императрицы? Видѣли ли вы моего сына?

— Предположенія вашего величества отчасти подтверждаются...

— О я зналъ это, — съ горечью воскликнулъ Наполеонъ.

— А что мой сынъ, вы его видѣли?

— Да, ваше величество.

— Здоровъ-ли онъ? выросъ-ли?

— Онъ здоровъ и выросъ. Мнѣ удалось видѣть принца въ саду вмѣстѣ съ его воспитательницею...

— О какъ-бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ, — воскликнулъ Наполеонъ.

— Я поздоровался съ нимъ и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Принцъ посмотрѣлъ на меня и затѣмъ пожелалъ узнать, кто я такой.

— Я солдатъ, служившій подъ начальствомъ вашего августѣйшаго отца.

— Почему же вы не носите формы?

— Императору я больше не нуженъ.

— Не нужны?—онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько удивленно.—Вы не видѣли императора?

— Я его скоро увижу, ваше высочество, не дадите-ли вы мнѣ какого либо порученія къ нему.

— Здоровъ-ли императоръ и ув.... — но не договорилъ фразы, такъ какъ воспитательница сдѣлала ему знакъ.

— Да, ваше высочество, императоръ здоровъ, но очень огорченъ, что не видитъ васъ.

— Я все хотѣлъ ѣхать, я лучше бы остался съ папа, а меня увезли,—чуть не плача говорилъ ребенокъ.

— Воспитательница испугалась и сказала, что не имѣетъ права дозволять принцу говорить съ посторонними. Я не послушался ея и продолжалъ говорить съ принцемъ.

— Не хотите ли вы сдѣлать удовольствіе вашему папа?

— Конечно, конечно, отвѣтилъ принцъ.

— Не пошлете-ли вы что нибудь на память императору?

— Что нибудь на память? У меня ничего нѣтъ!

— Пошлите ему локонъ вашихъ волосъ, это ему будетъ очень пріятно.

— Если вы такъ думаете, то возьмите. Принцъ снялъ шляпу и подставилъ мнѣ свою головку.

— Доброе, доброе дитя!—сказалъ разстроганный Наполеонъ.

— Однако воспитательница позвала принца: «ваше высочество, пожалуйте сюда».

— Почему же мнѣ не послать чего нибудь на память императору, онъ мой отецъ! Возьмите мой локонъ и скажите папа, что я молюсь за него каждый день, хотя мнѣ это и запретили.

— Даже молиться запретили ему за его несчастнаго отца, даже молиться!—воскликнулъ Наполеонъ, сжимая руки.

— Пока принцъ говорилъ,—продолжалъ Бордони,—я отрѣзалъ стилетомъ локонъ отъ его волосъ. Воспитательница вскрикнула отъ ужаса, когда въ моихъ рукахъ блеснуло оружіе, схватила принца за руку и насильно оттащила его прочь. Онъ же обернулся и закричалъ мнѣ: «прощайте»! Вдали показалось нѣсколько лицъ и, чтобы меня не открыли, я принужденъ былъ скрыться.

— О славный мльчикъ! дайте мнѣ его локонъ! дайте поскорѣе,—воскликнулъ Наполеонъ дрожащимъ голосомъ, стараясь, однако, скрыть отъ Бордони навернувшіяся слезы.

Только что полковникъ передалъ Наполеону локонъ его сына, какъ императоръ покрылъ волосы горячими поцѣлуями.

И этотъ сильный человѣкъ не могъ выдержать при видѣ локона своего дорогаго сына, и зарыдалъ какъ ребенокъ. Бордони сначала неловко было, что онъ разсказалъ Наполеону истину, но потомъ вспомнилъ, что въ данное время императоръ долженъ знать всю истину, чтобы имѣть возможность принять должныя мѣры и дѣйствовать смѣло и энергично.

Мало по малу императоръ успокоился, поднялся со своего мѣста и подойдя къ Бордони сказалъ:

— Благодарю васъ, очень благодарю, я никогда не забуду вашей услуги. — Затѣмъ послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:—Займемся теперь нашими дѣлами. Что сказали вамъ ливорнскіе капиталисты?

— Ничего положительнаго; они или старались отклонить

мое предложеніе или просили дать имъ время на размышленіе.

— Это меня нисколько не удивляетъ; я даже ничего лучшаго и не ожидалъ. Мнѣ не слѣдуетъ полагаться на такую помощь. А какъ идутъ дѣла съ вашими друзьями? На сколько подвинулись ихъ приготовленія?

— Я только что собирался сообщить вашему величеству, что вслѣдствіе недавняго покушенія Туринскій союзъ прислалъ двухъ уполномоченныхъ для приведенія въ исполненіе приказаній вашего величества и кромѣ того союзъ прислалъ весьма значительную сумму денегъ въ ваше распоряженіе. Затѣмъ патріоты совершенно готовы къ отправкѣ всевозможныхъ военныхъ снарядовъ на островъ Эльбу, чтобы, въ случаѣ какого либо предпріятія, ваше величество имѣли бы все необходимое.

— Все это очень хорошо и я попрошу васъ завтра вечеромъ привести ко мнѣ этихъ уполномоченныхъ. Я вижу, что итальянцы люди спокойные и имъ вполнѣ можно довѣриться и я надѣюсь отблагодарить ихъ за ихъ преданность какимъ-бы то ни было способомъ. Завтра вечеромъ приведите ко мнѣ этихъ господъ, но только будьте вполнѣ осторожны, вы знаете теперь за мною еще болѣе слѣдятъ и намъ нужно быть благоразумными.

— Мои друзья хорошо вооружены и намъ нечего опасаться, ваше величество.—Затѣмъ откланявшись императору, Бордони ушелъ изъ дворца.

XXV.

Неожиданное объясненіе.

Джулія опять получила извѣстіе, что ея мать заболѣла и на этотъ разъ рѣшилась непремѣнно отправиться домой, такъ

какъ и ея родители уѣхали въ виллу. Послѣ ея отъѣзда княгиня переселилась во дворецъ императора, такъ какъ наступили ненастные зимніе дни и пребываніе на виллѣ становилось уже скучнымъ и, кромѣ того, Паулинѣ хотѣлось быть какъ можно ближе къ матери и брату.

Наполеонъ между тѣмъ сталъ крайне неразговорчивъ и не сообщалъ ни сестрѣ, ни матери своихъ плановъ; обѣ женщины чуяли, что творится что-то необыкновенное вокругъ нихъ, но не знали, что именно. Княгиня нерѣдко старалась выпытать что нибудь касательно намѣреній императора отъ Друо и Бертрана, но тѣ пожимали только плечами и говорили, что имъ ровно ничего неизвѣстно.

Княгиня по прежнему устраивала вечера, но эти собранія потеряли всю свою прелесть, такъ какъ Наполеонъ или вовсе не появлялся на нихъ, или если и появлялся, то на короткое время.

Княгиня рѣшилась также обратиться съ вопросами къ Бордони относительно намѣреній императора, но и тотъ говорилъ то же, что Друо и Бертранъ. Однажды княгиня завладѣла Бордони на цѣлое утро, предлагая ему то тѣ, то другіе вопросы, думая этимъ вывѣдать хотя что нибудь относительно интересовавшаго ее вопроса.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ г-жи Билланъ, принесшей письмо княгинѣ отъ Джуліи.

— Но, продолжала княгиня,—она опять непремѣнно пріѣдетъ ко мнѣ,—она мнѣ это обѣщала и тогда снова у насъ начнутся балы, вечера и спектакли; покрайней мѣрѣ будешь жить, а не прозябать, какъ теперь. Вы, полковникъ, — сказала Паулина, обращаясь къ Бордони,—также должны принимать участіе во всѣхъ нашихъ удовольствіяхъ.

Бордони изъявилъ полное согласіе и поблагодарилъ княгиню.

Они еще проболтали нѣсколько времени и полковникъ ушелъ.

Бродя по улицамъ, Бордони думалъ о Джуліи, онъ старался и оправдать ее и сомнѣвался въ ней; онъ порѣшилъ сдѣлать визитъ Вантини, но думалъ, что лучше отложить свое намѣреніе до тѣхъ поръ, пока родители Джуліи опять переѣдутъ въ Феррайо.

Однако, всѣ планы Бордони разстроились. На слѣдующій день княгиня прислала за полковникомъ и лишь только онъ вошелъ къ Паулинѣ, какъ та воскликнула:

— О, какъ хорошо, что вы опять здѣсь у насъ на Эльбѣ; этого никто не могъ бы сдѣлать кромѣ васъ и я вполнѣ увѣрена, что вы мнѣ поможете. Но садитесь тутъ поближе ко мнѣ, я все вамъ разскажу. Вы знаете, я получила вчера письмо отъ Джуліи. Она пишетъ, что здоровье ея матери поправилось и снова возбудила во мнѣ желаніе пригласить ее къ себѣ. Она мнѣ ничего не говоритъ о своемъ желаніи посѣтить насъ и пожалуй ее не увидишь всю зиму. О, если-бы вы взяли на себя трудъ, полковникъ, уговорить Джулію пріѣхать ко мнѣ. Вы можете просто сдѣлать визитъ Вантини и передать Джуліи мою записку и кромѣ того словесно разсказать ей о моемъ нервномъ разстройствѣ и что ея присутствіе мнѣ будетъ очень пріятно. Вы найдете въ Джуліи большую перемѣну; она стала менѣе весела и болѣе задумчива. Впрочемъ, императоръ въ восторгѣ отъ нея и, кажется, она пользуется гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ мы всѣ прочіе.

— Вы крайне удивляете меня подобнымъ сообщеніемъ,— возразилъ Бордони.

— Конечно, это удивительно, но тѣмъ не менѣе это такъ,—отвѣчала Паулина.—Императоръ, когда бывалъ у меня, по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ Джуліею и ихъ разговоръ былъ не простая болтовня, а серьезная бесѣда, и, какъ кажется, мой братъ придаетъ большое значеніе мнѣнію Джуліи.

— Мнѣ кажется, что все это является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ сближенія,—возразилъ Бордони.

— Я, кажется, поняла вашъ намекъ, вы думаете тоже,

что и свѣтъ; но не думаю, чтобы между Джуліею и моимъ братомъ существовало бы какое иное сближеніе кромѣ простой дружбы. Если бы вы знали, какъ эта дѣвушка съумѣла внушить императору полное уваженіе къ ней. Правда, сначала мой братъ питалъ болѣе нѣжныя чувства къ Джуліи, но какъ я ему предсказывала заранѣе, у этой дѣвушки слишкомъ гордый и твердый характеръ, чтобы она могла допустить какое-либо сближеніе съ императоромъ.

Бордони до такой степени былъ пораженъ всѣмъ слышаннымъ, что не отвѣчалъ ни слова.

Они сидѣли нѣсколько времени молча; но вдругъ дверь отворилась и вошелъ Наполеонъ.

Княгиня не замедлила сообщить брату о своемъ желаніи пригласить опять Джулію, но Наполеонъ замѣтилъ ей на это, что хотя и самъ очень желалъ бы видѣть Джулію, но не желаетъ стѣснять ея воли.

— Но вѣдь я вовсе не желаю стѣснять ея,—сказала Паулина,—я только приглашаю ее къ себѣ, и ея добрая воля принять или не принять мое приглашеніе.

— Но вы знаете, княгиня,—возразилъ Наполеонъ,—желанія высокопоставленныхъ лицъ считаются приказаніями.

— Вы разстраиваете всѣ мои планы и мнѣ придется написать тогда другое письмо.

— Что же дѣлать? если желаете слѣдовать моему совѣту, то непремѣнно нужно переписать ваше письмо. И, чтобы не откладывать въ дальній ящикъ, напишите сейчасъ-же, а я пока съ полковникомъ побесѣдую въ другой комнатѣ.

Бордони и императоръ вышли изъ гостиной княгини, заперевъ за собою дверь.

— Скажите мнѣ, полковникъ,—обратился Наполеонъ къ Бордони,—неужели и въ Вѣну дошли слухи о синьорѣ Джуліи?

— Да, объ ней говорятъ въ придворныхъ кружкахъ; я слышалъ объ этомъ отъ графини.

— Отъ графини? А что она говоритъ?

— Она принимаетъ въ этомъ самое живое участіе и много разспрашивала меня о синьорѣ Джуліи.

— А что вы ей сказали по этому поводу?

— Что же я могъ сказать ей, когда самъ не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній.

— Но вѣдь вы знали, что объ этомъ говоритъ свѣтъ.

— Да, государь, но изъ уваженія къ вашему величеству и къ синьорѣ, я долженъ былъ молчать объ этомъ.

— Вы были правы, такъ какъ Джулія заслуживаетъ полнаго уваженія какъ прежде, такъ и теперь. Если на нее и пала легкая тѣнь, то она сдѣлала это единственно изъ любви къ своему отечеству.

— Къ своему отечеству? — воскликнулъ Бордони.

— Да, она старалась всѣми силами заинтересовать меня своею родиною и была ея самою ярою защитницею... Нѣсколько позднѣе я понялъ ея цѣль и пересталъ навязывать Джуліи свою любовь, въ которой она не имѣла никакой нужды. Я очень желалъ бы вознаградить синьору за ту клевету, которой она подверглась вслѣдствіе своихъ частыхъ свиданій со мною, но въ данный моментъ я не въ силахъ ничего сдѣлать.

Наполеонъ сталъ ходить по комнатѣ, а Бордони стоялъ у окна крайне удивленный всѣмъ слышаннымъ.

Императоръ первый прервалъ молчаніе.

— Вы, полковникъ, увидите синьору Джулію; кланяйтесь ей отъ меня и выразите ей мое сожалѣніе, что я до сихъ поръ не могъ отдать ей обѣщаннаго визита, но этому виною обстоятельства и ненастная погода. Во всякомъ случаѣ я постараюсь наверстать потерянное. Скажите ей отъ меня...

Въ это время явилась княгиня съ оконченнымъ письмомъ и подала его на просмотръ брату.

Письмо вскорѣ было запечатано и передано Бордони, а полковникъ на другой день долженъ былъ передать его Джуліи.

Затѣмъ Наполеонъ повернулся къ Бордони и сказалъ:

— Я васъ жду сегодня въ шесть часовъ вечера вмѣстѣ съ вашими друзьями.

Съ этими словами Наполеонъ, пожавъ руку княгинѣ и кивнувъ головою Бордони, вышелъ отъ Паулины.

Княгиня же по уходѣ брата повернулась къ Бордони и сказала:

— Останьтесь еще минутку! Вы теперь знаете, что свѣтъ былъ неправъ относительно Джуліи, я слышала вашъ разговоръ съ императоромъ.

— Да, ваша свѣтлость, и я очень счастливъ, что распущенные слухи ложны.

— Прошу васъ, полковникъ,—сказала княгиня,—скажите отъ меня Джуліи о моемъ желаніи видѣть ее у меня. Слышите?

Бордони поклонился.

— И такъ до свиданья, полковникъ, надѣюсь, мы завтра увидимся,—сказала княгиня, и Бордони удалился.

XXVI.

Сила любви.

Послѣ ненастной погоды наступили наконецъ ясные солнечные дни.

Обитатели виллы Вантини также нѣсколько оживились; двери на веранду отворили и теплый, согрѣтый солнечными лучами воздухъ проникъ въ комнаты. У входа на веранду сидѣла Джулія со своею матерью и занимались рукодѣліемъ; синьора Вантини почти не умолкала и все разспрашивала дочь о разныхъ придворныхъ новостяхъ; вскорѣ къ нимъ присоединился и синьоръ Вантини, пришедшій изъ сада и разго-

воръ сталъ вертѣться на текущихъ событіяхъ; затѣмъ разговоръ перешелъ на щекотливую тему относительно слуховъ, распространенныхъ по поводу отношеній Наполеона къ Джуліи.

Молодая дѣвушка вся зардѣлась.

— Повѣрь, отецъ, — сказала она, обращаясь къ синьору Вантини,—твоя дочь никогда не нанесетъ тебѣ такого оскорбленія; она вернулась въ твой домъ такою же чистою, какъ и была.

— Я вѣрю тебѣ, Джулія, вполнѣ вѣрю,—сказалъ старикъ, цѣлуя въ лобъ свою красавицу дочь.

Водворилось молчаніе. Синьора Вантини тяжело вздохнула; ей непріятно было, что про ея Джулію злые люди могли сочинить такую ужасную клевету.

Но вотъ на дорогѣ показался всадникъ.

— Это Бордони!—воскликнула Джулія.

— Да, это полковникъ, — замѣтилъ синьоръ Вантини, взглянувъ на дорогу. Дѣйствительно это былъ онъ.

Джулія смутилась, ея сердце замерло; съ минуту молодой дѣвушкѣ казалось, что она упадетъ въ обморокъ, но мало по малу она пришла въ себя; ея чудные глаза заблестѣли отъ радости, сейчасъ она увидитъ того, который былъ ей дороже всего на свѣтѣ; но вѣдь и онъ, этотъ дорогой ей человѣкъ, также стремился къ одной съ нею цѣли; онъ вѣдь также любилъ свое отечество и работалъ для его блага.

Синьоръ Вантини отправился на встрѣчу къ своему гостю, выразилъ ему свое удовольствіе видѣть его у себя и сказалъ, что синьора Вантини и Джулія съ нетерпѣніемъ ждутъ его.

Синьора Вантини встрѣтила полковника очень радушно, тогда какъ Джулія, желая скрыть охватившее ее волненіе, отвѣтила на его привѣтствіе только вѣжливымъ поклономъ.

По желанію хозяевъ Бордони долженъ былъ разсказать о своемъ путешествіи. Онъ сначала сообщилъ о своемъ пребываніи въ Ливорно, а потомъ перешелъ къ жизни въ Вѣнѣ.

Сердце Джуліи забилось; она слышала отъ Джіунти, что

Бордони часто посѣщалъ въ Вѣнѣ одну польскую графиню и думала, что онъ упомянетъ о ней; но каково было удивленіе молодой дѣвушки, когда полковникъ, разсказывая объ удовольствіяхъ въ столицѣ Австріи, ни слова не сказалъ о графинѣ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на бывшее покушеніе на жизнь императора.

— Можете ли себѣ представить, — замѣтилъ Бордони,— его величество крайне озабоченъ, что подобный случай можетъ повториться.

— Пожалуй, императоръ и правъ,—отвѣтилъ синьоръ Вантини,—на островѣ есть люди, состоящіе на жалованьи у французскаго правительства, которое рѣшило, во чтобы то ни стало, избавиться отъ Наполеона и бьется изо всѣхъ силъ, лишь бы достигнуть своей цѣли.

— Это большое несчастіе,—вздохнувъ, сказалъ Бордони.

— Поэтому императоръ хорошо поступаетъ, дѣйствуя осторожно,—замѣтилъ Вантини.

— Но я крайне боюсь, что злоумышленникамъ удастся достигнуть цѣли; они не пожалѣютъ трудовъ и ловкости.

— Да спасутъ его угодники Божіи! — сказала синьора Вантини.

Въ первую минуту свиданія Бордони совершенно забылъ о порученіи, возложенномъ на него княгинею; но тутъ онъ вспомнилъ и передалъ Джуліи письмо, извиняясь за свою разсѣянность.

— Это отъ княгини!—воскликнула синьора Вантини.

— Быть можетъ, вы пожелаете написать отвѣтъ ея свѣтлости,—обратился Бордони къ Джуліи, и хотите пробѣжать письмо.

Пока синьора Вантини разспрашивала полковника о здоровьи княгини и синьоры Летиціи, молодая дѣвушка окончила чтеніе.

— На это письмо въ сущности не нужно никакого отвѣта,— сказала Джулія Бордони,—вы только поблагодарите княгиню за милостивое письмо ко мнѣ.

— Развѣ ея свѣтлость не выразила желанія, чтобы ты посѣтила ее?—спросила синьора Вантини.

— Конечно, но объ этомъ княгиня упомянула только мимоходомъ, такъ что она избавила меня отъ отказа.

— А развѣ ты не будешь больше навѣщать княгиню?— снова спросила мать.

— Почему же нѣтъ? Это было бы слишкомъ дурно съ моей стороны, но только теперь я не буду больше такъ долго гостить у княгини согласно желанію моего отца и моему собственному.

Бордони все время наблюдалъ за молодою дѣвушкою, пока она говорила и былъ очень доволенъ принятымъ ею рѣшеніемъ.

Полковникъ вполнѣ убѣдился въ невинности любимой дѣвушки и счастливый, довольный какъ юноша, ѣхалъ онъ обратно домой; онъ подмѣтилъ взглядъ Джуліи, брошенный на него при прощаньи; казалось, онъ прочелъ въ немъ многое, что до сихъ поръ было для него неразрѣшимою загадкою...

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Наполеонъ, мучимый разными мрачными предчувствіями, сталъ прихварывать. Напрасно княгиня старалась разсѣять брата, приглашая его на свои вечера, но Наполеонъ появлялся обыкновенно въ гостиной сестры на нѣсколько минутъ и потомъ опять запирался въ своемъ кабинетѣ.

Бордони почти каждый день бывалъ у Паулины и выслушивалъ ея жалобы на скуку и на нездоровье. Все это время полковникъ не могъ выбрать свободной минуты, чтобы съѣздить на виллу Вантини, куда влекло его сердце.

Наконецъ выдалось свободное время и Бордони отправился къ Вантини.

Полковника встрѣтили тамъ очень дружелюбно, а краснорѣчивый взглядъ Джуліи ясно выражалъ ея благодарность.

Быстро летѣли часы въ самыхъ дружескихъ разговорахъ; конечно, по большей части предметомъ разговора былъ Наполеонъ и его мрачное настроеніе духа; стали дѣлать разныя предположенія, чтобы помочь императору и развлечь его. Джулія со вниманіемъ слушала все, что говорилось—и наконецъ сказала:

— Хотя я и боюсь, что предложеніе, которое я намѣрена высказать, быть можетъ, покажется и не совсѣмъ удобнымъ, но тѣмъ не менѣе я предлагаю его какъ послѣднее средство; если вы согласны со мною, то дальнѣйшее дѣло я предоставляю въ ваше полное распоряженіе, полковникъ.

— О, говорите, говорите, синьора; если ваше предложеніе будетъ полезно, я съ удовольствіемъ буду ему способствовать.

— Видите-ли,—начала Джулія,—мрачное настроеніе духа императора происходитъ отъ того, что онъ положительно никуда не выходитъ со времени покушенія на его жизнь; а между тѣмъ онъ привыкъ къ движенію на открытомъ воздухѣ, постоянно совершалъ длинныя прогулки то верхомъ, то пѣшкомъ, то въ экипажѣ. Согласитесь сами, что сидячая жизнь пагубно на него дѣйствуетъ. Между тѣмъ императоръ обѣщалъ мнѣ и моимъ родителямъ сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ и вотъ уже мѣсяцъ, какъ я здѣсь, а онъ еще не сдержалъ своего слова. А недурно было-бы, если-бы императоръ, окруженный своими друзьями, пріѣхалъ навѣстить насъ; зимній ландшафтъ произведетъ на него, вѣроятно, пріятное впечатлѣніе и укрѣпитъ его нервы. А если эта поѣздка ему понравится, онъ можетъ повторить ее и его друзья, конечно, съ удовольствіемъ будутъ ему сопутствовать.

— Я нахожу ваше предложеніе прекраснымъ, синьора, и постараюсь сообщить объ этомъ императору; онъ, вѣроятно, также захочетъ сдержать данное вамъ слово. Какъ только я заручусь согласіемъ императора, тотчасъ извѣщу васъ о днѣ нашего пріѣзда.

Бордони при прощаньи крѣпко пожалъ руку Джуліи и обѣщалъ ей содѣйствовать исполненію задуманнаго ею плана.

Два дня спустя послѣ этого разговора Бордони былъ у императора, этотъ послѣдній вспомнилъ, что полковникъ былъ у Вантини и освѣдомился о здоровьи Джуліи. Бордони воспользовался этимъ случаемъ и разсказалъ Наполеону о желаніи Вантини видѣть его величество у нихъ.

— Меня очень радуетъ—замѣтилъ Наполеонъ,—что обо мнѣ тамъ помнятъ; это весьма почтенные люди и я съ удовольствіемъ бы провелъ часокъ-другой съ ними. А Джулія также желаетъ меня видѣть?

— Да, государь и она вполнѣ увѣрена, что вы не откажетесь посѣтить ее.

— Да, я даже обѣщалъ ей, но при такой погодѣ страшно подумать о такомъ путешествіи. А дороги не пострадали отъ дождя?—спросилъ Наполеонъ и, не дождавшись отвѣта, подошелъ къ окну и сказалъ:—посмотрите сегодня и море приняло свой обычный прекрасный цвѣтъ и небо нѣсколько очистилось отъ облаковъ. — О, поскорѣй-бы наступила весна и тихая погода. Я слышалъ, что въ послѣднюю бурю пострадало не мало судовъ въ виду самаго берега.—О, только-бы пережить эту зиму! А были-ли вы въ Лонгоне?

Бордони отвѣтилъ отрицательно.

— Оттуда долженъ быть прелестный видъ на море съ его бушующими волнами. Французскія суда стоятъ на якорѣ или все еще крейсируютъ и въ дурную погоду?

— Конечно, государь, они крейсируютъ во всякое время.

— Это вслѣдствіе строгихъ приказаній, полученныхъ ими,— замѣтилъ Наполеонъ.

Наступила небольшая пауза; императоръ отошелъ отъ окна, прошелся по комнатѣ и затѣмъ снова спросилъ:

— Вы говорите, что и синьора Джулія хотѣла меня видѣть?

Бордони отвѣчалъ утвердительно и былъ крайне доволенъ, что императоръ по видимому соглашался на поѣздку.

— Небо ясно, завтра будетъ хорошая погода — сказалъ Наполеонъ, затѣмъ послѣ минуты молчанія прибавилъ: покойной ночи, полковникъ, завтра мы увидимся.

На слѣдующее утро солнце показалось на горизонтѣ и освѣтило своими лучами роскошную южную природу, прекрасную и въ своемъ зимнемъ оцѣпенѣніи. Наполеонъ всталъ раньше обыкновеннаго, одѣлся съ большою тщательностью и послѣ завтрака объявилъ своему камердинеру Сантини, чтобы осѣдлали для него лошадь и послали за Друо, Бордони и Бертраномъ.

Скоро всадники выѣхали изъ городскихъ воротъ. Кромѣ Сантини ихъ сопровождалъ еще одинъ слуга, и издали слѣдовалъ небольшой отрядъ тѣлохранителей.

Когда издали стала видна вилла Вантини, Наполеонъ, обратясь къ своимъ генераламъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ живетъ Вантини, я очень желалъ-бы сдѣлать ему визитъ, поѣдемте туда, мои друзья.

Императоръ повернулъ свою лошадь по направленію къ виллѣ и всѣ послѣдовали за нимъ.

Семейство Вантини обрадовалось пріѣзду императора; Наполеонъ сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ Вантини, выразилъ сожалѣніе синьорѣ Вантини по поводу ея болѣзни и поднимаясь съ Джуліею на веранду выразилъ ей свою радость, что наконецъ видитъ ее послѣ столь продолжительной разлуки.

— Какъ я благодарна вашему величеству, — отвѣчала Джулія, что вы вспомнили о данномъ вами обѣщаніи.

— Я всегда объ этомъ думалъ, синьора, хотя обстоятельства и погода были противъ меня. Какъ только кончится зима, опять пойдетъ все иначе. Я не приглашаю васъ въ Феррайо, такъ какъ вы необходимы вашей матушкѣ; но

все-же я надѣюсь впослѣдствіи видѣть васъ у княгини, хотя на короткое время.

Наполеону казалось, что опять воскресли въ его душѣ нѣжныя чувства, которыя онъ когда-то питалъ къ Джуліи, но онъ старался подавить ихъ, не давать имъ воли вырваться наружу.

Бордони-же почти не удалось поговорить съ Джуліею, но взоры ихъ часто встрѣчались, и въ глазахъ молодой дѣвушки полковникъ ясно видѣлъ благодарность за выполненіе сдѣланнаго ею предложенія.

XXVII.

Въ Монте Серрато.

Недѣли двѣ спустя послѣ посѣщенія Наполеономъ виллы Вантини, Бордони получилъ порученіе отъ императора съѣздить въ Лонгоне. Полковникъ былъ очень этимъ доволенъ, такъ какъ предполагалъ на обратномъ пути заѣхать въ виллу Вантини, а чтобы привести въ исполненіе свое желаніе, онъ выѣхалъ рано утромъ изъ Феррайо.

Проѣзжая медленно по долинѣ, Бордони уже приближался къ часовнѣ, какъ вдругъ къ удивленію своему, онъ замѣтилъ какую-то женскую фигуру, спускавшуюся со ступенекъ. Подъѣхавъ ближе, Бордони разсмотрѣлъ внимательнѣе эту женщину и радостный крикъ вырвался изъ его груди.

Быстро соскочилъ онъ съ коня, передавъ его сопровождавшему его слугѣ. Женщина также тотчасъ замѣтила его, остановилась и стала ждать его.

— Какой счастливый случай привелъ меня сюда! — воскликнулъ Бордони, подходя къ молодой дѣвушкѣ и подавая ей руку.

Онъ помогъ ей сойти со ступенекъ и когда они направились

по тропинкѣ, молодая дѣвушка все еще не отнимала отъ него руки.

Бордони разсказалъ о своемъ намѣреніи посѣтить ихъ въ тотъ день, а Джулія сказала, что воспользовалась хорошей погодой, чтобы навѣстить своего духовника, и они оба направились къ жилищу патера.

Кромѣ слуги, державшаго лошадь полковника, вблизи никого не было.

— Какъ я радъ васъ видѣть,—сказалъ Бордони, поднося къ своимъ губамъ руку молодой дѣвушки, когда они скрылись за гранатовыми деревьями.

Джулія посмотрѣла на него вопросительно.

— Когда я сегодня выѣхалъ, у меня было желаніе видѣть васъ и говорить съ вами, и теперь этотъ случай представился такъ неожиданно.

Она задумчиво смотрѣла вдаль, но по ея глазамъ сейчасъ было видно, что она раздѣляетъ чувства Бордони.

— О, синьора,—продолжалъ полковникъ, — я очень счастливъ, что наши сердца одинаково стремятся ко благу нашей родины.

Джулія посмотрѣла на него удивленнымъ взоромъ.

— Кто вамъ сказалъ объ этомъ? Моя подруга?

— Нѣтъ, императоръ.

— Императоръ?!—воскликнула изумленная дѣвушка.

— Да, дорогая Джулія. Отъ его проницательнаго взгляда не укрылось, что вы ради интересовъ вашей родины согласились погостить у княгини.

— Значитъ, я обманулась сама, тогда какъ думала... воскликнула Джулія и не договорила своей фразы.

— И это не только не уменьшило уваженія къ вамъ императора, но еще болѣе усилило его.

— Онъ, кажется, отгадалъ мою сильную любовь къ родинѣ, замѣтила Джулія.

— И, какъ я полагаю, это все послужило въ вашу поль-

зу, такъ какъ Наполеонъ узналъ всю твердость вашего характера, безъ чего этого быть можетъ и не было-бы.

— Я благодарю небо, что все это такъ случилось; теперь исполнились мои самыя завѣтныя желанія. Да, вамъ я могу откровенно сказать, что только любовь къ родинѣ заставила меня играть такую двусмысленную роль не только въ глазахъ свѣта, но и въ глазахъ Наполеона. И все это пришлось мнѣ вынести съ сильною болью сердца и съ полнымъ сознаніемъ, что быть можетъ тотъ, кто былъ мнѣ такъ дорогъ, не понималъ меня и пожалуй еще презиралъ.

— Если это и случилось, Джулія, то теперь васъ еще болѣе уважаютъ...

— Вы такъ думаете? прервала его Джулія, бросивъ на него взоръ полный любви и затѣмъ прибавила:—А вы сомнѣвались во мнѣ?

— Я не отрицаю этого, синьора, но мнѣ это можно извинить... О какъ всегда желаешь, чтобы тѣ, кого любишь и уважаешь, были того достойны.

Она пожала ему руку и сказала:

— Если бы вы знали, какъ я страдала.

— Вѣрьте мнѣ, я страдалъ не менѣе вашего. Правда, ваша гордость, ваша холодность оттолкнули было меня, но все же я не могъ превозмочь моихъ чувствъ. Я думалъ, что продолжительная разлука заглушитъ любовь въ моемъ сердцѣ, но и эта надежда была напрасна.

Какъ сладко звучали эти слова въ ушахъ молодой дѣвушки, она не выдержала и упала къ нему на грудь. Бордони сильною рукою охватилъ ее талію и прикоснулся губами къ ея лбу.

— Почему это раньше мы не поняли другъ друга, проговорилъ Бордони съ сожалѣніемъ.

— Обстоятельства не допускали этого,—серьезно сказала Джулія.

— Я понимаю васъ, вы также сомнѣвались во мнѣ? спросилъ полковникъ.

— Но у меня также была на это основательная причина, отвѣтила молодая дѣвушка.

— Конечно, конечно, но вы не знали, что въ этомъ случаѣ я былъ страдательнымъ лицомъ, на котораго обстоятельства наложили извѣстную обязанность?

— Я къ сожалѣнію узнала поздно объ этомъ, но тѣмъ не менѣе все же узнала!—воскликнула Джулія и нѣжно посмотрѣла на него.

— О, благодарю васъ за эти слова, моя дорогая Джулія, — возразилъ Бордони, поднося ея руку къ своимъ губамъ.

— Я ничего не знала о вашихъ намѣреніяхъ, но мнѣ объ этомъ разсказала княгиня и затѣмъ еще писала моя пріятельница изъ Ливорно.

— Теперь мы хорошо поняли другъ друга, и наша любовь сдѣлалась еще прочнѣе и сильнѣе, — сказалъ Бордони.

Прошло около получаса. Влюбленные все еще продолжали бесѣдовать и передавать другъ другу свои мысли и чувства, какъ вдругъ они заслышали шумъ шаговъ; оба разомъ взглянули въ ту сторону, откуда слышались шаги и увидѣли приближающагося патера, который весело кивалъ имъ головою.

— Какъ, вы, синьоръ? воскликнулъ онъ, сейчасъ догадавшись о томъ, что произошло и прибавилъ: «Да благословитъ небо тѣхъ, которые соединены взаимною любовію.»— Однако, продолжалъ священникъ, у меня есть дѣло до васъ. Я сейчасъ узналъ изъ исповѣди одного подозрительнаго человѣка, что императору опять грозитъ опасность.

У Джуліи и Бордони одновременно вырвался крикъ ужаса.

— О говорите, говорите, сказалъ послѣдній.

— Меня поразило, началъ патеръ, что одинъ простой рыбакъ поставилъ двѣ толстыя свѣчи передъ образомъ Божіей Матери; обыкновенно люди этого класса не имѣютъ такъ много средствъ; я сталъ слѣдить за этимъ человѣкомъ; вскорѣ онъ подошелъ ко мнѣ для исповѣди и въ числѣ многихъ грѣховъ между прочимъ заявилъ о своемъ намѣреніи совершить новое преступленіе. Я сталъ осторожно допытывать его и оказалось, что онъ намѣренъ убить императора за извѣстную сумму денегъ.

— Значитъ предположенія Наполеона оправдались,—сказалъ Бордони,—слава Богу, что еще есть время предотвратить эту опасность. Хорошо было бы поймать этого человѣка и этимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ покушеній, притомъ онъ можетъ указать своихъ сообщниковъ.

— Хорошо, сдѣлайте такъ, только пусть онъ прежде выйдетъ изъ часовни.

Черезъ нѣсколько минутъ какой-то рыбакъ сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Вотъ онъ, тихо сказалъ патеръ.

Бордони поспѣшилъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, обѣщавъ Джуліи, что какъ только ему удастся поймать рыбака онъ придетъ съ нею проститься.

Желая насколько возможно скрыть свое волненіе отъ преслѣдуемаго, полковникъ пошелъ довольно скоро за нимъ и окликнулъ рыбака, тотъ снялъ шляпу и остановился.

Бордони сталъ требовать, чтобы этотъ человѣкъ подошелъ къ нему, но рыбакъ, замѣтивъ, что полковникъ сдѣлалъ знакъ своему слугѣ, державшему лошадь, подойти къ нему, понялъ вѣроятно въ чемъ дѣло, съ легкостью серны взобрался на сосѣднюю скалу, послалъ Бордони воздушный поцѣлуй и скрылся въ горахъ. Его бѣгство, конечно, означало, что совѣсть его была нечиста и Бордони необходимо было скорѣе предупредить императора. Слуга Джуліи под-

велъ ей ея лошака и она вмѣстѣ съ Бордони направилась къ виллѣ Вантини.

Родители Джуліи были крайне удивлены, увидѣвъ свою дочь вмѣстѣ съ полковникомъ. Когда же Бордони объявилъ имъ объ опасности, грозящей императору, то оба супруга, конечно, были сильно этимъ огорчены. Даже сообщенное Джуліею извѣстіе о предложеніи, сдѣланномъ ей полковникомъ, отошло на второй планъ; всѣ были заняты только мыслію объ императорѣ.

Бордони не могъ долго оставаться у Вантини; онъ спѣшилъ въ Феррайо. Бордони ѣхалъ обратно скорою рысью, начинало уже смеркаться, ему нужно было въѣхать въ ущелье, чтобы пробраться на главную дорогу, ведущую въ городъ, вдругъ раздался выстрѣлъ и пуля ранила его въ плечо; полковникъ пришпорилъ коня и въ это время вторая пуля просвистѣла надъ его головою. Не было никакого сомнѣнія, что эти выстрѣли были сдѣланы тѣмъ самымъ рыбакомъ, котораго Бордони не удалось поймать. Полковникъ быстро пролетѣлъ ущелье и спѣшилъ въ городъ; вѣроятно рана въ плечо не была опасна, такъ какъ онъ могъ свободно владѣть рукою и не чувствовалъ сильной боли.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, Бордони послалъ за врачемъ; тотъ, осмотрѣвъ рану, нашелъ ее неопасною, но сдѣлалъ перевязку и предписалъ покой. Покончивъ со своею раною, Бордони одѣлся снова и отправился во дворецъ; въ пріемной полковникъ встрѣтилъ Друо и Бертрана, тѣ также собирались идти къ императору; Бордони наскоро сообщилъ имъ о бывшемъ съ нимъ случаѣ и затѣмъ всѣ трое вошли въ рабочій кабинетъ Наполеона.

Императоръ тотчасъ обратилъ вниманіе на перевязанную руку Бордони и полковникъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся.

Наполеонъ выразилъ свое сожалѣніе Бордони и затѣмъ

сталъ говорить со всѣ тремя о своихъ планахъ и намѣреніяхъ съ наступленіемъ весны.

Онъ говорилъ долго и рѣчь его текла ровно и плавно, въ немъ видѣнъ былъ не только опытный стратегъ, но и хорошій риторъ.

XXVIII

Таинственное посѣщеніе.

Прошелъ годъ со времени разговора Наполеона съ его друзьями. Опять была зима, а съ нею наступили бури и дожди: сообщеніе съ материкомъ было крайне затруднительно и иногда даже совершенно прерывалось на нѣсколько дней, такъ что всѣ извѣстія доходили очень поздно до Эльбы. Относительно покушенія на жизнь императора изъ произведеннаго слѣдствія ничего не выяснилось; только два рыбака, Джіупти и Грэнтъ, исчезли съ острова. Ихъ бѣгство подало поводъ къ подозрѣнію, что они были замѣшаны въ дѣлѣ покушенія.

Помолвка Джуліи съ Бордони произвела новую перемѣну въ жизни семейства Вантини. Полковникъ часто навѣщалъ свою невѣсту, иногда провожалъ ее въ Феррайо къ княгинѣ, гдѣ она обыкновенно оставалась нѣсколько часовъ и разгоняла скуку страждущей Паулины. Эта послѣдняя нѣсколько разъ изъявляла желаніе, чтобы Джулія погостила у ней болѣе продолжительное время, но молодая дѣвушка всякій разъ отклоняла приглашеніе княгини, ссылаясь на болѣзнь матери.

Наполеонъ также, когда Джулія бывала у княгини, не пропускалъ случая поговорить съ молодою дѣвушкой, его чувства къ ней не измѣнились, но были только подавлены заботами о будущемъ; за послѣднее время меланхолическое состояніе духа императора еще болѣе усилилось и его прибли-

женные опасались, чтобы эта меланхолія не превратилась у него въ душевную болѣзнь. Не мало тревожилась и синьора Летиція за своего сына и усердно посѣщала церковныя службы.

Была половина января. Наполеонъ ходилъ сумрачный и блѣдный по своему кабинету, праздность сильно тяготила его, а неизвѣстность положенія буквально приводила его въ ярость. Онъ походилъ на льва, котораго заперли въ клѣтку, между тѣмъ какъ онъ привыкъ свободно гулять по лѣсамъ. Императоръ нетерпѣливо ожидалъ прибытія почтоваго судна и поминутно останавливался у окна и смотрѣлъ въ подзорную трубу на море. Около четырехъ часовъ пополудни показалось ожидаемое судно, которое, не смотря на противный вѣтеръ, приближалось къ острову и съ наступленіемъ сумерекъ вошло въ гавань.

Наполеонъ тотчасъ-же послалъ Сантини принести полученныя на его имя письма и депеши. Часъ спустя императоръ уже сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, разбирая бумаги и депеши.

Бордони также получилъ письмо отъ своихъ друзей изъ Ливорно и Турина. Только что онъ занялся ихъ чтеніемъ, какъ къ нему явился слуга и доложилъ, что его спрашиваетъ какой-то матросъ, желающій переговорить съ нимъ лично. Полковникъ приказалъ позвать матроса; этотъ послѣдній передалъ ему записку, заявивъ при этомъ, что одна дама, пріѣхавшая съ почтовымъ судномъ, поручила ему передать это письмо лично полковнику.

Какъ только посланный ушелъ, Бордони распечаталъ письмо; тамъ было всего лишь нѣсколько строкъ; только онъ прочиталъ ихъ, какъ поспѣшилъ одѣться и бросился во дворецъ.

Войдя въ кабинетъ императора, онъ сказалъ:

— Ваше величество, графиня П. пріѣхала съ почтовымъ судномъ; она желаетъ васъ видѣть, такъ какъ привезла важныя извѣстія.

— Въ виллѣ никто теперь не живетъ, сказалъ Наполеонъ, распорядитесь, чтобы ее туда привезли; я непремѣнно сегодня же вечеромъ хочу ее видѣть; но только о моемъ визитѣ никто не долженъ знать. Съ собою я возьму одного Сантини; надѣюсь, темнота прикроетъ насъ отъ шпіоновъ.

Наполеонъ опять пришелъ въ волненіе и сталъ снова ходить по комнатѣ; время тянулось, по его мнѣнію, слишкомъ медленно.

Пробило девять часовъ, когда послышался стукъ колесъ кареты; Наполеонъ позвалъ своего слугу и тотъ уже явился съ плащемъ и со шляпою императора.

— Посмотри, нѣтъ ли кого въ корридорѣ, сказалъ Наполеонъ Сантини.

Слуга исполнилъ приказаніе императора и вернувшись отвѣтилъ, что его величество можетъ совершенно свободно пройти къ каретѣ, въ которой сидѣлъ Бордони; во время пути онъ отдалъ отчетъ въ возложенныхъ на него порученіяхъ.

Графиня сильно утомилась во время переѣзда, но когда Бордони объявилъ ей, что императоръ будетъ у нея въ тотъже вечеръ, она забыла свою слабость и приготовилась къ встрѣчѣ дорогаго гостя.

— Говорила-ли она что нибудь о томъ, какого рода извѣстія привезла мнѣ? спросилъ Наполеонъ полковника.

— Она привезла важныя извѣстія, государь, но только не сказала мнѣ, въ чемъ они заключаются. Если судить по ея грустному лицу, то эти извѣстія должны быть въ одно время и очень важны, и слишкомъ дурны.

— Я этого ожидалъ и ко всему готовъ,—сказалъ Наполеонъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

Когда императоръ и Бордони вошли въ комнату, Наполеонъ сказалъ полковнику:

— Подождите меня здѣсь. Самъ же отправился къ графинѣ.

Вся трепещущая и съ распростертыми объятіями кину-

лась графиня на грудь Наполеону, какъ только тотъ вошелъ къ ней. Императоръ былъ сильно взволнованъ и не могъ произнести ни одного слова. Нѣжно прижалъ онъ ее къ себѣ и прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ онъ могъ сказать что нибудь.

— Моя добрая, дорогая Катенька,—говорилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ,—постараемся превозмочь себя и будемъ наслаждаться этимъ часомъ свиданія безъ примѣси грусти и слезъ, и съ этими словами онъ отвелъ ее къ оттоману.

Держа руку графини въ своей, Наполеонъ продолжалъ нѣжнымъ голосомъ:

— Вы не повѣрите, какъ я благодаренъ вамъ за ваше самопожертвованіе и за вашу любовь; не существуетъ словъ для выраженія моей признательности. Ваше присутствіе здѣсь служитъ лучшимъ доказательствомъ вашей любви ко мнѣ, которую вы сохранили въ вашемъ сердцѣ, не смотря на долгое время нашей разлуки и на мое несчастное положеніе въ данную минуту. О, Катенька, я никогда не думалъ, что намъ суждено свидѣться при такихъ обстоятельствахъ!

А она все молчала, слезы душили ее и графиня не могла выговорить ни слова.

— Благодарю васъ за присланный портретъ, мнѣ это было очень пріятно. Я крайне сожалѣю, что не могу прижать моего ребенка къ своей груди.

— А вы желали бы его видѣть?—быстро спросила графиня сквозь слезы.

— Конечно, конечно, отвѣтилъ Наполеонъ.

— О, какъ вы осчастливили меня, государь! Теперь я могу привести въ исполненіе мою завѣтную мечту.

— Какъ, вы привезли его съ собою?—спросилъ Наполеонъ.

— Да, государь, вы обнимете вашего сына и онъ въ первый разъ увидитъ лицо своего отца.—Съ этими словами

графиня вышла въ сосѣднюю комнату и скоро вернулась съ мальчикомъ, котораго посадила на колѣни къ Наполеону.

Императоръ обнялъ сына и поцѣловалъ его.

— Кто этотъ чужой господинъ? спросилъ ребенокъ.

Наступила пауза. Графиня не знала какъ отвѣтить на вопросъ мальчика, но императоръ сказалъ:

— Несчастный человѣкъ, но который тебя очень любитъ и ты всегда будешь имѣть мѣсто въ его сердцѣ, когда же ты выростешь большой, онъ разскажетъ тебѣ многое, чего ты теперь еще не въ состояніи понять. Посмотри на меня внимательнѣе, чтобы ты могъ потомъ узнать меня.

Ребенокъ, казалось, не совсѣмъ понялъ слова Наполеона, но послушался его и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ ему пристально въ глаза. Затѣмъ онъ обернулся къ матери и попросился лечь спать. Мальчикъ очень усталъ съ дороги.

Наполеонъ поцѣловалъ сына, а графиня отнесла его въ сосѣднюю комнату.

Когда она вернулась, то нашла Наполеона грустнымъ и задумчивымъ. Графиня близко подошла къ нему и ласково посмотрѣла на него. Наполеонъ снова заключилъ ее въ свои объятія.

— Вотъ все, чѣмъ могу я выразить благодарность матери моего сына за всѣ принесенныя ею жертвы.

— О, государь, не упоминайте о благодарности; я достаточно вознаграждена моею любовью и материнскимъ счастьемъ за все, что случилось и что еще можетъ случиться. Въ жизни моего ребенка, въ его невинномъ лепетѣ заключается все мое счастье. Въ чертахъ лица моего мальчика я нахожу сходство съ человѣкомъ, которому принадлежитъ и моя любовь и мое удивленіе, воскликнула графиня въ благородномъ экстазѣ.

— О, ты благородная женщина, сказалъ Наполеонъ, — быть можетъ и для меня наступятъ лучшія времена, ты тогда будешь жить вблизи меня и нашъ сынъ будетъ воспи-

тываться вмѣстѣ съ королемъ Рима; я позабочусь о его судьбѣ.

Графиня стояла молчаливая и горько плакала.

— Развѣ ты не раздѣляешь моихъ надеждъ, Катенька? Что случилось такое? Что они порѣшили тамъ въ Вѣнѣ? Ужъ не приговорили ли меня къ смерти? Скажи скорѣе!

— Нѣтъ, не къ смерти, государь,—едва слышнымъ голосомъ сказала графиня.

— Все другое можно перенести и все еще питать надежду на лучшіе дни.

— О, государь! воскликнула графиня, то, что я хочу сообщить вамъ, хуже всякой смерти, но мужайтесь...

— Хуже? что-же это такое?

— Изгнаніе на островъ св. Елены,—и графиня съ громкими рыданіями бросилась къ Наполеону на грудь и страстно обняла его.

Императоръ содрогнулся; ея слова поразили его въ самое сердце.

— И это правда? спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Да, государь, я слышала это изъ самаго достовѣрнаго источника; скоро, впрочемъ, это уже болѣе не будетъ тайною. Участь Мюрата также рѣшена; онъ будетъ лишенъ престола.

— Да, отъ насъ всѣхъ хотятъ избавиться, — со вздохомъ сказалъ Наполеонъ,—но, впрочемъ, я не поддамся добровольно, я буду протестовать.

— О, государь, спасайтесь пока есть время, ради Бога, спасайтесь, я не могу видѣть васъ въ такомъ ужасномъ положеніи.

— Да, я сдѣлаю, что нужно,—сказалъ онъ.

Наполеонъ хотѣлъ было встать, но ноги отказались служить ему и онъ снова опустился на оттоманъ. Графиня подала ему руку и провела императора нѣсколько разъ по ком-

ватѣ, такъ что его члены снова пришли въ нормальное состояніе.

— Да, я избѣгну этого стыда, я употреблю всѣ усилія, чтобы только не попасться въ руки моихъ враговъ; этимъ спасеніемъ я буду обязанъ твоему самоотверженію, Катенька,—онъ снова обнялъ ее и поцѣловалъ. Потомъ опять сталъ ходить по комнатѣ повторяя:—На островъ св. Елены! на островъ св. Елены!

Потомъ вдругъ, какъ бы очнувшись, онъ сталъ развивать передъ графинею свои грандіозные планы и сулилъ ей самую блестящую будущность. Становилось очень поздно, а голосъ Наполеона все еще раздавался въ комнатѣ; графиня слушала его молча и вполнѣ вѣрила въ геній этого человѣка, для котораго не существовало невозможнаго. Часы пробили полночь, императоръ очнулся; онъ простился съ графиней и вышелъ отъ нея.

— Я долго заставилъ васъ ждать, полковникъ, сказалъ Наполеонъ, войдя въ ту комнату, въ которой оставилъ Бордони,—намъ пора домой.

Всю дорогу императоръ былъ скученъ и задумчивъ, когда они подъѣхали ко дворцу, онъ пригласилъ полковника зайти къ нему въ его рабочій кабинетъ и тутъ сообщилъ Бордони о рѣшеніи своей участи вѣнскими дипломатами. Наполеонъ просилъ Бордони распространять по прежнему слухи о его возрастающей съ каждымъ днемъ меланхоліи, что императоръ вполнѣ подтверждалъ своею уединенною жизнію.

XXIX.

Княгиня и королева.

Наступилъ февраль; Наполеонъ по прежнему велъ уединенную жизнь и даже рѣдко показывался въ покояхъ кня-

гини. Однажды утромъ синьора Летиція и Паулина сидѣли вдвоемъ въ будуарѣ княгини; мать читала молитвенникъ, а Паулина сидѣла на диванѣ и была очень разсѣяна. Правда, со времени пріѣзда графини грустное настроеніе Наполеона нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Императоръ представилъ сестрѣ и матери графиню, какъ замужнюю женщину, такъ что всѣ приличія были соблюдены. Однако, какое то грустное предчувствіе давило грудь княгини, а неизвѣстность еще болѣе увеличивала это настроеніе.

Вдругъ среди этой тишины и монотоннаго чтенія синьоры Летиціи дверь съ шумомъ отворилась и вошелъ Наполеонъ. Обѣ женщины очень обрадовались, увидя императора, и привѣтствовали его съ большимъ радушіемъ.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь, видя меня въ такой ранній часъ и, конечно, предполагаете, что этому должна быть важная причина; дѣйствительно, въ этомъ отношеніи вы совершенно правы. Мое посѣщеніе собственно касается тебя, Паулина, и я попрошу отъ тебя нѣкоторой жертвы,—сказалъ Наполеонъ и сѣлъ подлѣ сестры.

— Отъ души готова сдѣлать для тебя все, что могу,— отвѣтила она ласково.

— Впрочемъ, я не требую отъ тебя ничего сверхъестественнаго,—замѣтилъ Наполеонъ.

— Говори, что ты желаешь, и будь вполнѣ увѣренъ, я сдѣлаю все зависящее отъ меня, сказала Паулина.

— Такъ слушай-же въ чемъ заключается требуемая мною отъ тебя жертва. Тебѣ извѣстно, что моя касса почти пуста....

— Да, я знаю,—прервала его княгиня и все это благодаря французскому правительству, не сдержавшему своего обѣщанія.

— Мнѣ нужны деньги, не можешь-ли помочь мнѣ, Паулина?—спросилъ Наполеонъ.

— Какъ-бы я это охотно сдѣлала,—возразила княгиня,—но вѣдь и моя касса совершенно истощена.

— Я знаю, но у тебя есть брилліанты. Не можешь-ли ты пожертвовать ими...

— Мои брилліанты?—спросила она и посмотрѣла на Наполеона испытующимъ взоромъ.

— Да, моя дорогая. Мнѣ необходимы деньги въ моемъ настоящемъ положеніи.

— Если это такъ, то возьми ихъ; твоя просьба доказываетъ мнѣ, что ты намѣренъ разорвать сковывающія тебя цѣпи и спасти насъ всѣхъ! — воскликнула взволнованная Паулина.

— Скажи, сынъ мой, правда-ли это?—вмѣшалась въ разговоръ синьора Летиція;—она положила руку на плечо сына и пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— Да, это правда,—отвѣтилъ Наполеонъ,—я хочу спасти и васъ и себя!

— Но скажи намъ, что ты намѣренъ дѣлать?—продолжала допрашивать императора его мать.

— Не сердитесь на меня, chère mère, а также и ты, Паулина, что пока я не могу сообщить вамъ ничего о своихъ планахъ. Одно только скажу, что мое рѣшеніе непоколебимо. Въ свое время вы узнаете все, но теперь пока довольствуйтесь моимъ обѣщаніемъ. Кромѣ того, попрошу васъ хранить по этому поводу самое строгое молчаніе.

— Конечно, конечно,—отвѣтила Паулина,—ты увидишь, мы умѣемъ хранить молчаніе.

Княгиня встала съ дивана и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Куда ты?—спросилъ Наполеонъ.

— Я хочу принести брилліанты и собрать кромѣ того еще и другія драгоцѣнности.

— Однако, устрой такъ, чтобы окружающіе ничего не знали объ этомъ; собери всѣ твои брилліанты, а завтра утромъ я приду за ними.—Затѣмъ, подойдя ближе къ сестрѣ,

прибавилъ:—Благодарю тебя, Паулина, за твою доброту, надѣюсь возвратить тебѣ въ десять разъ больше чѣмъ взялъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, — отвѣтила Паулина

— А если мнѣ не удастся сдержать обѣщанія?—спросилъ Наполеонъ.

— Тогда я буду считать себя настолько несчастною, что уже не почувствую потери бриллiантовъ,—возразила она.— Но я не боюсь этого, я полагаю, что счастье должно улыбнуться тебѣ.

— Я точно также вполнѣ увѣрена въ этомъ — сказала синьора Летиція и отерла слезу.

Наполеонъ простился съ матерью и сестрою и отправился къ себѣ.

На другой день императоръ получилъ обѣщанные бриллiанты и другія драгоцѣнности; онъ отправилъ ихъ съ вѣрными людьми для продажи въ Геную и Ливорно и вскорѣ на Эльбу была привезена значительная сумма денегъ и передана Бордони.

Хотя уже почти все было готово для предпріятія, но Наполеонъ все еще медлилъ извѣстить о своихъ планахъ преданныхъ ему друзей; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда императоръ скажетъ рѣшительное слово.

Какъ на Эльбѣ, такъ и въ Парижѣ всѣ приверженцы Наполеона были въ сильно напряженномъ состояніи, а въ особенности королева Гортензія; не имѣя долго извѣстій отъ императора, она была въ сильномъ волненіи и съ нетерпѣніемъ ждала окончательнаго рѣшенія Наполеона.

Слухъ о покушеніи дошелъ и до Парижа, и тамъ друзья императора въ виду натянутаго положенія вещей ожидали каждый день извѣстій съ Эльбы; наконецъ королева Гортензія потеряла всякое терпѣніе и въ началѣ февраля она рѣшилась написать Наполеону и кончала письмо слѣдующими словами: «Вы не повѣрите съ какимъ нетерпѣніемъ Франція

ожидаетъ своего императора. Рѣшайтесь скорѣе, мой другъ, пока еще есть время»!

Королева стала перечитывать письмо и не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ ея младшій сынъ Людовикъ-Наполеонъ; видя, что мать занята, онъ остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ письменнаго стола съ книгою въ рукахъ и сталъ смотрѣть на мраморный бюстъ Наполеона, стоявшій въ одномъ изъ угловъ комнаты. Мальчикъ такъ увлекся созерцаніемъ бюста своего геніальнаго дяди, что не замѣтилъ, какъ его мать подняла голову и въ свою очередь устремила взоръ полный любви на своего маленькаго сына; видя, однако, что мальчикъ слишкомъ увлекся, королева спросила;

— Что тебѣ особенно такъ нравится въ твоемъ дядѣ, мой сынъ?

— Когда я смотрю на его изображеніе,—отвѣчалъ мальчикъ,—то его лицо мнѣ является какъ-бы книгою, въ которой можно прочесть мысли ея автора, и теперь я старался разобрать, какого рода мысли были у дяди въ головѣ и чтобы мнѣ, когда выросту большой, умѣть также управлять и вести войну, какъ онъ.

— Неужели ты думалъ объ этомъ, сынъ мой?—спросила обрадованная Гортензія.

— Я часто думаю, въ особенности же, когда мнѣ приходится читать о всѣхъ подвигахъ императора; онъ достигалъ всего, чего хотѣлъ,—замѣтилъ принцъ.

— Ему помогли въ этомъ его твердая воля, его умъ; ты долженъ также стараться пріобрѣсти эти качества, если желаешь походить на твоего великаго дядю.

— А дядя желаетъ теперь вернуться въ Парижъ? — съ любопытствомъ спросилъ мальчикъ.

— Можетъ быть. Мы всѣ ждемъ этого съ нетерпѣніемъ.

— Когда онъ опять поселится въ Тюльери и будетъ управлять, а мы станемъ по прежнему жить тамъ, я постараюсь замѣчать все, что онъ дѣлаетъ.

— Надѣюсь, сынъ мой, скоро наступитъ это время и ты снова будешь подлѣ твоего дяди. Совѣтую тебѣ запечатлѣть твердо въ твоей памяти и въ твоемъ сердцѣ, что ты о немъ читаешь; тогда ты узнаешь, почему твой дядя сдѣлался великимъ человѣкомъ своего вѣка.

— Я непремѣнно постараюсь дѣлать все такъ, какъ дѣлалъ мой дядя, когда выросту большой; тогда я вѣдь могу сдѣлаться императоромъ и управлять въ Тюльери? спросилъ мальчикъ, устремивъ пристальный взглядъ на королеву.

— Этотъ вопросъ можетъ рѣшить будущее, а пока ты долженъ стараться пріобрѣсти себѣ такія качества, которыя необходимы для того, чтобы съ честью занимать высокое положеніе, если судьбѣ угодно будетъ исполнить твое желаніе.

Съ этими словами королева кончила бесѣду съ принцемъ и хотѣла было начать обычный съ нимъ урокъ, какъ въ комнату вошелъ слуга и доложилъ, что шевалье Шабулонъ пріѣхалъ и желаетъ видѣть королеву.

Гортензія не ожидала шевалье въ этотъ часъ и его приходъ крайне удивилъ ее. Думая услышать отъ шевалье что либо важное, Гортензія отпустила принца и приказала слугѣ пригласить къ ней новоприбывшаго.

— Я пришелъ сегодня къ вамъ, ваше величество, по поводу весьма важныхъ и тревожныхъ извѣстій,—сказалъ шевалье, кланяясь королевѣ и по ея указанію опускаясь на стоящее близъ нея кресло.

— Неужели насъ ожидаетъ какой либо ударъ со стороны враждебной партіи?

— Нѣтъ, ваше величество, мое сообщеніе касается дальнѣйшей судьбы императора; вѣнскій конгрессъ рѣшилъ окончательно обезоружить императора и сослать его куда нибудь еще дальше.

— Куда-же думаютъ послать его?

— Это еще неизвѣстно.

— Тогда все уже кончено?—воскликнула королева.

— Пока еще есть надежда и слѣдуетъ дѣйствовать осмотрительнѣе. Я думаю тотчасъ съѣздить къ нашимъ друзьямъ и переговорить съ ними,—сказалъ шевалье.

— О, какая ужасная судьба! воскликнула королева. Когда дверь за шевалье затворилась, Гортензія въ возбужденномъ состояніи стала ходить по комнатѣ.

XXX.

Жребій брошенъ.

За недѣлю до памятнаго въ исторіи Наполеона дня 26-го февраля, императоръ поздно засидѣлся со своими гостями, Бетраномъ и Друо; Наполеонъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и это очень радовало его друзей.

— А что вы думаете,—сказалъ императоръ, обращаясь къ генераламъ,—не отправиться ли намъ завтра пораньше въ Лонгоне?

Генералы съ удивленіемъ посмотрѣли на Наполеона.

— Я васъ буду ждать завтра около восьми часовъ утра,—продолжалъ императоръ, я хотѣлъ бы проѣхаться по свѣжему утреннему воздуху; надѣюсь, господа, эта прогулка должна доставить и вамъ большое удовольствіе.

Сказавъ это самымъ веселымъ тономъ, Наполеонъ распростился со своими друзьями.

На слѣдующее утро генералы, явившись въ назначенный часъ во дворецъ, нашли императора совершенно готовымъ и въ наилучшемъ расположеніи духа; онъ пригласилъ ихъ въ другую комнату и сказалъ:

— Друзья мои, я далъ слово объяснить вамъ мои намѣренія, когда настанетъ время. Этотъ часъ пробилъ. Вы знаете, насколько мы приготовлены къ оборонѣ; благодаря Бордони и княгинѣ, у меня есть въ распоряженіи достаточ-

ная сумма денегъ и кромѣ того постановленіе вѣнскаго конгресса побудило меня къ скорѣйшему рѣшенію относительно моего настоящаго положенія.

— О, государь, вы поступаете прекрасно!—воскликнулъ Друо.

— Ты такъ думаешь, другъ мой? спросилъ Наполеонъ и затѣмъ прибавилъ: При настоящемъ положеніи мнѣ ничего инаго не остается дѣлать, какъ только бороться на жизнь и на смерть. Мое предпріятіе можетъ дать или побѣду, или полное пораженіе; въ послѣднемъ случаѣ я погибшій человѣкъ....

— О, государь, мы побѣдимъ! — воскликнулъ Друо, — вы поведете васъ, а наполеоновскій орелъ всегда одерживалъ побѣду.

— Да сбудутся слова твои, другъ мой, отвѣтилъ взволнованный Наполеонъ. Франція и Парижъ—вотъ моя цѣль. Но чтобы достигнуть этой цѣли, нужно дѣйствовать быстро, безъ малѣйшаго замедленія.

Затѣмъ всѣ вышли изъ комнаты, сѣли на коней и направились по дорогѣ въ Лонгоне.

На обратномъ пути Наполеонъ свернулъ по направленію къ виллѣ Вантини.

— Я хочу пригласить прелестную Джулію на балъ, замѣтилъ императоръ своимъ спутникамъ.

— Вы говоритете серьезно, ваше величества?—спросилъ Друо.

— Конечно, мой другъ; я хочу немного занять умы здѣшнихъ жителей и обмануть ихъ ожиданія. Паулина сдѣлаетъ въ субботу блестящій балъ, разошлетъ какъ можно больше приглашеній и распуститъ слухъ, что это празднество будетъ отличаться большимъ великолѣпіемъ. Правда, въ танцорахъ на этомъ балу будетъ чувствоваться нѣкоторый недостатокъ, но, вѣроятно, княгиня постарается устроить все, какъ можно лучше.

— Я вижу, государь, — замѣтилъ Друо, — вы позаботились обо всемъ и намъ остается только повиноваться.

— Наступитъ время, когда и для васъ будетъ достаточно работы, замѣтилъ Наполеонъ.

Разговаривая такимъ образомъ, всадники достигли виллы и обрадовали ея обитателей своимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Я пріѣхалъ пригласить васъ отъ имени княгини на балъ въ будущую субботу, сказалъ императоръ, обращаясь къ Вантини, послѣ перваго привѣтствія;—надѣюсь видѣть васъ всѣхъ на этомъ празднествѣ.

Это приглашеніе крайне смутило Вантини и его жену; они знали, что при настоящемъ болѣзненномъ состояніи Наполеона подобное празднество могло быть для него только въ тягость.

Джулія-же смотрѣла изумленными глазами на императора и рѣшительно не знала, какъ понять его слова.

Наполеонъ, замѣтивъ изумленный видъ дѣвушки, сказалъ:

— Вы, кажется, синьора, удивлены моимъ приглашеніемъ и моимъ визитомъ; конечно, иначе это и не могло быть, вы знали, что все время я былъ боленъ, но теперь мнѣ лучше и, вѣроятно, скоро я совсѣмъ буду здоровъ.

— Я очень радуюсь, государь, вашему выздоровленію и надѣюсь, что ваши предположенія подтвердятся. — сказала Джулія.

Наполеонъ поблагодарилъ ее и сдѣлалъ знакъ молодой дѣвушкѣ послѣдовать за нимъ на веранду.

— Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, Джулія, началъ императоръ, когда они вдвоемъ вышли на веранду.

Джулія испугалась и покраснѣла.

— Я прошу васъ отправиться въ субботу пораньше въ Феррайо и ѣхать прямо къ княгинѣ. Мнѣ нужно поговорить съ вами еще до бала. Будьте аккуратны, около шести часовъ я приду къ княгинѣ.

— Я исполню ваше желаніе, государь, отвѣтила Джулія.

Затѣмъ Наполеонъ снова прошелъ въ комнаты, простился съ хозяевами и уѣхалъ.

Вечеромъ императоръ отправился въ Сенъ-Мартино, желая повидаться съ графиней и проститься съ нею, такъ какъ на слѣдующій день она должна была уѣхать съ острова Эльбы. Графиня знала о намѣреніяхъ Наполеона посѣтить ее и въ тотъ вечеръ ждала императора.

Графиня провела нѣсколько часовъ съ любимымъ человѣкомъ; онъ былъ очень нѣженъ съ нею, ласкалъ сына и съ полною надеждою говорилъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, которые должны окончиться несомнѣннымъ успѣхомъ.

Когда настала минута прощанья, графиня крѣпко обняла императора и долго не могла оторваться отъ него...

Бордони, по желанію Наполеона, долженъ былъ проводить графиню до Ливорно, куда она и отправилась на слѣдующее утро.

Также на другой день княгиня разослала приглашенія на балъ. Уже давно жители Феррайо не имѣли случая пользоваться подобными удовольствіями, такъ какъ въ послѣднее время императоръ и княгиня исключительно пользовались обществомъ только своихъ приближенныхъ. Дѣйствительно, слухъ о предстоящемъ балѣ занялъ всѣ умы и рѣшительно никто не предполагалъ, что во дворцѣ идетъ теперь другаго рода усиленная работа, не имѣющая никакого отношенія къ предстоящему торжеству.

Наступило 25-е февраля.

Было еще очень рано, а между императорскими судами происходило движеніе; не смотря на противный вѣтеръ паруса были подняты и суда собирались выступить въ море. Это движеніе означало, что они отправляются въ Неаполь для маневрированія.

Никто не сомнѣвался въ этомъ предположеніи, такъ какъ суда часто выходили въ море съ этою цѣлію.

Скоро небольшая флотилія скрылась изъ глазъ.

Во дворцѣ, въ городѣ и въ войскахъ господствовало обычное спокойствіе.

Время стало подвигаться къ полудню.

Императоръ вмѣстѣ съ Кабронномъ работалъ у себя въ кабинетѣ.

Сантини воспользовался этимъ и заснулъ на одномъ изъ стульевъ пріемной; старикъ провелъ три безсонныхъ ночи, сильно утомился и тотчасъ заснулъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за ухо; онъ открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Наполеонъ.

Вошедши въ комнату, императоръ остановился, досталъ свои карманные часы и держа ихъ передъ Сантини сказалъ:

— Видишь-ли, теперь четверть пятаго, возьми это письмо и скорѣе отвези его къ г. Понсъ, директору коней въ Ріо! Поторопись! Суда, вышедшія сегодня утромъ, должны вернуться въ Феррайо, потому что вѣтеръ дуетъ противный.

Сантини осѣдлалъ лошадь, тотчасъ отправился въ Ріо и пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда суда только были въ виду.

Сантини, вернувшись во дворецъ, доложилъ о благополучномъ результатѣ возложеннаго на него порученія императору и этотъ послѣдній похвалилъ его за расторопность. Ночью же, когда пришло извѣстіе о прибытіи судовъ въ гавань Феррайо, Наполеонъ сказалъ про себя: «Жребій брошенъ!»

XXXI.

26-го февраля 1815 года.

Надъ Феррайо разстилалась темная ночь; набережная и улицы города были безлюдны и пусты; всѣ жители спали

крѣпкимъ сномъ. Во дворцѣ также, казалось, все было тихо и спокойно; только два человѣка всю ночь не смыкали глазъ. Это былъ Наполеонъ и его слуга Сантини; первый сидѣлъ совершенно одѣтый въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, а второй находился въ пріемной, въ случаѣ если императору понадобится отдать какія либо приказанія.

Наполеонъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и время отъ времени останавливался у одного изъ оконъ и смотрѣлъ на городъ и на море; заря начинала заниматься; небо было безоблачно, звѣзды стали блѣднѣть и мѣсяцъ долженъ былъ скоро уступить мѣсто яркому солнцу.

Въ гавани спокойно стояли суда. Погода обѣщала быть хорошею и на сердцѣ у императора стало легче; онъ погасилъ свѣчи, такъ какъ уже разсвѣло и позвонилъ; явился Сантини съ чашкою шоколада; Наполеонъ дернулъ его за ухо и сказалъ:

— Ну что, старикъ, какъ ты думаешь на счетъ погоды, не обманетъ-ли она насъ сегодня?

— Я такъ думаю, государь, что сегодня будетъ хорошій день. Впрочемъ, на материкѣ легче опредѣлить погоду, а здѣсь вѣтры такъ измѣнчивы; часто тихій солнечный день превращается въ бурный и дождливый, возразилъ Сантини.

— Ты совершенно правъ, старикъ, день длиненъ и по его началу нельзя судить о его концѣ.

Сантини вышелъ, а Наполеонъ, выпивъ на скоро чашку шоколаду, принялся опять за карты и планы. Однако онъ часто прерывалъ свои занятія, вставалъ съ своего мѣста и наблюдалъ въ подзорную трубу море и гавань.

Мало по малу и городъ и гавань стали оживляться, во дворцѣ также началась обыденная дѣятельность.

Яркіе солнечные лучи, проникшіе въ спальню княгини, разбудили и ее ранѣе обыкновеннаго. Быть можетъ причиною ранняго пробужденія Паулины былъ и балъ, назначенный во дворцѣ въ тотъ день вечеромъ. Ея братъ выразилъ

желаніе не щадить ни издержекъ, ни трудовъ для того, чтобы празднество дѣйствительно отличалось роскошью и блескомъ. Паулина выбрала своими совѣтниками Друо и Бордони. Передъ началомъ бала предполагалось поставить живыя картины и ея друзья и нѣкоторые офицеры должны были въ нихъ участвовать. Друо, однако, отказался отъ участія въ живыхъ картинахъ, чѣмъ и возбудилъ неудовольствіе княгини.

Для Джуліи была предназначена роль въ живыхъ картинахъ; сама Паулина также хотѣла принять въ нихъ участіе.

Позавтракавъ, княгиня усѣлась въ своемъ будуарѣ, въ ожиданіи Друо; она предполагала уговорить генерала, соблазнивъ его красивыми костюмами и заставить его такимъ образомъ участвовать въ картинахъ.

Явился и Друо, но онъ такъ былъ разсѣянъ и такъ равнодушно относился ко всѣмъ разсказамъ княгини, что та наконецъ вышла изъ терпѣнія и сказала:

— Что это съ вами сегодня, Друо? вы меня вовсе не слушаете!

— Не обращайте вниманія на мою разсѣянность, Паулина; вы знаете мою любовь и уваженіе къ вамъ; не сомнѣвайтесь во мнѣ, если я немного разсѣянъ сегодня, но это вслѣдствіе головной боли, возразилъ Друо.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, ты не отдѣлаешься отъ меня подобными сказками. Скажи мнѣ причину твоего страннаго расположенія духа. Это должно быть что нибудь необыкновенное, сказала Паулина и обвивъ руками шею генерала стала смотрѣть ему прямо въ глаза.

— Ради Бога, не настаивай, я не могу удовлетворить твоего любопытства, возразилъ Друо.

— Прошу тебя, скажи мнѣ, что случилось, успокой мое сердце...

— Съ какимъ удовольствіемъ я сдѣлалъ бы это, но увы, не могу!

— Ты сомнѣваешься въ моемъ молчаніи?

— Подожди нѣсколько часовъ, тогда самъ императоръ тебѣ все разскажетъ.

— Неужели ты не вѣришь мнѣ! Я вижу меня никто не любитъ!

Паулина расплакалась.

— Успокойся, моя дорогая. Право меня удивляетъ, что императоръ до сихъ поръ ничего не сказалъ ни тебѣ, ни своей матери о своемъ отъѣздѣ, сказалъ Друо.

— Онъ хочетъ отсюда уѣхать. Быть можетъ даже сегодня? спросила испуганная Паулина и отерла слезы.

— Да, да, такова его воля! нерѣшительно отвѣчалъ Друо, очень недовольный, что поддался княгинѣ.

— Къ чему онъ такъ долго скрывалъ это отъ насъ?

— Это можно извинить ему вслѣдствіе важности его предпріятія, возразилъ генералъ.

— Куда ѣдетъ императоръ?

— Во Францію, въ Парижъ...

— Во Францію! Теперь опять пойдетъ все хорошо! — воскликнула Паулина, дрожа отъ волненія.

— Вѣроятно, вечеромъ мы уже отправимся въ путь, замѣтилъ Друо.

— Да спасетъ васъ небо, желаю вамъ полной удачи, — сказала Паулина. — О, теперь мнѣ стало легче на сердцѣ. Неизвѣстность, въ которой мнѣ приходилось жить последнее время, подточила мои силы. Мнѣ придется разстаться и съ тобою, мой дорогой Валерій. Какимъ опасностямъ вы всѣ подвергнетесь!

— Тогда простимся теперь; послѣ врядъ ли мы найдемъ удобную минуту. Мы снова увидимся уже въ Тюльери. Предпріятіе императора слишкомъ смѣло, но я надѣюсь на его

умъ и на его счастливую звѣзду, сказалъ Друо и заключилъ плачущую княгиню въ свои объятія.

Однако время летѣло быстро, Друо нужно было спѣшить къ императору.

— Помни обо мнѣ и не выдавай меня; также постарайся, чтобы окружающіе ничего не замѣтили; обрати все твое вниманіе на бальную залу. Мы еще увидимся до моего отъѣзда, моя дорогая Паулина, а теперь я тороплюсь къ императору.

Обнявъ ее еще разъ, генералъ ушелъ.

Княгиня осталась одна и задумалась. Что сулило ей будущее? Опять новый блескъ и счастье? Или.... но она не могла безъ ужаса вспомнить о могущей быть неудачѣ. Ея грустныя размышленія были прерваны приходомъ Бордони.

— Я напрасно васъ побезпокоила сегодня, сказала княгиня полковнику, живыхъ картинъ не будетъ: Друо отказался наотрѣзъ.

— Я могъ бы предсказать вамъ это заранѣе, съ улыбкою замѣтилъ Бордони.

— Вамъ извѣстны причины отказа Друо? спросила Паулина, пристально взглянувъ на полковника.

— Нѣтъ, я ихъ не знаю.... — нерѣшительно отвѣтилъ Бордони.

— Вы меня обманываете:—воскликнула Паулина,—вамъ, конечно, извѣстна его тайна.

Полковникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на княгиню и хотѣлъ было отвѣчать, но въ это время вошелъ Наполеонъ.

Онъ былъ серьезенъ, спокоенъ, поздоровался съ княгинею и Бордони, освѣдомился у первой о предстоящемъ вечеромъ балѣ; Паулина разсказала ему все подробно о готовящемся торжествѣ; императоръ спокойно выслушалъ сестру и остался доволенъ ея распоряженіями.

Затѣмъ онъ простился съ Паулиною и сдѣлалъ знакъ

Бордони; последній, откланявшись княгинѣ, вышелъ вслѣдъ за императоромъ.

Пройдя въ одну изъ комнатъ Наполеонъ остановился передъ полковникомъ и сказалъ:

— Я полагаю, что вамъ не придется быть на балу, у васъ найдутся другія занятія; сегодня вечеромъ произойдетъ выступленіе войскъ; постарайтесь, любезный полковникъ, устроить всѣ ваши дѣла. Больше пока я ничего не могу вамъ сказать, но даже и это сообщеніе должно остаться между нами.

Императоръ ушелъ, а Бордони поспѣшилъ домой приготовить всѣ нужное къ отъѣзду. У него теперь не оставалось никакого сомнѣнія о намѣреніи Наполеона предпринять что либо важное.

Первою мыслію Бордони была разлука съ его милой Джуліей; какъ онъ былъ доволенъ, что может попрощаться со своею невѣстою. Онъ еще заранѣе условился съ молодою дѣвушкою придти навѣстить ее къ родственникамъ, у которыхъ она остановится по пріѣздѣ въ городъ.

Бордони отправился къ своей невѣстѣ и выбравъ свободную минуту разсказалъ Джуліи обо всемъ; та ужаснулась, но потомъ, вспомнивъ, что ея милый, быть можетъ, ѣдетъ сражаться за Италію, она успокоилась. Однако, молодымъ людямъ нельзя было долго бесѣдовать: Бордони напомнилъ Джуліи о желаніи императора поговорить съ нею у княгини.

Тамъ-же Бордони хотѣлъ окончательно проститься съ Джуліею и съ ея родителями.

Такъ прошелъ день.

Въ Феррайо всѣ приглашенныя на балъ дамы были заняты своими туалетами: онѣ желали удовлетворить свое самолюбіе и понравиться княгинѣ.

Однако, жители города были нѣсколько удивлены, когда около трехъ часовъ по-полудни гвардейскій баталіонъ въ пол-

ной походной формѣ выстроился на Piazza d'Army и Наполеонъ сдѣлалъ ему смотръ. Впрочемъ всѣ успокоились, императоръ и прежде дѣлалъ подобные смотры; удивились же всѣ только потому, что Нополеону вздумалось устроить это передъ баломъ; страннымъ показалось и то, что, по окончаніи смотра, солдаты не разошлись по своимъ квартирамъ, а остались на площади. Затѣмъ еще оказалось, что по повелѣнію Наполеона городскія ворота были заняты гарнизономъ и впускали въ городъ всякаго, но никого оттуда не выпускали.

Въ шестомъ часу забили тревогу и всѣ остальные солдаты и офицеры бросились на площадь. Всѣ спрашивали другъ друга, что это значитъ, но никто ничего не зналъ. Когда взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ море, Наполеонъ вышелъ къ своимъ друзьямъ и сказалъ:

— Пусть войска садятся на суда!

Это приказаніе было передано и на площадь.

— Теперь, друзья, простимся и мы съ близкими, — сказалъ Наполеонъ своимъ генераламъ и направился къ княгинѣ.

Паулина въ это время вела съ Джуліею оживленный разговоръ, но замѣтивъ входящаго брата она встала и отправилась къ нему на встрѣчу. Наполеонъ ласково привѣтствовалъ княгиню и затѣмъ предложилъ Джуліи послѣдовать за нимъ въ сосѣднюю комнату. Войдя туда, Наполеонъ взялъ руку молодой дѣвушки и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Джулія, я уѣзжаю съ острова Эльбы и мнѣ нужно проститься съ вами. Если мнѣ удадутся мои планы, я сдержу данное вамъ слово и постараюсь позаботиться объ объединеніи Италіи. Васъ же благодарю за тѣ счастливые часы, которые я провелъ въ бесѣдѣ съ вами; тогда-то я узналъ всю силу вашей души и всю вашу женственность. Я знаю, вы не любите меня тою любовію, которою бы я желалъ, но

тѣмъ не менѣе я всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать о васъ.

Онъ взялъ ее за руки, привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

— Надѣюсь, Джулія, встрѣтить васъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Вы сохраните память обо мнѣ въ вашемъ сердцѣ. Не такъ-ли? спросилъ Наполеонъ.

— О, конечно, государь. Освободитель Италіи, герой текущаго столѣтія всегда будетъ имѣть мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я буду молиться за васъ, государь, да поможетъ вамъ Господь достигнуть желаемой цѣли, сказала взволнованная Джулія.

— Я отправляюсь во Францію и въ Парижъ, замѣтилъ императоръ, и въ то время, какъ мы говоримъ, мое войско уже садится на корабли.

— Это очень смѣлое предпріятіе, сказала Джулія.

— Только подобною смѣлостью я и могу побѣдить,— отвѣтилъ императоръ.

— И вы побѣдите, государь, за это мнѣ ручается ваше мужество и вашъ геній, но тогда, ваше величество, не забудьте Италіи, сказала молодая дѣвушка дрожащимъ голосомъ.

— Вѣрьте мнѣ и моей любви къ вамъ, Джулія... Заира! Прощайте, сказалъ Наполеонъ и еще разъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Онъ отвелъ молодую дѣвушку обратно въ гостиную, гдѣ императора уже ждала его мать.

— Государь, что случилось? Говорятъ, что войска собраны? спрашивала синьора Летиція въ сильномъ волненіи.

— Да, chère mère, войско отправляется во Францію, отвѣтилъ Наполеонъ твердымъ голосомъ.

— Во Францію? переспросила она съ видомъ сильнаго удивленія.

— Да, chère-mère, и надѣюсь, что ты и княгиня извините меня въ моей скрытности.

— Все, что ты дѣлаешь, мой сынъ, все прекрасно и не требуетъ никакихъ извиненій, сказала разстроганная синьора Летиція. Да благословитъ тебя Господь Богъ!

Она подошла къ нему и обняла его. Императору пришлось поторопиться, такъ какъ ему сказали, что всѣ войска уже сѣли на суда. Явились также Друо, Камброннь, Бертранъ и Бордони проститься съ дамами.

Сцена прощанія была самая трогательная. Наполеонъ стоялъ взволнованный среди своихъ близкихъ генераловъ, а изъ гавани раздавались крики солдатъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Бордони удалось проститься съ Джуліею еще разъ; онъ увелъ молодую дѣвушку въ другую комнату и крѣпко прижалъ ее къ своей груди.

Въ это время вошелъ неожиданно императоръ и ласково взглянувъ на влюбленныхъ сказалъ:

— Вотъ сюрпризъ!

— Моя невѣста, государь,—представилъ Бордони Джулію Наполеону.

— Я отъ души радуюсь этому, сказалъ императоръ, пожимая имъ обоимъ руки,—я очень доволенъ, что мой другъ и товарищъ по оружію пріобрѣлъ любовь уважаемой мною Джуліи. Она не могла выбрать болѣе достойнаго человѣка.

Наступила минута разлуки, мужчины удалились.

Наполеона и его спутниковъ уже ждали у дворца верховыя лошади. Дамы стояли у оконъ и махали платками.

Городскіе жители, какъ только узнали объ отправкѣ солдатъ и объ отъѣздѣ императора, поспѣшили въ гавань. Когда Наполеонъ показался со своими генералами, то вся гавань огласилась криками: «Да здравствуетъ императоръ!»

Было восемь часовъ вечера, когда Наполеонъ сѣлъ въ

одку и отправился къ военному кораблю «Inconstant», который долженъ былъ отвезти его во Францію.

Императора сопровождали Друо, Камброннъ и Бертранъ. На бригѣ находились также и восемьсотъ человѣкъ старой гвардіи.

Три небольшихъ судна приняли на свой бортъ двѣсти корсиканскихъ егерей, сотню польскихъ уланъ и стрѣлковый батальонъ, всего было 1100 человѣкъ воиновъ.

Какъ только императоръ вступилъ на бортъ брига, то сдѣлалъ смотръ солдатамъ: «Гренадеры, воскликнулъ онъ,— мы ѣдемъ во Францію, въ Парижъ!»

Они отвѣтили ему радостнымъ восклицаніемъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Немного спустя небольшая флотилія вышла въ море и при умѣренномъ вѣтрѣ медленно удалилась отъ берега.

XXXII.

Заключеніе.

Намъ остается теперь немного сказать въ заключеніе,

Всѣмъ хорошо извѣстна дальнѣйшая судьба Наполеона, но мы займемся теперь остальными лицами нашего романа. Княгиня послѣ отъѣзда императора отправилась со своею матерью въ Римъ и жила тамъ у этой послѣдней до 1816 года; потомъ Паулина купила себѣ въ этомъ городѣ виллу Чіарру, переселилась туда и жила отдѣльно отъ матери. Она уже болѣе никогда не жила совмѣстно со своимъ супругомъ, но не была формально разведена съ нимъ. Трактатомъ 20-го ноября 1816 г. всѣ Бонапарты были изгнаны изъ Франціи, такъ что княгинѣ пришлось остаться въ Италіи.

Послѣ вторичнаго паденія Наполеона Паулина сильно заболѣла и почти всю остальную жизнь часто хворала. Она

умерла въ 1825 г. 42 лѣтъ отъ роду. Синьора Летиція прожила до 1836 г.; ей было 86 лѣтъ, когда она скончалась.

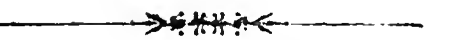
Также относительно сына графини П. можемъ упомянуть, что онъ былъ оффиціальнымъ посломъ Франціи при дворѣ королевы Викторіи и привезъ ей извѣстіе, что Луи-Наполеонъ избранъ императоромъ согласно народной воли.

Бордони получилъ тяжелую рану при Ватерлоо и не могъ уже болѣе служить въ военной службѣ; онъ вернулся на островъ Эльбу, гдѣ и женился на Джуліи. Вскорѣ послѣ свадьбы Бордони вмѣстѣ съ родителями своей жены переселился въ Ливорно и продолжалъ быть однимъ изъ главныхъ дѣятелей партіи патріотовъ.

Грэтъ и Джіунти послѣ неудавшагося покушенія на жизнь Наполеона переселились на островъ Корсику.

Въ подробной біографіи Наполеона сохранилось даже имя Джуліи; она дѣйствительно была его послѣдняя любовь, что вполнѣ доказано дальнѣйшею жизнію императора.

КОНЕЦЪ.

МЕРТВЫЙ ПАЛЕЦЪ.

УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ

КАРЛА ГАНЕМАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская, № 11.
1888.

МЕРТВЫЙ ПАЛЕЦЪ.

УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ

КАРЛА ГАНЕМАНА.

I.

— Ну, кажется, въ этомъ домѣ не очень то любятъ рано вставать! Стою я цѣлыхъ десять минутъ, а никто не выйдетъ отворить; это, право, досадно.

— Вы ошибаетесь, г. Дюбуръ. Минсы очень прилежные люди и вовсе не сони. Они просто не слыхали вашего стука.

— Да, чортъ возьми. Я такъ сильно стучалъ въ дверь молоткомъ, что весь домъ дрожалъ. Вотъ послушайте!

Съ этими словами, говорившій, красивый молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати-трехъ или четырехъ, схватилъ висѣвшій у двери молотокъ и изо всей силы ударилъ имъ три или четыре раза въ дверной косякъ.

— Чортъ что ли въ васъ сидитъ, Дюбуръ?! Вы меня оглушили своимъ стукомъ! воскликнулъ другой мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, затыкая себѣ уши.

Дюбуръ громко засмѣялся.

— Я только хотѣлъ доказать вамъ, что моего стука трудно не слыхать, отвѣчалъ онъ. Да развѣ у васъ такіе слабые нервы, мастеръ Альмарикъ? Тогда я ото всей души жалѣю, что немного пощекоталъ ваши уши! Вы такой здоровенный столяръ, что, кажется, должны быть привычны къ такого рода вещамъ.

— Разумѣется, привыкъ, сердито отвѣчалъ Альмарикъ, задѣтый насмѣшливымъ тономъ своего собесѣдника, но если это шалости, то тогда ко мнѣ лучше не подступайся.

— Ну, ну, сказалъ молодой человѣкъ примирительнымъ тономъ, зачѣмъ принимать сейчасъ-же въ дурную сторону два, три слова, сказанныхъ въ шутку. Я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы дурачиться.

Столяръ пожалъ плечами и сейчасъ же отвѣтилъ:

— Вамъ лучше знать, затѣмъ вы сюда пришли. Мнѣ мало до этого дѣла.

— Разумѣется! Я пришелъ сюда, чтобы переговорить съ г. Монсъ-де-Фонбаррэ объ одномъ важномъ дѣлѣ, и меня удивляетъ, что никто еще не поднялся съ постели, а уже семь часовъ.

— За то вы сегодня, кажется, раненько поднялись, потому что, судя по вашему странному костюму, вы провели ночь въ маскарадѣ.

Говоря это, столяръ насмѣшливо обозрѣвалъ съ головы до ногъ стоявшаго передъ нимъ молодаго человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ на немъ было странное одѣяніе. Онъ точно нарочно выбралъ его, чтобы обратить на себя вниманіе. На немъ былъ черный фракъ, широкіе турецкіе шаровары и турецкій камзолъ; съ праваго плеча небрежно спускался въ многочисленныхъ складкахъ плащъ такой широкій, что въ него можно было закутаться всему человѣку; а кудрявую голову украшала или скорѣе безобразила калабрійская шляпа съ какими то шишками. Лицо было какъ то росли

сано, и въ то же время на лбу виднѣлись остатки пепла, посыпаннаго священникомъ.

— Вы отчасти правы, мастеръ Альмарикъ, возразилъ Дюбуръ. Я былъ на балу въ «Золотой акулѣ», но исполнилъ и долгъ христіанина.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ столяръ.

— Только то, что я былъ и въ церкви, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Въ церкви? переспросилъ недовѣрчиво Альмарикъ. Вы шутите?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я былъ во францисканской церкви.

— И въ этомъ одѣяніи?

— Разумѣется. Почему же бы и не такъ? Развѣ вы не видите, что я надѣвалъ плащъ?

Столяръ неодобрительно покачалъ головою.

— Это кощунство, Дюбуръ, сказалъ онъ серьезно. Вамъ не слѣдовало бы этого дѣлать.

— Ну вотъ! воскликнулъ молодой человѣкъ. Для милосерднаго Бога все равно, въ какомъ платьѣ ни молятся; такъ, помнится, гдѣ то сказано въ священномъ писаніи. Я чувствовалъ себя въ такомъ именно настроеніи, чтобы быть у обѣдни, и не могъ идти еще домой, чтобы переодѣться.

— Но я не понимаю, какъ могъ священникъ посыпать священнымъ пепломъ турка, замѣтилъ Альмарикъ.

— Я же сказалъ вамъ, что я закутался въ плащъ и затѣмъ... аббатъ Сестили видѣлъ во мнѣ только добраго христіанина.

— Замолчите, насмѣшникъ! Хорошъ христіанинъ, который проводитъ ночь на балу, ходитъ въ маскѣ и въ турецкихъ штанахъ! Христіанинъ!

— Ба, что же дѣлать? Когда молодъ—пожить хочется, да къ тому же и масленица. Прошла масленица, наступилъ постъ: мнѣ и это на руку! Я говѣю и каюсь во грѣхахъ также аккуратно, какъ поочередно перебывалъ на всѣхъ

балахъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакой причины упрекать меня въ безбожной жизни.

— Гмъ, вы такъ думаете? Посмотримъ, какія то вѣсти вы принесете на пасхѣ, когда вы будете просить объ отпущеніи грѣховъ. Не думаю, что вѣсти будутъ хорошія.

— О, на этотъ счетъ я совершенно спокоенъ! Мой духовный отецъ не особенно строгъ ко мнѣ, да къ тому же, мастеръ Альмарикъ, онъ самъ поступааетъ немного лучше меня. Въ прошлую ночь онъ былъ на одномъ балу вмѣстѣ со мною...

— Что?! перебилъ съ удивленіемъ молодаго человѣка столяръ, невольно попятившись на одинъ шагъ назадъ. Вы хотите увѣрить, что аббатъ Сестиля, этотъ на самомъ дѣлѣ набожный священникъ, былъ...

— Былъ на балу! – перебилъ смѣясь Дюбуръ.—Да, это вѣрно. Я самъ его видѣлъ и самъ говорилъ съ нимъ. И поэтому ни чуточки и не боюсь аббата! На грѣхи, которые за собою водятся, всегда смотришь сквозь пальцы. Но, чортъ возьми! Я заболтался съ вами и совсѣмъ позабылъ, зачѣмъ я пришелъ сюда. Возьмусь еще разъ за молотокъ; авось кто нибудь да выйдетъ отворить.

За словомъ послѣдовало дѣло, и Дюбуръ съ громомъ ударилъ въ дверь дома, передъ которымъ они оба стояли съ Альмарикомъ.

Но отвѣта не было, и внутри зданія не слышно было ни малѣйшаго шума.

За то изъ нѣсколькихъ оконъ противоположныхъ домовъ высунулись головы сосѣдей, поднятыхъ съ постелей необыкновеннымъ стукомъ въ такой еще ранній утренній часъ и желавшихъ собственными глазами удостовѣриться въ его причинѣ.

— Эй, что тамъ случилось?—крикнулъ въ открытое окно одинъ изъ сосѣдей двумъ нашимъ знакомцамъ.

— Что за содомъ на первой недѣлѣ великаго поста, да

еще ни свѣтъ, ни заря! Это чортъ знаетъ что! Нужно послать за полиціей!—кричалъ другой.

— Я не виноватъ, что тутъ спятъ какъ колоды,—возразилъ съ досадой Дюбуръ.

— Тогда нужно скромно дождаться, пока люди соблаговолятъ отворить вамъ дверь, а не безпокоить другихъ честныхъ людей,—крикнулъ опять первый сосѣдъ и со звономъ захлопнулъ окошко.

— Ну, вотъ, Дюбуръ, что вы надѣлали!—сказалъ Альмарикъ молодому человѣку.—Вы всю улицу подняли на ноги. Ну, какъ можно заводить такой скандалъ!

— Ну, вотъ еще,—возразилъ тотъ сердито.—Долго ли же мнѣ ждать, пока отворятъ. Сами знаете, что я здѣсь стою уже съ полчаса. Не странно ли, что никто не отвѣчаетъ?

— Ваша правда, я и самъ удивляюсь,—согласился столяръ, покачивая головой.

— Можетъ быть Минсы были эту ночь также на балу? Какъ вы думаете?

— Отчего же нѣтъ! Но они—и балы... что-то не вяжется! Сынъ еще туда-сюда, еще можно повѣрить, но отецъ и дочь? Они ужъ навѣрно нѣтъ, они люди набожные. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе солнце взойдетъ на западѣ, вмѣсто востока, чѣмъ мы доживемъ до этого.

— Гм, тогда я совсѣмъ не понимаю! Кстати, не пошли-ли они въ церковь?

— Въ церковь? Нѣтъ. Я живу противъ нихъ, съ разсвѣтомъ принимаюсь за работу и долженъ былъ бы видѣть, когда они вышли изъ дома.

— Странно, очень странно!—бормоталъ про себя Дюбуръ, дѣлая видъ, что онъ о чемъ-то раздумываетъ.

— Знаете, что я думаю, началъ снова Альмарикъ, послѣ минутнаго молчанія.

— А что?—спросилъ Дюбуръ, вопросительно взглянувъ на своего товарища.—Что вы думаете?

— Они должно быть заболѣли; можетъ быть чего-нибудь объѣлись. Бываютъ иногда такіе случаи.

— Заболѣли? И всѣ разомъ? Это невѣроятно!—возразилъ молодой человѣкъ, скорчивъ сомнительную мину.—Нѣтъ, нѣтъ, я этого никакъ не могу вообразить себѣ. Изъ четырехъ кто-нибудь одинъ да отвѣчалъ-бы. Но вотъ мнѣ приходитъ мысль, и это ужъ вѣрно... Они, вѣроятно, отправились вчера въ свою усадьбу.

Столяръ иронически разсмѣялся на эти слова своего собесѣдника.

— Что-же тутъ смѣшнаго?—спросилъ этотъ послѣдній, нѣсколько обидѣвшись.—Развѣ мое предположеніе такъ невѣроятно?

— Ахъ да, пожалуйста, г. Дюбуръ,—возразилъ Альмарикъ продолжая смѣяться.—Зимою въ усадьбу! И въ девятнадцать градусовъ мороза, какъ вчерашнюю ночь. Съ Минсами вы, пожалуй, болѣе знакомы, чѣмъ я, и должны знать, что подобныя предпріятія не въ ихъ привычкахъ.

— Въ этомъ отношеніи вы, пожалуй, и правы. А все-таки я считаю свое предположеніе вѣрнымъ,—отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ Дюбуръ,—и докажу вамъ это. Мнѣ пришелъ въ голову разговоръ г. Минса, какихъ-нибудь дней восемь назадъ, что въ середу великаго поста онъ не останется здѣсь въ Авиньонѣ, а отправится куда-нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть въ Бертулоссу. Какъ вамъ извѣстно, онъ врагъ маскарадовъ и всякихъ уличныхъ торжествъ, но особенно онъ ненавидитъ ряженыхъ. Съ другой стороны, онъ очень любитъ охоту, такъ что, вѣроятно, его выманила изъ дому прекрасная погода.

— Если это такъ, какъ вы говорите—я спорить не стану—тогда они должны были-бы уѣхать, когда вы разъѣзжали по городу въ Аполлоновой колесницѣ,—возразилъ Альмарикъ.—Боже мой! вы опять пустились во всѣ тяжкія, г. Дюбуръ! И откуда вы набрали такую кучу конфектъ, чтобы бросать

ихъ женщинамъ! Правду сказать, вы умѣете весь свѣтъ взбаломутить. Пока васъ не было, городъ былъ точно мертвый, да и опять будетъ такой же.

— Доживете—увидите, что на будущій годъ не то еще будетъ! Не моя вина, если въ «звучащемъ» городѣ, какъ нашъ Петрарка зоветъ Авиньонъ, тихо, какъ въ могилѣ. Могу васъ увѣрить!—воскликнулъ со смѣхомъ молодой человѣкъ.

— Вѣрю, но это не къ вашей чести,—возразилъ столяръ, тономъ серьезнѣе прежняго;—напротивъ, вы только унижаете себя этимъ въ глазахъ тѣхъ, кто къ вамъ дружески расположенъ...

— Въ вашихъ, напримѣръ, мастеръ Альмарикъ!—вставилъ Дюбуръ съ насмѣшливой улыбкой.

— Въ моихъ? Ну, это еще не Богъ знаетъ что, а вотъ въ глазахъ другихъ особъ, мнѣніе которыхъ на счетъ вашихъ глупостей для васъ не можетъ быть ни почемъ. Минсъ преданъ вамъ отъ души и возлагаетъ на васъ большія надежды; онъ часто говорилъ со мною о васъ. И навѣрно имъ было бы очень больно видѣть васъ вчера на вашей колесницѣ. Ради его вамъ слѣдовало бы немножко сдерживаться.

Дюбуръ разразился веселымъ хохотомъ.

— Вы умѣете читать превосходныя проповѣди, мастеръ Альмарикъ,—возразилъ онъ насмѣшливо;—только жаль, что у васъ не каѳедра, а верстакъ. Но, все-таки, онѣ сродни между собою, потому что обѣ сдѣланы изъ брусьевъ и досокъ.

— Это правда,—сухо отвѣчалъ столяръ.—Но знаете, что еще сдѣлано изъ брусьевъ и досокъ?—прибавилъ онъ, пристально глядя на насмѣшника.

— А что?

— Эшафотъ!

Это слово, сказанное спокойнымъ и непринужденнымъ тономъ, произвело на молодаго человѣка особенное дѣйствіе, которое не ускользнуло отъ его собесѣдника.

Дюбуръ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, и по его тѣлу пробѣжала легкая нервная дрожь. Только что бывшее передъ тѣмъ насмѣшливое выраженіе на его лицѣ мгновенно исчезло, въ его чертахъ выразились смущеніе и мучительная тоска, и растерянный, испуганный онъ уставился въ землю.

Но это продолжалось врядъ-ли и секунду, и молодой человѣкъ снова овладѣлъ собою.

— Что съ вами?—не могъ не замѣтить Альмарикъ.— Вы страшно перемѣнились въ лицѣ!

Дюбуръ сдѣлалъ надъ собою большое усиліе, его голосъ еще дрожалъ слегка, но онъ отвѣчалъ возможно непринужденно.

— Да? Вы находите? Да, вы правы.... кровь вдругъ сильно прилила къ сердцу.... точно въ наказаніе за мое высокомѣріе... Это со мною часто бываетъ, когда я распущусь.... этими припадками я страдалъ еще въ дѣтствѣ.... я когда нибудь умру отъ нихъ.

— Слѣдовательно, сердечная болѣзнь?—возразилъ столяръ съ легкой ироніей.—Да, этимъ шутить нельзя; болѣзнь такой же неуловимый кредиторъ, какъ и совѣсть. Ну, надо полагать, что вы отъ этой болѣзни не умрете, по крайней мѣрѣ не такъ-то скоро. Что-же я, однако, за дуракъ!—прибавилъ онъ смѣясь.—Знаете, г. Дюбуръ, какъ я объяснилъ себѣ вашу внезапную блѣдность?

— А какъ? спросилъ молодой человѣкъ, успѣвшій тѣмъ временемъ совершенно справиться со своимъ волненіемъ.

— Я подумалъ, что испугалъ васъ словомъ «эшафотъ!» отвѣчалъ Альмарикъ, снова уставившись въ Дюбура.

Дюбуръ громко расхохотался. Но было замѣтно, что его смѣхъ былъ принужденный, точно также какъ и беззаботный тонъ, который онъ старался принять, возражая Альмарику:

— Ба, мнѣ то что до этого?! Мнѣ нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ пугаться этого. Я до сихъ поръ еще не заслужилъ

наказанія, не заслужу его и впредь. Навѣрно нѣтъ такого человѣка, который бы указалъ на какой нибудь постыдный поступокъ съ моей стороны.

— Гм! насмѣшливо отозвался столяръ.

— Что вы хотите сказать своимъ «гм», Альмарикъ?! воскликнулъ молодой чоловѣкъ, разгорячаясь. Можетъ быть вы намекаете на то, что я воровалъ, обманывалъ или дѣлалъ что нибудь подобное?

— Успокойтесь, молодой человѣкъ, возразилъ спокойно Альмарикъ. Кто же говоритъ объ этомъ? Если нельзя за что похвалить васъ, то только за то, о чемъ мы съ вами за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ говорили...

— Охотно сознаюсь, что я немного легкомысленъ, но за это вѣдь не сажаютъ въ тюрьму.

— Зачѣмъ же! Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что церковь воспрещаетъ всякаго рода удовольствія, которымъ вы предаетесь и которыя ведутъ прямо въ адъ.

— Ну, вотъ еще! воскликнулъ смѣясь Дюбуръ, снова совершенно развеселившійся. Молодымъ бываешь только разъ въ жизни и потому жизнью слѣдуетъ наслаждаться! Для чего же придуманы и посты, если не для того, чтобы послѣ замаливать грѣхи? И такъ, вы видите, мастеръ Альмарикъ, что на всякое зло есть и свое лекарство.

— Гм! Вы думаете, что для мамзель Юліи Минсъ все равно, если она узнаетъ, что на вашей колесницѣ было много и женщинъ и Афродитъ, не похожихъ на Лукрецій? Вы знаете не хуже меня, какъ дѣвственно чиста и невинна мамзель Юлія и какъ она богобоязненна. Вы откровенно сказали мнѣ, что думаете жениться на этой прелестной дѣвушкѣ, поэтому вы должны вести себя осмотрительнѣе по отношенію къ ней и не выходить на сцену съ женщинами двусмысленнаго поведенія.

— Другими словами, ради своей невѣсты я долженъ поступить въ какое нибудь духовное братство?

— Хотя и не поступить въ братство, но по крайней мѣрѣ искать болѣе приличныхъ удовольствій.

— Вы отчасти правы, и я признаюсь, что вы меня окончательно выбили изъ сѣдла своею проповѣдью, сказалъ Дюбуръ такимъ тономъ, въ которомъ нельзя было разобрать, было-ли это сказано серьезно или иронически. Увидимъ, можетъ быть я и обращусь. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что масленица, а съ нею и всѣ удовольствія кончаются. Но, несмотря на морозъ, погода такъ хороша, что нельзя сидѣть за печкой, да набожно ловить сверчковъ. Поэтому я воспользуюсь ею и отправлюсь въ деревню. Минсы навѣрно въ Воклюзѣ. Къ нимъ я и отправлюсь отобѣдать. До свиданія, мастеръ Альмарикъ!

Съ этими словами онъ протянулъ столяру руку, которую тотъ крѣпко пожалъ и скорыми шагами сталъ спускаться по улицѣ.

Альмарикъ долго слѣдилъ глазами за удаляющимся, пока тотъ не скрылся изъ вида.

Затѣмъ взглянувъ еще разъ на тотъ домъ, передъ которымъ онъ стоялъ и ставни котораго все еще были закрыты, онъ возвратился домой.

II.

Авиньонъ, въ настоящее время главный городъ Воклюзскаго департамента, ко времени нашего разсказа еще не вошелъ въ составъ французской монархіи, а былъ папскимъ владѣніемъ. Но въ качествѣ собственности римскаго престола онъ приносилъ ему мало пользы или вѣрнѣе никакой, потому что за всѣ мѣстныя произведенія, ввозившіяся во Францію, взималась непомѣрно высокая пошлина. Такимъ образомъ Авиньонъ столько платилъ во французскую государственную казну, точно онъ принадлежалъ Франціи. Доходовъ, которые получала ку-

рія отъ этого своего владѣнія, хватало ровно на столько, чтобы содержать солдатъ и гражданскихъ чиновниковъ и поддержать въ сколько нибудь надлежащемъ порядкѣ городскія общественныя зданія и улицы. Авиньонъ служилъ нѣкогда резиденціей семи папамъ, а въ настоящее время о прежнемъ его блескѣ осталось лишь печальное воспоминаніе. Кровавыя распри, разгорѣвшіяся между возникшими здѣсь духовными братствами бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ покаянниковъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ глубокій упадокъ благосостоянія города, ставшаго скопищемъ всякаго рода пороковъ. Во всѣхъ слояхъ населенія обнаружилась не имѣвшая предѣловъ нравственная распущенность, доходившая почти до одичанія. И всѣмъ этимъ городъ былъ косвеннымъ образомъ обязанъ римскому двору. Дошло наконецъ до того, что Авиньонъ снискалъ прозвище «Западнаго Вавилона».

Самое худшее, послѣднее отребье со всей Франціи находило здѣсь убѣжище; они составляли здѣсь сборища, чтобы затѣвать какія нибудь гнусныя дѣла или набирать себѣ товарищей.

Хотя съ тѣхъ поръ какъ папскій легатъ Винчентини поселился въ Авиньонѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, до властей не доходило никакихъ свѣдѣній объ убійствѣ или какомъ нибудь иномъ преступленіи, но это нисколько не доказывало, чтобы въ настоящее время въ городѣ было безопаснѣе прежняго. За это время могло быть совершено не мало преступленій, не доходившихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Кромѣ того въ городѣ ходили неопредѣленные слухи о новаго рода злодѣяхъ, получившихъ названіе «усыпителей», потому что, передъ тѣмъ какъ ограбить, они имѣли обыкновеніе усыплять свою жертву какимъ нибудь наркотическимъ средствомъ. Но такъ какъ до сихъ поръ факта совершенія какого нибудь подобнаго преступленія доказать было нельзя, то «усыпители» считались вымысломъ какого нибудь досужаго человѣка, придуманнымъ для того, чтобы пугать боязливыхъ людей. На-

противъ граждане считали себя счастливыми подъ управленіемъ Винчентини, державшаго повидимому бразды правленія потуже своего предшественника.

Какова была религіозность обитателей Авиньона, благосклонный читатель могъ судить по разговору, приведенному въ предыдущей главѣ и происходившему 10 февраля 1768 года, въ первый день великаго поста. Люди, похожіе по характеру на нашего героя, не составляли исключенія. Дѣло дошло до той степени, когда не то что начинается невѣріе, а вообще изсякаетъ вѣра.

Простившись со столяромъ Альмарикомъ и дойдя до конца улицы, онъ направился на набережную, лежавшую у подножія городской стѣны, и перешелъ черезъ жалкій деревянный мостъ, соединяющій берега Роны, на которой расположился Авиньонъ, по дорогѣ къ городку Вилльнёвъ.

Часа черезъ полтора, молодой человѣкъ дошелъ до деревни Воклюзъ, гдѣ находится воспѣтый Петраркою источникъ и гдѣ у Минса былъ хорошенькій домикъ и небольшое имѣніе.

Дюбюру не пришлось заявлять о своемъ приходѣ. Арендаторъ имѣнія, который, вѣроятно, очень хорошо зналъ его, случайно оказался въ примыкавшемъ къ имѣнію саду, увидалъ его и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Съ добрымъ утромъ, г. Дюбюръ! закричалъ онъ издали. Иной разъ и вы жалуете къ намъ?

— Да, собственной персоной, отвѣчалъ тотъ смѣясь и крѣпко пожимая протянутую ему руку.

— Ну, я очень радъ! возразилъ привѣтливо арендаторъ. Какъ поживаете? Хорошо—надѣюсь?

— Благодарю васъ, г. Балэ! Ну а вы какъ? Что подѣлываетъ ваша дорогая семейка?

— Мы, слава Богу, наслаждаемся прекраснымъ здоровьемъ, только иногда меня ревматизмъ мучитъ. Но жена и ре

беночекъ, слава Богу, здоровы. Какъ поживаетъ мой двоюродный братецъ?

— Вашъ братецъ, г. Минсъ? спросилъ Дюбюръ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Ну да, кто же еще... другого двоюроднаго брата у меня нѣтъ; вамъ это должно быть извѣстно—вѣдь вы сватаетесь за мою племянницу.

— За тѣмъ то я и пришелъ къ вамъ, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ г. Минса, сказалъ молодой человѣкъ съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Вы пришли ко мнѣ, въ Воклюзъ... по этому поводу? спросилъ Балэ, удивленный въ свою очередь.

— Ну да, да, возразилъ Дюбюръ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Гдѣ мнѣ его найти? Дома ли онъ?

Арендаторъ смотрѣлъ на молодаго человѣка совершенно озадаченный.

— Мой двоюродный братъ? спросилъ онъ снова.

— Да, да, г. Минсъ.

— Но я никакъ не могу васъ понять, г. Дюбюръ, возразилъ Балэ; затѣмъ, осмотрѣвъ костюмъ посѣтителя, онъ улыбаясь прибавилъ: я вижу, вы только что съ маскарада, и во всякомъ случаѣ все еще находитесь подъ его впечатлѣніемъ; этимъ только и могу объяснить себѣ вашъ странный вопросъ о моемъ братѣ, проживающемъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, въ городѣ.

— Г. Балэ, заговорилъ повидимому раздраженный Дюбюръ, ваше обращеніе становится оскорбительнымъ! Можетъ быть, вы считаете меня за пьянаго потому только, что я освѣдомляюсь о здоровьѣ вашего брата?

— Да я же вамъ говорю, что ничего не могу сказать вамъ на этотъ счетъ! горячился арендаторъ.

— Слѣдовательно онъ не здѣсь?

— Нѣтъ, нѣтъ, я уже сказалъ вамъ, отвѣчалъ Балэ,

принимавшій своего посѣтителя въ самомъ дѣлѣ за человѣка подгулявшаго.

— Такъ это иное дѣло, извините, сказалъ Дюбюръ уже болѣе мягкимъ тономъ. Слѣдовательно, г. Минсъ уже вернулся домой, и я по дорогѣ, должно быть, проглядѣлъ его.

— Вы ошибаетесь, г. Дюбуръ, возразилъ арендаторъ, повидимому только теперь начинавшій понимать, что между нимъ и молодымъ человѣкомъ вышло какое-то недоразумѣніе; братъ сегодня еще не былъ здѣсь.

Дюбюръ попятился въ изумленіи.

— Какъ?! прервалъ онъ арендатора, какъ будто смутившись. Что вы говорите?

— Я не видѣлъ его, пожалуй, мѣсяца три, — добавилъ Балэ.

— Мѣсяца три! повторилъ молодой человѣкъ, и на его лицѣ отразилась сильнѣйшая тревога. Ахъ, Боже мой! Вы меня пугаете, г. Балэ!.. Въ такомъ случаѣ... съ г. Минсомъ случилось какое нибудь несчастіе!

— Какъ такъ? Несчастіе? спросилъ съ удивленіемъ арендаторъ.

— Должно быть, иначе и быть не можетъ! О Боже мой, какъ это меня тревожитъ!

И Дюбюръ заходилъ взадъ и впередъ, отъ холода или отъ внутренняго волненія—мы оставимъ этотъ вопросъ безъ изслѣдованія.

— Но... объясните же мнѣ, въ чемъ дѣло! сказалъ Балэ, начавшій безпокоиться на счетъ своего брата.

— Да, вотъ видите ли, началъ встревоженный молодой человѣкъ, я... сегодня утромъ разъ десять, если не больше, стучался въ дверь къ г. Минсу... мой стукъ возбудилъ даже вниманіе сосѣдей и ихъ неудовольствіе... а между тѣмъ никто изъ семьи вашего брата мнѣ не отвѣчалъ.

— Это-то васъ и безпокоитъ? спросилъ арендаторъ улы-

баясь и видимо успокоенный, потому что ожидалъ услыхать о какомъ нибудь несчастіи.

— Разумѣется! Развѣ это не поразительно?

— Я не нахожу этого. Братъ былъ съ семьей вѣроятно у обѣдни.

— Это объясненіе не совсѣмъ то идетъ, потому что ихъ сосѣдъ, столяръ, не видалъ, чтобы кто нибудь выходилъ изъ дому.

— Ну, такъ значитъ они спятъ и не хотятъ впускать васъ. Кажется, это понятно.

Но повидимому это объясненіе не могло успокоить Дюбура. Онъ мрачно смотрѣлъ передъ собою и бормоталъ, какъ будто про себя:

— Не знаю, что объ этомъ и думать; во мнѣ возникаютъ какія-то странныя предчувствія... иначе и быть не можетъ, съ ними случилось какое нибудь несчастіе... Боже мой, я боюсь...

— Глупости! прервалъ его Балэ, качая головою. И кому придетъ въ голову что нибудь подобное! Вашего стука могли и не слыхать: вѣдь въ домѣ двойныя, чуть-ли не тройныя двери.

— Это невозможно! Нельзя было не слышать, если только... Я такъ стучалъ въ дверь, что и мертвые проснулись бы. Положительно, ничего не понимаю; вернусь въ городъ, нужно же добиться въ чемъ дѣло. Я въ ужасной тревогѣ!

— Чортъ возьми! воскликнулъ арендаторъ улыбаясь. Извините, Дюбуръ, но вы, право, точно малый ребенокъ. Вы безпокоитесь по пустякамъ! Я уже говорилъ вамъ, что братъ, вѣроятно, пошелъ къ обѣднѣ; онъ вышелъ съ дѣтьми заднимъ ходомъ, поэтому Альмарикъ и не могъ его видѣть. Имъ не хотѣлось съ кѣмъ нибудь встрѣтиться и говорить. Во всякомъ случаѣ теперь они давно уже дома, и вы напрасно толь-

ко тревожите себя и другихъ мнимыми несчастіями. Таково мое мнѣніе, а вы думайте себѣ, что хотите.

Молодой человѣкъ вздохнулъ свободнѣе, какъ-то невѣроятно быстро успокоился и почти весело сказалъ:

— Я вижу въ самомъ дѣлѣ, что вы правы, Балэ! Въ волненіи я и не подумалъ, что могло быть и такъ. Вы меня убѣдили и успокоили. Прощайте, г. Балэ!

Съ этими словами, онъ хотѣлъ было разстаться съ арендаторомъ, но этотъ послѣдній знакомъ удержалъ его.

— Куда же вы такъ спѣшите?

— Я уже говорилъ вамъ—въ городъ.

— Неужто вы уйдете, не выпивши со мною и стаканчика?

— Благодарю васъ, совсѣмъ не хочется. Нынѣшнюю ночь я довольно таки попилъ, и подъ конецъ сдѣлался немножко на-веселѣ...

— Воображаю. Гдѣ же вы побывали?

— Да вездѣ почти. Былъ на трехъ балахъ.

— На трехъ балахъ?! Ахъ ты, сдѣлай одолженіе! Вотъ что называется жить! воскликнулъ ухмыляясь арендаторъ, всплеснувъ руками.

— Да, на трехъ балахъ. Сначала въ «Синей Ящерицѣ», потомъ въ «Красной Звѣздѣ» и наконецъ въ «Золотой Акулѣ». О, могу васъ увѣрить, мы чудесно позабавились!

— Вѣрю, вѣрю! Въ ваши годы, да холостому только и забавляться; а потомъ ужъ конецъ! Станешь серьезнѣе, придутъ заботы...

И Балэ глубоко вздохнулъ.

— И моей холостой жизни скоро конецъ, и его-то я хочу провести какъ слѣдуетъ. Сегодня въ заключеніе станемъ хоронить масляницу.

— Что же, не худо! Вы всегда изъ первыхъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы повеселиться. Я увѣренъ, что на балу васъ скорѣе найдешь, чѣмъ въ церкви.

Дюбуръ засмѣялся.

— Кому что, сказалъ онъ, и все въ свое время! Я сегодня подурачусь для того, чтобы завтра быть совсѣмъ умнымъ. Ну, а вы какъ, г. Балэ? Не чувствуете ни малѣйшаго желанія присутствовать при похоронахъ? Могу вамъ напередъ сказать, что они выйдутъ великолѣпны, и вы, навѣрно, отлично позабавитесь.

— Не знаю, будетъ ли у меня время побывать въ городѣ, отвѣчалъ со вздохомъ Балэ. Постараюсь.

Оба собесѣдника пожали другъ другу руки и разстались.

Арендаторъ вернулся домой, а Дюбуръ спокойно отправился обратно въ городъ.

Перейдя мостъ длиною въ четверть версты, этотъ послѣдній пошелъ по другой, не по прежней дорогѣ, которая на этотъ разъ вела мимо прежняго папскаго дворца.

Горделивое, великолѣпное зданіе, въ которомъ цѣлыя столѣтія передъ тѣмъ пребывали высокіе князья церкви (это время въ насмѣшку названо «Вавилонскимъ плѣненіемъ папъ»), въ настоящее время превращенное въ казармы, стоитъ близъ Роны на высокомъ известковомъ утесѣ, а рядомъ съ нимъ кафедральный соборъ съ мавзолеемъ Іоанна XXII и простымъ, сравнительно бѣднымъ памятникомъ прямодушнаго Венедикта XII. На самомъ концѣ выступа утеса былъ разбитъ садъ, въ миніатюрѣ, съ дерновыми скамейками и бесѣдками, въ которомъ въ лѣтнее время обыкновенно отдыхалъ папскій легатъ. Густая изгородь изъ козьяго листа (caprifolium) и боярышника защищала его отъ любопытныхъ взглядовъ. Въ настоящую пору и кусты, и деревья стояли безъ листьевъ, покрытые снѣгомъ, и сквозь вѣтви свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ.

Въ тотъ моментъ, когда Дюбуръ проходилъ мимо дворца, наружная дверь его отворилась и на улицу вышелъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ.

При видѣ этого человѣка нашъ герой внезапно перемѣнился въ лицѣ и точно приросъ къ землѣ, пораженный какъ громомъ.

— Боже мой, пробормоталъ онъ. Онъ самый! Неужели мертвые воскресаютъ?

Незнакомецъ взглянувъ вскользь на Дюбура, однако, повидимому, не призналъ въ немъ знакомаго человѣка, потому, что не оглянувшись на него ни разу, онъ пошелъ скорыми шагами по улицѣ и вскорѣ очутился уже на концѣ ея, тогда какъ Дюбуръ, все еще не трогался со своего мѣста.

— Если это дѣйствительно онъ, то я пропалъ, продолжалъ Дюбуръ свой монологъ; тогда ничего не остается больше дѣлать, какъ только возможно скорѣе убраться изъ города. Но тогдана меня падетъ подозрѣніе, что я... Тише! перебилъ онъ самъ себя, боязливо озираясь, точно опасаясь, чтобы кто-нибудь его не подслушалъ. Еще ничего не потеряно; посмотримъ, куда онъ идетъ, и горе ему, если я встрѣчу его въ другой разъ.

Дюбуръ говорилъ это идя по улицѣ, чуть не бѣгомъ, и повалилъ какую-то помѣшавшую ему старуху, ругавшую его вдогонку.

Однако ему не удалось догнать незнакомца. Правда, этотъ послѣдній показался еще разъ, но на одну секунду и затѣмъ исчезъ за угломъ. И всѣ старанія Дюбура разглядѣть незнакомца, среди толпы, наполнявшей улицы, такъ какъ былъ полдень, остались тщетны.

— Проклятый случай, говорилъ онъ самъ съ собою. Я думалъ, что негодяй давно сгнилъ, а онъ опять попался на моей дорогѣ! Во всякомъ случаѣ онъ меня не узналъ, иначе его поразило бы мое появленіе. Хоть это отчасти утѣшаетъ меня за испугъ, испытанный мною отъ неожиданной встрѣчи... Зачѣмъ ему быть у легата? Чортъ его знаетъ! Развѣ попытаться возвратить свое имущество и розыскать того,

кто сдѣлалъ у него самовольный заемъ! Ха, ха, ха! Ну пусть подождетъ немножко!

Молодой человѣкъ громко засмѣялся.

Во время своего монолога онъ дошелъ до своей улицы и былъ уже недалеко отъ своего дома, когда вдругъ остановился и, приложивъ палецъ ко лбу, воскликнулъ:

— Право, хорошая мысль! Я сначала удостовѣрюсь, не обмануло ли меня случайное сходство, а это я разузнаю, гдѣ нужно, вѣрнѣйшимъ образомъ. Итакъ—туда!

Онъ тотчасъ же вернулся по прежней дорогѣ и вскорѣ очутился передъ папскимъ дворцомъ.

Здѣсь онъ попросилъ часового провести его къ камердинеру легата, которому долженъ передать извѣстіе. Его просьба была исполнена.

— Почтеннѣйшій, обратился молодой человѣкъ къ слугѣ, кладя ему въ руку золотую монету, дѣло объ закладѣ, который вы можете помочь мнѣ выиграть, сказавши слова два.

— Это смотря по дѣлу,—возразилъ камердинеръ, задобренный полученнымъ вознагражденіемъ.—Если то, что вы желаете отъ меня узнать, не будетъ противъ моихъ обязанностей, то...

— Не думаю, перебилъ его улыбаясь Дюбуръ, повертывая въ рукахъ другую золотую монету. Я желалъ бы только знать имена тѣхъ особъ, которыя сегодня имѣли честь представляться его преосвященству.

— Только-то? спросилъ съ удивленіемъ камердинеръ.

— Только! Ну что же, можно узнать?

— Но для чего же собственно вамъ нужно знать?

— Я же говорилъ вамъ, любезный, что дѣло идетъ о закладѣ, который мнѣ хочется выиграть.

Камердинеръ колебался, бросая жадные взгляды на золотую монету, все еще вертѣвшуюся въ рукахъ посѣтителя.

— Ну такъ какъ же? спросилъ послѣдній нѣсколько нетерпѣливо.

— Гм, это собственно служебная тайна. Если...

— Ну вотъ еще! Стоитъ ли затрудняться изъ-за какихъ нибудь двухъ словъ, настаивалъ Дюбуръ, исполненный ожиданія.

И вмѣстѣ съ тѣмъ золотая монета проскользнула въ другія руки.

Это такъ подѣйствовало, что у камердинера вдругъ развязался языкъ и всякія сомнѣнія исчезли.

— Хорошо... только для васъ, сказалъ онъ, хотя молодой человѣкъ былъ совершенно незнакомъ ему. Кромѣ того я надѣюсь, что вы не станете говорить, отъ кого вы получили свѣдѣнія...

— Клянусь вамъ, перебилъ его нетерпѣливо Дюбуръ. Только пожалуйста поскорѣе!

— Такъ, сначала его преосвященство, господинъ архіепископъ; потомъ господинъ аббатъ Сестили; а четверть часа тому назадъ одинъ неизвѣстный мнѣ господинъ...

— Какъ его звать, какъ его фамилія! торопилъ Дюбуръ почти тревожнымъ голосомъ.

— Погодите, пожалуйста, минутку... дайте сначала припомнить... какая то странная фамилія... вспомнилъ—Вьендеморъ *).

Дюбуръ боялся вздохнуть, его сердце билось такъ сильно, что онъ почти слышалъ его біеніе, и его возбужденное состояніе, доведенное до крайности медленностью камердинера, исчезло какъ по мановенію волшебнаго жезла, и отъ радости, что онъ услышалъ не то имя, котораго онъ такъ страшился, онъ довольно громко воскликнулъ:

— Слава Богу! Это... не онъ!

---

*) Viens de mort — буквально: спасшійся отъ смерти, ожившій, воскресшій.

Камердинеръ глядѣлъ на него изумленно, испуганно; въ эту минуту онъ въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что онъ сдѣлалъ что-то очень нехорошее.

Молодой человѣкъ, замѣтивъ свою ошибку и догадавшись о происходившей въ душѣ камердинера тревогѣ, прибавилъ улыбаясь:

— Не бойтесь за себя, мой другъ! Мои слова относились только къ закладу, который я теперь выигралъ. Примите мою искреннюю благодарность и... эту бездѣлицу. Прощайте!

Попавшая въ руки камердинера третья золотая монета до того, обрадовала его, что онъ не могъ не крикнуть вслѣдъ быстро удалявшемуся Дюбуру:

— Благодарю васъ! Если вамъ понадобится еще узнать что нибудь, то я къ вашимъ услугамъ!

Но Дюбуръ ничего уже не слыхалъ. Онъ выбѣжалъ изъ папскаго дворца, раскраснѣвшись отъ радости и съ облегченнымъ сердцемъ, и очутился на улицѣ, даже хорошенько, не сознавая этого.

— Благодареніе дьяволу!.. Это не онъ!.. Меня обмануло сходство! Опасность счастливо миновала, и я спасенъ!

Произнося эти отрывочныя фразы, онъ сильно спѣшилъ къ своему далекому жилищу.

III.

Пока нашъ герой ходилъ въ имѣніе Микса узнавать, куда дѣлась семья его будущаго тестя, Альмарикъ, какъ мы видѣли, вернулся домой. Скажемъ нѣсколько словъ о немъ и о его семьѣ.

Честный столяръ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые дѣйствительно и глубоко были проникнуты чувствомъ страха Божія и у которыхъ поговорка «трудись и молись» не вертѣлась только на языкѣ, а во всякое

время примѣнялась и къ дѣлу. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ «набожный», какъ можно было бы судить по увѣщаніямъ, съ которыми онъ обращался къ Дюбуру. Совсѣмъ нѣтъ! Альмарикъ терпѣть не могъ на каждомъ шагу призывать имя Божіе, направо и налѣво сыпать назидательными изреченіями изъ Священнаго Писанія, и изъ-за наружной набожности бросать работу, какъ это обыкновенно дѣлаютъ ханжи. Его Богъ жилъ въ его сердцѣ, онъ молился ему втайнѣ и выражалъ свою набожность честною, безупречною жизнью. Столяръ посѣщалъ церковь только когда позволяло время, не занятое работой. Но тогда, какова бы ни была погода, она не могла мѣшать ему преклонять колѣна у священнаго алтаря и молиться отъ всего сердца.

Жена Альмарика была такого-же нрава и такого-же образа мыслей, была единодушна съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но, по женской природѣ, она въ то-же время строго держалась внѣшнихъ формъ, обрядовъ, которыхъ Альмарикъ, по ея мнѣнію, не исполнялъ достаточно аккуратно и пунктуально. Впрочемъ, она была образцовою женою и отличной хозяйкой, прекрасно умѣвшей распорядиться своимъ добромъ. Несмотря на скудныя средства, какія могъ удѣлять ей на хозяйство мужъ, всегда очень тужившій объ этомъ, г-жа Альмарикъ всегда умѣла уберечь хоть бездѣлицу—денежку на черный день, какъ она говорила,—но не въ ущербъ семьѣ. Въ ея хлопотахъ и заботахъ ей усердно помогала, ея единственное дитя, Августа, и много облегчала тяжелыя и въ то же время пріятныя обязанности хозяйки дома.

Въ настоящую пору молодой дѣвушкѣ было 18 лѣтъ, и она была вылитая мать. Отъ отца она унаслѣдовала твердый и рѣшительный характеръ, не упрямство и своенравіе, а ту неподатливость и стойкость, которыя благороднаго человѣка побуждаютъ оставаться при разъ навсегда принятомъ рѣшеніи, когда дѣло идетъ о добромъ дѣлѣ, или о достиженіи хорошей цѣли. Кромѣ того, дочь Альмарика обладала и мно-

гими внѣшними достоинствами, сильно подкупавшими въ ея пользу. Ее нельзя было назвать красивой, но она была очень хорошенькая дѣвушка, умѣвшая всѣмъ существомъ своимъ, своимъ обхожденіемъ снискать и внушить къ себѣ уваженіе и сердечное расположеніе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ она приходила въ соприкосновеніе. Она была со всѣми дружелюбна, услужлива и готова помочь даже и тѣмъ, кто относился къ ней совершенно равнодушно или даже выказывалъ неблагодарность. Она была безъ претензій, безкорыстна и не злопамятна.

Былъ, однако, человѣкъ, къ которому молодая дѣвушка питала отвращеніе, доходившее почти до омерзѣнія, хотя ему никогда не приходилось становиться къ ней въ сколько нибудь близкія отношенія, который никогда не оскорблялъ ее ни взглядомъ, ни движеніемъ. Это какое-то особенное нерасположеніе можно назвать инстинктивнымъ. Сама Августа была не въ состояніи ни объяснить себѣ этого, ни подыскать какое-нибудь основаніе для этого чувства. Человѣкъ, даже и не подозрѣвавшій этого, не пользовавшійся уваженіемъ со стороны дочери Альмарика, да если-бы и зналъ это, то мало объ этомъ заботившійся, былъ никто иной, какъ молодой Дюбуръ. Дѣвушка рѣдко видѣла его, и то только тогда, когда онъ бывалъ у Минса, дочь котораго, Юлія, была закадычнымъ другомъ Августы. Чтобы только не встрѣчаться съ ненавистнымъ ей человѣкомъ, она уходила какъ можно скорѣе домой, отговариваясь то какимъ-нибудь неотложнымъ дѣломъ, то внезапнымъ недомоганіемъ.

Такое бросающееся въ глаза поведеніе дочери не ускользнуло отъ Альмарика. Онъ часто бранилъ ее за это, но безъ успѣха. Августа спокойно выслушивала отъ отца его выговоръ и отвѣчала, что она не въ состояніи побѣдить своего отвращенія. Мало того—она предостерегала и подругу отъ этого легкомысленнаго юноши. Юлія увѣрила ее, что она съ нею совершенно согласна и никогда не отдастъ своей руки Дю-

буру. И когда, несмотря на то, этотъ послѣдній и питалъ какія нибудь надежды сдѣлаться зятемъ Минса, если и Альмарикъ также считалъ это за дѣло рѣшенное, то его дочери это было лучше извѣстно, но она никому не высказывала своего мнѣнія. Зачѣмъ и говорить ей объ этомъ отцу? Минсъ и самъ можетъ сказать ему.

Мы разсказали о житьѣ-бытьѣ столяра, ни разу не упомянувши о человѣкѣ, который уже мѣсяца четыре гостилъ у Альмарика, но о присутствіи котораго никто и не подозрѣвалъ, кромѣ, разумѣется, его хозяевъ. Что это былъ за человѣкъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ стоялъ къ своему хозяину, и отчего этотъ послѣдній и его семья хранили о его существованіи глубочайшее молчаніе, читатель увидитъ изъ послѣдующаго.

Нашъ столяръ считался однимъ изъ самыхъ лучшихъ и добросовѣстныхъ работниковъ своего дѣла. Онъ занимался своимъ ремесломъ самостоятельно, но не держалъ ни подмастерьевъ, ни учениковъ. Въ то время въ папскомъ городѣ работа шла изъ рукъ вонъ плохо,и мастера побѣднѣе вынуждены были идти въ подмастерья къ болѣе богатымъ. Заработокъ Альмарика едва-едва хваталъ на самое необходимое для его семьи; о какомъ-нибудь сбереженіи нечего было и думать. И чтобы заработать это крайне необходимое, онъ долженъ былъ работать отъ ранняго утра и до поздней ночи. Сегодня съ разсвѣтомъ онъ былъ уже на ногахъ, и только сумасшедшій стукъ Дюбура въ двери его пріятеля Минса заставилъ его на нѣсколько минутъ оставить верстакъ и отправиться поболтать съ молодымъ человѣкомъ.

Его мастерская выходила на улицу и приходилась прямо противъ дома Минса. Слѣдовательно онъ легко могъ видѣть, кто туда входилъ и выходилъ.

Разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, а особенно то обстоятельство, что, несмотря на громкій стукъ послѣдняго, его все-таки не пускали, наконецъ и то, что въ домѣ его прія-

теля, встававшаго не позже его, никто и не думалъ шевелиться, заставилъ Альмарика призадуматься. Царствовавшая тамъ тишина производила на него тревожное, мучительное впечатлѣніе. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мрачной мысли, не случилась-ли съ его пріятелемъ какая-нибудь бѣда, и не могъ уже работать съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Просто удивительно,—говорилъ онъ самъ себѣ, бросивъ пытливый взглядъ на стоявшій напротивъ домъ и снова принявшись за струганье,—никого не видать и не слыхать, точно въ домѣ всѣ вымерли. Нельзя думать, чтобы Минсы отправились въ имѣніе; тогда бы они оставили дома дѣвушку. Да, кромѣ того, я бы видѣлъ, какъ они отправились. Гм, странно! Да и въ первую середу великаго поста! По малой мѣрѣ странная идея, на которую, по моему, Минсъ не способенъ! Еще на отца я не такъ удивляюсь, но сынъ... дочь... уѣхать изъ города зимой... не понимаю!

Онъ пересталъ стругать и снова сталъ глядѣть на улицу.

Кто-то постучался въ дверь и отвлекъ его вниманіе.

Не дожидаясь позволенія, въ комнату вошла молодая дѣвушка.

— Съ добрымъ утромъ, милый батюшка!—весело воскликнула она, протягивая отцу руку.

Альмарикъ отвѣчалъ на привѣтствіе, но не поцѣловалъ дочь въ лобъ, какъ обыкновенно дѣлалъ каждое утро.

Нѣсколько озадаченная тѣмъ, что она не встрѣтила обычной ласки и полагая, что невзначай въ чемъ нибудь провинилась, почему отецъ и не поцѣловалъ ее, Августа спросила опечаленнымъ голосомъ:

— Не обидѣла ли я тебя, папа? Ты на меня сердишься?

— Какъ такъ, дитя? удивился Альмарикъ. Что это тебѣ пришло на умъ спрашивать?

— Я... я не знаю, отвѣчала нерѣшительно молодая дѣвушка. Ты что-то сегодня такой серьезный. Не огорчила ли я тебя чѣмъ нибудь, тогда прости мнѣ, пожалуйста!

— Ничуть не бывало, милое дитя, отвѣчалъ тронутый отецъ, привлекая къ себѣ дочь. Я, право, не знаю, въ чемъ тебя прощать. Вѣдь ты у меня всегда милая и послушная дѣвушка. Тебя удивляетъ, отчего я сегодня серьезнѣе обыкновеннаго? Изволь, я скажу тебѣ. Я не могу избавиться отъ мысли, что у нашихъ друзей черезъ улицу случилось какое нибудь несчастіе. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ...

— У Минсовъ? Несчастіе? перебила его встревоженная дочь. Но почему же ты такъ думаешь?

— Не знаю; по крайней мѣрѣ, для своего предположенія я не могу пока найти никакой другой причины, какъ ту, что у нашихъ сосѣдей, какъ ты и сама видишь, всѣ окна заперты. Молодаго Дюбура, за полчаса передъ этимъ стучавшагося въ дверь самымъ отчаяннымъ образомъ, не впустили. Развѣ ты не слыхала грохотъ?

— Какъ не слыхать! Я помогала матушкѣ одѣваться. Такъ вотъ кто разбудилъ всѣхъ, этотъ отврати....

— И полно, дитя! остановилъ укоризненнымъ тономъ свою дочь Альмарикъ, зачѣмъ же такъ дурно отзываться о ближнемъ! Что тебѣ сдѣлалъ молодой человѣкъ, что ты всегда, какъ только зайдетъ рѣчь о немъ, относишься къ нему такъ не по христіански? Сколько разъ я уже выговаривалъ тебѣ и за это, и, вообще, за твое непонятное нерасположеніе къ нему.

Дѣвушка вспыхнула и потупилась.

— Ты можетъ быть и за дѣло меня бранишь, милый батюшка, возразила она какъ будто стыдясь и въ полголоса, но я то никакъ не могу быть иначе. Я не въ сплахъ, мнѣ какъ то противно обходиться съ г. Дюбуромъ такъ, какъ съ прочими нашими знакомыми. Повѣрь мнѣ, я и сама бранила себя за это, но, несмотря ни на что, никакъ не могу справиться съ собою и побѣдить свое нерасположеніе къ нему.

Альмарикъ слушалъ ее и качалъ головою. Помолчавши, онъ снова началъ:

— Это, право, странно! Я, пожалуй, согласенъ, что не всякій человѣкъ производитъ на насъ хорошее впечатлѣніе; но для меня совсѣмъ непонятно, какъ это просто ненавидѣть человѣка, не сдѣлавшаго никакого зла ни намъ, ни кому другому. Дюбуру я вовсе не другъ, и не одобряю его недостатковъ; но въ этомъ случаѣ я стою за него, и могу сказать только то, что ты къ нему совершенно несправедлива.

Августа пожала плечами. Лицо ея ясно говорило, что доводы отца ее нисколько не убѣдили.

— Все это можетъ быть, любезный батюшка, возразила она, но я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли, что Дюбуръ сдѣлалъ не одно дурное дѣло. Мое нерасположеніе къ нему не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Особенно съ того самого дня, когда къ намъ пришелъ г. Вьендеморъ: съ тѣхъ поръ я Дюбура просто терпѣть не могу.

Несмотря на все свое безпокойство на счетъ сосѣда, столяръ не могъ удержаться отъ насмѣшливой улыбки.

— Ну, теперь я увѣренъ, что тебѣ начинаетъ представляться, дитя, сказалъ онъ. Какъ же это нашъ гость вяжется съ Дюбуромъ? Молодые люди ни разу не видали другъ друга, и слѣдовательно совсѣмъ не знаютъ одинъ другого.

— Какъ знать! возразила молодая дѣвушка задумчиво. Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что они не совсѣмъ незнакомы.

— Я могу тебѣ на это сказать, что нашъ гость, когда при немъ назвали Дюбура, не показалъ ни однимъ движеніемъ, что онъ его знаетъ; но не стану спорить о томъ, до чего намъ съ тобою нѣтъ никакого дѣла. Я заговорился и позабылъ о томъ, что меня сильно безпокоитъ. Такъ, возвращаясь къ тому-же, я спрашиваю тебя, не странно-ли, что нашихъ сосѣдей до сихъ поръ не видать?

— Ты говоришь о Минсахъ?

— Ну да! о комъ же еще? Другіе всѣ давно на работѣ.

— Они вѣрно уѣхали.

— Уѣхали? Ты тоже такъ думаешь?

— Навѣрно; отчего бы и не такъ? Вчера еще Минсы говорили, что они хотятъ скоро сдѣлать маленькое путешествіе. Ночью они вѣроятно и уѣхали.

— Гм, это конечно можетъ статься. Но мнѣ все таки странно, что они не оставили дома хоть служанку.

— Они вѣрно такъ и сдѣлали. Но она навѣрно еще спала, когда Дюбуръ стучался рано утромъ, или не хотѣла ему отворять, потому что нельзя сказать, чтобы она его долюбливала. Ты видишь, батюшка, прибавила улыбаясь дѣвушка, не я одна терпѣть не могу Дюбура.

Это послѣднее замѣчаніе своей дочери Альмарикъ пропустилъ мимо ушей. Но ея объясненіе видимо его успокоило, потому что онъ свободнѣе вздохнулъ и не задолго передъ тѣмъ озабоченное лицо его прояснилось.

— Ты права, должно быть такъ оно и есть, возразилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Какое нибудь важное или семейное дѣло заставило Минсовъ ѣхать немедля, и мое опасеніе насчетъ какого нибудь несчастья съ ними неосновательно. Но, чтобы совершенно меня успокоить, сходи-ка, постучись у нихъ еще какъ нибудь сегодня.

— Если хочешь, я хоть сейчасъ, отвѣчала Августа.

— Ну нѣтъ! Изъ-за этого нечего оставлять работу. Еще успѣется до вечеренъ. А теперь, дитя, иди-ка, помоги пока матери.

Съ этими словами столяръ снова взялъ рубанокъ и принялся за остановившуюся работу.

Дочь однако не дала ему работать, говоря:

— Прежде, папа, пойдемъ завтракать, супъ ѣсть. Мама вѣрно уже ждетъ насъ.

— А гость всталъ?

— Еще бы! Вѣдь уже девять часовъ, а ты знаешь, что ему сегодня нужно сдѣлать одно важное дѣло.

— Истинно такъ, твоя правда! У меня совсѣмъ изъ головы вонъ. Ну, такъ пойдемъ поскорѣе!

Альмарикъ отложилъ инструментъ въ сторону и, оставивъ мастерскую, направился съ дѣвушкой въ заднюю комнату.

IV.

Въ ту минуту, какъ Альмарикъ подходилъ къ этой комнатѣ, дверь изъ нея отворилась и на встрѣчу имъ вышла его жена.

Это была женщина пріятной наружности и съ рѣзкими чертами лица, говорившими о ея добродушіи и дружелюбіи, внушавшими и расположеніе, и довѣріе. Она такъ хорошо сохранилась, что трудно было опредѣлить ея возрастъ. Ей было, должно быть, лѣтъ около сорока восьми, немного развѣ меньше чѣмъ мужу. Сходство между нею и молодою дѣвушкою до того бросалось въ глаза, что съ перваго взгляда нетрудно было сказать, что это ея дочь.

— А я только что хотѣла идти за вами; завтракъ, какъ видите, уже на столѣ, ласково говорила хозяйка шедшимъ къ ней на встрѣчу мужу и дочери.

— Ну, старуха, отвѣчалъ мужъ смѣясь, мы, кажется, не опоздали, потому что еще и гостя нѣтъ.

— Г. Вьендеморъ сейчасъ придетъ, возразила хозяйка Альмарику. Я уже говорила ему, что...

Стукъ въ двери не далъ ей договорить.

— Войдите! весело крикнулъ столяръ.

Дверь отворилась и черезъ порогъ переступилъ блѣдный молодой человѣкъ, пожелавшій всѣмъ «добраго утра».

На видъ ему было лѣтъ 28 или 29. Онъ былъ стройнаго роста, хорошаго сложенія, но держался слегка согнувшись

не совсѣмъ твердо, какъ человѣкъ только что перенесшій долгую, тяжелую болѣзнь и еще неоправившійся отъ ея послѣдствій. Это видно было и по его нѣсколько мутному взгляду, синеватому цвѣту лица и по темнымъ кругамъ подъ глазами, что придавало всей внѣшности вошедшаго какой-то меланхолическій отпечатокъ.

Судя по одеждѣ, молодой человѣкъ принадлежалъ къ состоятельному сословію. Его платье было чрезвычайно чисто, щеголевато и сшито по самой послѣдней модѣ. На головѣ была легкая бархатная шапочка, до которой, здороваясь съ семьей столяра, онъ лишь слегка дотронулся рукою, не снимая ее, какъ того требовала вѣжливость.

Мать и дочь отвѣчали на его привѣтствіе, при чемъ эта послѣдняя слегка покраснѣла, а столяръ крѣпко пожалъ вошедшему руку и сказалъ:

— Какъ вы себя чувствуете, любезный Вьендеморъ? Надѣюсь гораздо лучше, чѣмъ за эти дни.

Молодой человѣкъ слабо улыбнулся.

— Не совсѣмъ-то, устало отвѣчалъ онъ, и, указывая на голову, прибавилъ: иногда у меня тамъ точно головня торчитъ, до того тамъ жжетъ и палитъ.

Обѣ женщины съ большимъ участіемъ смотрѣли на говорившаго.

— Гм, возразилъ Альмарикъ озабоченнымъ голосомъ, отъ души жаль мнѣ васъ! Искренно желалъ бы помочь вамъ, только не знаю чѣмъ и какъ. Странно, — ужасная рана зажила уже съ мѣсяцъ, а между тѣмъ все еще болитъ. Я бы совѣтовалъ вамъ поговорить объ этомъ съ врачемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ молодой человѣкъ, качая головою, это будетъ совершенно излишне. Вы знаете, врачи любопытны и... часто болтливы. Нѣтъ, я уже лучше перетерплю эту боль... по крайней мѣрѣ, пока мнѣ удастся разыскать негодяя, который привелъ меня въ такое состояніе.

Говоря это, онъ усѣлся рядомъ со столяромъ и сталъ прихлебывать налитый ему хозяйкою дымящійся супъ.

— Ну, такъ желаю вамъ, чтобы это время пришло какъ можно скорѣе и чтобы сегодняшній выходъ вашъ увѣнчался желаннымъ успѣхомъ, сказалъ отъ души Альмарикъ. Повторяю вамъ тоже, что и вчера: если вы пожелаете, я готовъ проводить васъ. Сегодня на дворѣ довольно холодно, а вы еще довольно слабы...

— Благодарю васъ, г. Альмарикъ, перебилъ его оживившись нѣсколько Вьендеморъ. Я, напротивъ, совершенно другаго мнѣнія. Свѣжій, холодный воздухъ укрѣпитъ меня и мои члены. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ одному совершить это путешествіе; такъ будетъ лучше. Я сейчасъ же и отправлюсь, чтобы къ полдню вернуться домой.

Съ этими словами онъ поднялся и протянулъ руку также вставшему со своего мѣста хозяину.

— Ну, какъ угодно, сказалъ Альмарикъ, пожимая руку молодого человѣка. Желаю, вамъ вернуться къ намъ крѣпче, чѣмъ уходите.

Вьендеморъ дружески распростился со своими гостепріимными хозяевами и отправился въ свою комнату. Черезъ четверть часа, онъ вышелъ изъ домика, черезъ заднюю дверь на улицу. Онъ шелъ не спѣша, и, дойдя до городской стѣны, повернулъ на дорогу, ведущую къ папскому дворцу.

Ожиданія молодаго человѣка, что его ослабѣвшіе отъ долгой болѣзни члены укрѣпятся отъ прогулки на свѣжемъ воздухѣ, оправдались. Холодный воздухъ освѣжилъ его горячую голову и придалъ нѣкоторую окраску его блѣднымъ щекамъ. Грудь его сильно подымалась и опускалась, и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя струи вѣтра, согрѣтаго зимнимъ солнцемъ. Его вначалѣ невѣрная и шаткая походка съ каждымъ шагомъ становилась вѣрнѣе и тверже. И когда, черезъ три четверти часа, онъ достигъ цѣли своего

путешествія, то почти былъ недоволенъ, что пришлось такъ мало пройтись.

Послѣ легкаго обыска, на случай если бы у него оказалось спрятанное оружіе—этой мѣрѣ подвергался всякій посѣтель, желавшій говорить съ намѣстникомъ папы съ глазу на глазъ,—Вьендемора провели къ папскому легату.

Монсиньоръ Марино Винчентини находился одинъ въ своемъ устроенномъ со всѣмъ комфортомъ тогдашняго времени покоѣ и лежалъ растянувшись въ небрежно-покойной позѣ на кушеткѣ. Это былъ красивый мущина лѣтъ 40—45, почти съ женственными чертами лица, по которымъ далеко нельзя было отгадать его настоящій характеръ, представлявшій смѣсь строгости и доброты, непреклонности и уступчивости. По его наружному виду нельзя было и подумать, чтобы онъ проявлялъ во всѣхъ своихъ мѣрахъ большую рѣшительность и съ настойчивою послѣдовательностью проводилъ разъ принятое рѣшеніе. Онъ былъ очень снисходителенъ, крайне мягко относился къ незначительнымъ проступкамъ, ограничиваясь лишь серьезнымъ увѣщаніемъ, но все то, что оказывалось преступленіемъ, онъ наказывалъ съ неумолимою строгостью, почти граничившею съ жестокостью, и смягчалъ наказаніе лишь въ томъ случаѣ, если преступникъ выказывалъ чистосердечное раскаяніе. Однимъ словомъ, Винчентини былъ такимъ человѣкомъ, лучше котораго благомыслящимъ гражданамъ города Авиньона и желать было нечего.

Когда молодой человѣкъ вошелъ въ покой легата и поклонился три раза, легатъ немного приподнялся, почти-что не измѣняя своей небрежной позы и устремилъ на посѣтителя пристальный взглядъ.

Молодой человѣкъ почтительно остановился у двери.

— Вы г. Вьендеморъ? Это вы просили у меня вчера письмомъ аудіенцію? спросилъ онъ потомъ нѣсколько поспѣшно, но дружелюбнымъ тономъ.

Спрошенный молча поклонился.

— Что вамъ отъ меня угодно? продолжалъ быстро Винчентини.

— Правосудія, монсиньоръ! Наказанія одного преступника! — отвѣчалъ молодой человѣкъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— И то, и другое будетъ вамъ оказано, если только это въ моей власти, возразилъ легатъ серьезно и съ достоинствомъ, невольно совершенно поднявшись со своего ложа. Разскажите мнѣ, что съ вами случилось, тогда я увижу, чѣмъ я могу вамъ помочь.

— Но, монсиньоръ, мнѣ придется слишкомъ много разсказывать, а я боюсь употребить во зло ваше терпѣніе, робко замѣтилъ Вьендеморъ.

— Не бойтесь, молодой человѣкъ, перебилъ его Винчентини съ ласковой улыбкой. Мой санъ обязываетъ меня узнавать о совершонныхъ преступленіяхъ и наказывать злодѣевъ, и въ этомъ отношеніи мое терпѣніе не имѣетъ предѣловъ, слѣдовательно вы не истощите его разсказомъ о случившемся съ вами. Но, какъ я вижу, вы больны, поэтому, пожалуйста, садитесь и тогда уже разсказывайте!

Молодой человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ чувствовавшій себя и взволнованнымъ и усталымъ, поблагодарилъ поклономъ и опустился въ одно изъ мягкихъ, голубыхъ, украшавшихъ комнату креселъ.

Глубоко переведя духъ, онъ началъ:

— Монсиньору, вѣроятно, уже извѣстно о преступникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «усыпителей»?

При такомъ, вѣроятно, неожиданномъ для него вступленіи, легатъ вскочилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ онъ. Слѣдовательно эти новаго рода злодѣи дѣйствительно существуютъ? Я долженъ сознаться, что до сихъ поръ сомнѣвался въ ихъ существо-

ваніи, и всякія касавшіяся ихъ донесенія, откровенно говоря, считалъ за сказки.

— Къ сожалѣнію, это не такъ, монсиньоръ, мрачно отвѣчалъ Вьендеморъ. Эта шайка преступниковъ существуетъ, и, я долженъ прибавить, даже очень близко отъ города...

— Какъ? А объ этомъ-то мнѣ ничего и не сказали? вспылилъ Винчентини. Мнѣ нарочно передавали неопредѣленные слухи о существованіи этихъ мошенниковъ! Что за безпечный народъ эти чиновники!

— Монсиньоръ, робко осмѣлился замѣтить молодой человѣкъ, ваши чиновники вѣрно невиноваты; врядъ-ли они знали что нибудь объ «усыпителяхъ», да едва-ли знаютъ что нибудь и теперь.

— Какъ-же вы можете утверждать это! рѣзко замѣтилъ легатъ.

— Я высказываю только свое мнѣніе, монсиньоръ, скромно возразилъ Вьендеморъ, и полагаю, что не ошибаюсь. Насколько мнѣ извѣстно, со времени преступленія, жертвою котораго былъ я, другого подобнаго эти злодѣи еще не совершали. Я же объ этомъ, за исключеніемъ своихъ хозяевъ, никому не говорилъ.

— Да, ну это конечно другое дѣло, сказалъ нѣсколько успокоившійся Винчентини, и тотчасъ же прибавилъ: но отчего же, вы тотчасъ же не объявили объ этомъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ я только что всталъ послѣ тяжелой болѣзни, вслѣдствіе совершоннаго надо мною преступленія, и сегодня въ первый разъ вышелъ на улицу. Но своихъ хозяевъ я упросилъ хранить глубочайшее молчаніе обо всемъ, что меня касается, и они сдержали свое слово. Это было, можетъ быть, и не совсѣмъ хорошо, но для меня было необходимо: я боялся за жизнь своихъ благородныхъ спасителей и хотѣлъ перехитрить преступниковъ.

Легатъ одобрительно кивнулъ головой.

— Вы правы, г. Вьендеморъ, сказалъ онъ; и поступили

благоразумно. Но разскажите, пожалуйста, о совершенномъ надъ вами преступленіи, и какъ можно подробнѣе, чтобы мнѣ хорошенько вникнуть въ дѣло. Больше я васъ перебивать не буду.

— Прежде чѣмъ начать, монсиньоръ, возразилъ молодой человѣкъ, я долженъ вамъ объявить, что имя, подъ которымъ я имѣлъ честь испросить вашей аудіенціи, не мое, я же собственно называюсь Бонгло. Тѣ же самыя причины, побудившія меня молчать о преступленіи, заставили меня и перемѣнить имя.

— Это хорошо, продолжайте, возразилъ одобрительно Винчентини.

— Меня зовутъ Рауль Бонгло, я родомъ изъ города Карпентра, близъ котораго у меня небольшое имѣніе. 14-го ноября прошлаго года, ради нѣкоторыхъ покупокъ, я былъ вынужденъ предпринять сюда путешествіе. До городка Оранжъ я добрался безо всякихъ приключеній, а оттуда вплоть до Авиньона пришлось ѣхать сплошнымъ лѣсомъ. Я ѣхалъ уже часа три, какъ встрѣтилъ двухъ хорошо одѣтыхъ всадниковъ, которые довольно долго ѣхали рядомъ со мною, не говоря однакоже ни слова. Наконецъ они воспользовались однимъ случаемъ и подъ предлогомъ скучной дороги, завязали со мною разговоръ. Ихъ открытое лицо и занимательный разговоръ внушили мнѣ къ нимъ такое довѣріе, что я предложилъ отобѣдать вмѣстѣ. Они съ радостью приняли мое предложеніе, но съ условіемъ заплатить за себя.

Когда мы пріѣхали въ гостинницу ближайшей деревни и сѣли за столъ, явился еще третій путешественникъ, по видимому, не знакомый съ тѣми, съ которыми пріѣхалъ я. Онъ объяснилъ намъ, что направляется въ Авиньонъ, и узналъ отъ хозяина, что и мы ѣдемъ туда-же. Если, поэтому, для насъ не будетъ особенно непріятно принять его въ наше маленькое общество, то мы сдѣлаемъ для него большое одолженіе. Мы согласились, и онъ былъ очень радъ,

что съ нами встрѣтился, и въ заключеніе просилъ позволенія сѣсть за столъ съ нами. Пообѣдавши, мы вчетверомъ поѣхали дальше.

Новый товарищъ по путешествію умѣлъ такъ прекрасно занимать насъ разнаго рода, въ высшей степени остроумными, шутками и забавными анекдотами, что время прошло для насъ очень пріятно. Можетъ быть я и ошибся, но нѣсколько словъ, вырвавшихся у него во время разговора, навели меня на мысль, что, хотя онъ съ самаго начала и показалъ видъ будто не знакомъ съ двумя другими моими спутниками, но на самомъ дѣлѣ знаетъ ихъ очень хорошо.

Спустя нѣсколько часовъ ѣзды, новый товарищъ по путешествію предложилъ подкрѣпиться въ ближайшей деревнѣ нѣсколькими стаканами свѣжаго пива. Такъ какъ кушанья, которыя мы ѣли за обѣдомъ, были очень солоны и намъ сильно хотѣлось пить, то мы охотно согласились на это предложеніе. Нашъ товарищъ тотчасъ-же отправился впередъ, чтобы заказать, какъ онъ говорилъ, бутылки двѣ свѣжаго напитка.

Пріѣхавши въ трактиръ, мы выпили каждый по стакану пива и, не медля, поѣхали дальше, чтобы до сумерекъ добраться до цѣли своего путешествія, до которой оставалось врядъ ли три четверти часа ѣзды.

Наша, незадолго еще столь веселая, бесѣда вдругъ прекратилась. Каждый изъ насъ предался теченію своихъ мыслей и казалось позабылъ о другихъ и думать. Однако мнѣ казалось, что новый товарищъ по путешествію, полагая, что я въ это время не наблюдаю за нимъ, по временамъ какъ то странно вглядывался въ меня и съ другими моими спутниками обмѣнивался таинственными знаками.

Отъ послѣдней деревни мы отъѣхали не больше получаса и уже завидѣли башни Авиньона, какъ вдругъ я почувствовалъ головокруженіе и въ то же время непреодолимую усталость. Вѣки отяжелѣли, точно налитыя свинцомъ;

тщетно боролся я съ этимъ состояніемъ и наконецъ пожаловался объ этомъ своимъ сотоварищамъ. Они поддерживали меня, утѣшали, высказывали живѣйшее участіе и въ то же время, казалось, величайшее смущеніе. Наконецъ я былъ уже не въ силахъ прямо сидѣть на лошади, и помню только, что мои спутники отвели меня въ кусты, которые мы только что проѣхали. Затѣмъ я потерялъ сознаніе.

— Отвратительно! воскликнулъ легатъ, слѣдившій съ очевиднымъ участіемъ за разсказомъ своего посѣтителя. Бездѣльники навѣрно подмѣшали вамъ сильнаго соннаго средства въ пиво, чтобы васъ оглушить и потомъ спокойно ограбить.

— Вы угадали, монсиньоръ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Но злодѣи имѣли намѣреніе не только ограбить меня, но и убить. Тѣмъ, что послѣднее не совсѣмъ удалось имъ, я обязанъ только человѣколюбивому и въ высшей степени заботливому уходу въ семействѣ моего спасителя, столяра Альмарика. Дальнѣйшее, что мнѣ осталось досказать вамъ, мнѣ передано этимъ благороднымъ человѣкомъ.

Когда я очнулся и въ первый разъ снова открылъ глаза, оказалось, что я лежу на кровати въ полутемной, просто меблированной комнатѣ. Въ ногахъ у меня сидѣла молодая, семнадцатилѣтняя дѣвушка, дочь моего спасителя. Я чувствовалъ въ головѣ какую-то тупую боль, и невольно дотронувшись до нея рукою, я сдѣлалъ открытіе, что она была вся обвязана.

— Хвала тебѣ, Пресвятая Дѣва! пробормоталъ чей-то голосъ. Онъ просыпается и, наконецъ-то, возвращается къ жизни. О, какъ отецъ обрадуется!

— Гдѣ я? Что со мною случилось? прошепталъ я слабымъ голосомъ.

Никто мнѣ не отвѣтилъ. Вѣроятно молодая дѣвушка вышла потихоньку изъ комнаты, потому что когда я съ боль-

шимъ усиліемъ приподнялся на постели и осмотрѣлся, то замѣтилъ, что я находился одинъ въ совершенно незнакомой мнѣ комнатѣ.

Но въ слѣдующую же затѣмъ минуту дверь отворилась и молодая дѣвушка возвратилась въ сопровожденіи пожилыхъ мужчины и женщины. Ни у кого еще на лицѣ не видѣлъ я такой чистосердечной радости и участія, какъ у этихъ мнѣ совершенно незнакомыхъ людей.

— Слава Богу, сказалъ мужчина, отъ души пожимая мнѣ руку, что вы наконецъ-то пробудились отъ своего мертваго сна и возвратились къ жизни! Я было потерялъ уже всякую надежду.

— На мои разспросы Альмарикъ сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ, возвращаясь домой изъ деревни Веденъ, куда ему было нужно сходить по дѣламъ, онъ увидалъ слѣды крови возлѣ одного частаго кустарника. Желая узнать, отъ чего бы это могло быть, онъ вошелъ въ кусты и подъ кучей насыпанныхъ листьевъ нашелъ тѣло человѣка, у котораго изъ глубокой раны на головѣ текла кровь, и только по чуть слышному сердцебіенію могъ убѣдиться, что онъ еще живъ. Болѣе подробное изслѣдованіе показало столяру, что тутъ было совершено преступленіе: убійство и грабежъ. Чтобы не приняли за виновника его самого, Альмарикъ опять прикрылъ несчастнаго листьями и поспѣшилъ въ городъ, чтобы часа черезъ два, когда совсѣмъ уже смеркнется, возвратиться на мѣсто преступленія съ ручной телѣжкой и въ сопровожденіи жены и дочери. Полумертваго, тщательно закутавши въ одѣяло, они положили его на телѣжку и доставили домой такъ, что объ открытомъ преступленіи никто ничего не узналъ.

Двое сутокъ я не просыпался изъ своего летаргическаго сна и два дня лежалъ безъ всякаго сознанія. Такъ какъ негодяи не удовольствовались тѣмъ, что ограбили у меня все сколько нибудь цѣнное, но сверхъ того захватили и всѣ мои

документы, то мой спаситель оставался въ совершенномъ невѣдѣніи относительно моей личности до времени моего пробужденія отъ оглушенія, въ которое я впалъ благодаря принятому яду и нанесенной въ голову ранѣ. Тутъ я сказалъ ему свое имя и разсказалъ все, что зналъ о случившемся. Альмарикъ, до сихъ поръ необращавшійся къ врачу, объявилъ, что теперь онъ сходитъ за нимъ. Я упросилъ его не дѣлать этого въ надеждѣ, что рана въ нѣсколько дней заживетъ. Но я ошибся. Не одна рана, но и ядъ, подмѣшанный мнѣ бездѣльниками въ напитокъ, были причиною того, что я долженъ былъ почти три мѣсяца пролежать въ постели, и встать съ нея лишь нѣсколько недѣль тому назадъ. И вотъ я передъ вами, монсиньоръ, заключилъ, тяжело вздохнувъ, молодой человѣкъ свой разсказъ, съ моей всепокорнѣйшей просьбой, умоляя о правосудіи.

— Оно вамъ будетъ оказано, возразилъ съ участіемъ легатъ, предполагаю, что при моемъ рвеніи мнѣ удастся открыть отвратительныхъ злодѣевъ. Но вы могли бы значительно облегчить мнѣ эту задачу, если бы дали мнѣ какія нибудь указанія, напр. на счетъ личности виновниковъ.

— Къ сожалѣнію, я не въ состояніи этого сдѣлать, монсиньоръ, возразилъ Вьендеморъ, печально понуривъ голову. Вслѣдствіе долгой болѣзни моя память до того пострадала, что я рѣшительно ничего не могу припомнить о томъ или другомъ бездѣльникѣ, хотя и увѣренъ. что найдись одинъ изъ нихъ, я, можетъ быть, и признаю его.

Легатъ съ недовольнымъ видомъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Гмъ, замѣтилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, это необыкновенно какъ затрудняетъ дѣло, и на скорое окончаніе его нельзя разсчитывать. Не помните-ли вы, по крайней мѣрѣ, именъ, которыми называли себя негодяи во время разговора?

— Я слышалъ только, какъ нѣсколько разъ они назы-

вали кого то Густавомъ, Антоніемъ, и больше никакихъ именъ не помню.

— Котораго изъ вашихъ спутниковъ называли первымъ, и котораго вторымъ именемъ?

Молодой человѣкъ уставился въ полъ и задумался. Потомъ послѣ короткаго молчанія живо воскликнулъ:

— Теперь я припоминаю, кто назывался Густавомъ! Это былъ всадникъ, присоединившійся послѣ всѣхъ и показавшій видъ, что онъ не знаетъ остальныхъ двухъ. Когда онъ уѣхалъ отъ насъ, чтобы заказать пиво, я совершенно ясно слыхалъ какъ одинъ изъ моихъ спутниковъ прошепталъ другому: этотъ Густавъ всегда попадетъ въ гвоздь по шляпкѣ! Но вотъ и все, что я могу вамъ сказать, монсиньоръ.

Винчентини улыбнулся.

— Этого, правда, маловато, но посмотримъ. Нерѣдко самые, повидимому, незначительные факты оказывались достаточными, чтобы совершенно раскрыть преступленіе. Поэтому не будемъ падать духомъ. Богъ всемогущъ и не откажетъ въ помощи нашимъ стараніямъ разыскать злодѣевъ и предать ихъ правосудію. Кстати вы говорили, что они украли и всѣ ваши бумаги, удостовѣрявшія о вашей личности?

— Такъ точно, монсиньоръ, но вы можете велѣть письменно справиться обо мнѣ у моей экономки въ Карпентра, которая и удостовѣритъ, что я вамъ о своей личности сказалъ совершенную...

— Незачѣмъ! перебилъ улыбаясь молодаго человѣка легатъ. Вы меня не такъ поняли, предположивъ въ моемъ вопросѣ сомнѣніе на счетъ васъ. Я спросилъ только для того, чтобы хорошенько выяснить себѣ одно обстоятельство, которое мнѣ кажется немаловажнымъ. Ваши документы лежали въ особомъ карманѣ или вмѣстѣ съ цѣнными бумагами?

Вьендеморъ отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ, монсиньоръ, отвѣчалъ онъ, бумажникъ съ бан-

ковыми билетами былъ у меня въ панталонахъ, а бумаги въ карманѣ у фуфайки.

Винчентини кивнулъ одобрительно.

— Такъ я и думалъ, сказалъ онъ. Бумаги украли у васъ для того, чтобы воспользоваться ими для извѣстной цѣли, и это обстоятельство можетъ насъ навести на слѣдъ преступниковъ. Очень возможно, что они воспользуются бумагами для того, чтобы во время вашего отсутствія, или считая васъ уже мертвымъ, вынудить у вашей экономки деньги или цѣнныя вещи.

— Объ этомъ я уже позаботился, — возразилъ молодой человѣкъ,—потому что первое, что мнѣ пришло въ голову, когда ко мнѣ вернулось сознаніе, это дать знать моей экономкѣ, что я лишился своихъ документовъ.

— Гм, это было не совсѣмъ умно сдѣлано. Преступниковъ можетъ быть и открыли бы, еслибы случилось противоположное тому, что вы сдѣлали, и если бы вы объ утратѣ бумагъ молчали точно также, какъ и обо всемъ остальномъ.

— Извините, монсиньоръ, что я на этотъ счетъ совсѣмъ другого мнѣнія. Того, что вы предполагаете, и что подозрѣвалъ и я, не случилось. Моя экономка, въ вѣрности и преданности которой я совершенно увѣренъ, нѣсколько дней тому назадъ писала мнѣ, что до сихъ поръ къ ней никто не являлся за требованіемъ денегъ по моему порученію.

— Но это ничуть не доказываетъ, чтобы на дняхъ не случилось противнаго. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ пройдохами и должны постараться перехитрить ихъ. Для того чтобы ихъ выслѣдить, я совѣтую вамъ въ точности подчиниться всѣмъ моимъ распоряженіямъ и впредь не предпринимать ничего, не извѣстивши меня объ этомъ. Теперь слушайте внимательно, что я вамъ скажу.

Вьендеморъ поклонился съ выраженіемъ согласія.

— Прежде всего старайтесь по возможности не показываться въ публичныхъ мѣстахъ, — продолжалъ легатъ;—

отправляясь ко мнѣ, выбирайте вечерній часъ для посѣщенія, а напередъ увѣдомляйте меня письменно объ этомъ. Продолжайте называться теперешнимъ вашимъ именемъ и постарайтесь пребываніе ваше въ этомъ городѣ продлить покамѣстъ еще на одинъ мѣсяцъ; за это время ваша экономка должна быть уполномочена немедленно исполнить требованіе всякаго, кто предъявитъ ей одинъ изъ вашихъ документовъ. Само собою разумѣется, что тотъ изъ вашей прислуги, на вѣрность котораго вы можете положиться, долженъ тайнымъ образомъ узнать имя и мѣсто жительства этого субъекта и сейчасъ же сообщить вамъ объ этомъ. Всякіе убытки, могущіе произойти вслѣдствіе такой мѣры для васъ, будутъ мною возвращены вамъ; равнымъ образомъ, я считаю своимъ долгомъ вознаградить и вашего человѣколюбиваго хозяина. Если случай будетъ намъ благопріятствовать, то въ теченіе мѣсяца, можетъ быть, мы разыщемъ безбожныхъ злодѣевъ и привлечемъ ихъ къ отвѣтственности. Слѣдовательно, вы присуждаетесь къ четырехнедѣльному домашнему аресту, которому вы и должны подчиниться, ради добраго дѣла, спокойно и безропотно, — прибавилъ Винчентини шутливо.—Хорошо-ли вы поняли все то, о чемъ я вамъ говорилъ, и довольны-ли вы моими распоряженіями?

— Да, монсиньоръ, и благодарю васъ отъ всей души,— отвѣчалъ молодой человѣкъ съ сіяющими отъ радости глазами.—Да увѣнчаетъ самъ Богъ и Пресвятая Дѣва ваши старанія всевозможнымъ успѣхомъ!

— Аминь! Я надѣсь и желаю этого какъ ради васъ самихъ, такъ и ради земного правосудія,—серьезно возразилъ Винчентини.

Онъ перекрестился и затѣмъ сдѣлалъ рукою милостивый знакъ, позволявшій Вьендемору удалиться.

Съ легкимъ поклономъ онъ вышелъ изъ покоя и папскаго дворца. Онъ шелъ съ облегченнымъ сердцемъ и съ болѣе радостными надеждами, чѣмъ съ какими вступалъ сюда.

Мы уже разсказывали выше, что въ тотъ моментъ, когда онъ вышелъ на улицу, его замѣтилъ Дюбуръ, и при появленіи молодаго человѣка остановился какъ пораженный громомъ, и въ смущеніи, съ ужасомъ глядѣлъ ему вслѣдъ.

Правда и Вьендеморъ увидалъ его, но его черты показались ему незнакомы; по крайней мѣрѣ, онъ не могъ припомнить, чтобы онъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь съ нимъ встрѣчался. Впрочемъ, теперь ему некогда было объ этомъ и думать. Его мысли были еще слишкомъ заняты только что кончившейся аудіенціей; онъ уже заранѣе радовался, какъ онъ передастъ о счастливомъ ея результатѣ своему благородному хозяину, а особенно его дочкѣ, къ которой онъ чувствовалъ глубокую склонность. И въ этомъ радостномъ настроеніи онъ добрался до Альмарика.

V.

10-го февраля послѣ полудня должны были состояться—какъ мы уже слышали отъ самого Дюбура—похороны масленицы. Такъ какъ эта потѣха происходила каждый годъ въ первый день великаго поста, то публика была нѣкоторымъ образомъ приготовлена къ безумствамъ, которыя при этомъ совершались, и навѣрно въ высшей степени удивилась бы, если бы этого не было по прежнему.

Поэтому уже съ 2-хъ часовъ дня авиньонская молодежь, бывшая вчера маскированною, расхаживала по городу въ томъ же нарядѣ въ сопровожденіи толпы музыкантовъ, оглушавшихъ своими тамбуринами, флейтами, барабанами и кларнетами. Участники похоронъ держались за пестрые платки, съ узлами на концахъ, и составляли собою длинную вереницу, которая то извивалась, то вытягивалась по прихоти или командѣ предводителя.

А предводителемъ труппы былъ никто иной какъ Дюбуръ.

Труппа состояла не изъ однихъ мужчинъ, но и изъ взрослыхъ дѣвушекъ и даже замужнихъ женщинъ. Само собою разумѣется, что эти послѣднія не принадлежали къ числу почтенныхъ горожанокъ, потому что, рѣшившись принимать участіе въ затѣяхъ и увеселеніяхъ вмѣстѣ съ молодыми, легкомысленными и полупьяными людьми, онѣ принуждены были допускать творить надъ собою многое такое, чего не позволяютъ приличіе и добрые нравы. Похороны обыкновенно завершались дикой попойкой, на которой предавались самымъ постыднымъ излишествамъ.

Тогдашнія духовныя власти въ Авиньонѣ не обладали достаточною энергіею, чтобы вдругъ отмѣнить столѣтіями освященный обычай и старались только нѣсколько ограничить его. Они разрѣшили эту послѣднюю сатурналію подъ тѣмъ условіемъ, чтобы маски не надѣвались; поэтому мужскіе участники въ маскарадѣ прицѣпили ихъ въ петлицахъ, а женщины—къ затылку. Принцъ Карнавалъ, въ видѣ большой, уродливо разряженной куклы, лежалъ на разукрашенномъ одрѣ, съ короной на головѣ, сдѣланной изъ картона и сусальнаго золота. Хороводъ скомороховъ извивался и вертѣлся вокругъ вѣнценоснаго чучела, выдѣлывалъ уморительные прыжки и исполнялъ разные танцы; тысячеголовая толпа испускала крики радости, восторга и ликованія, въ промежуткахъ раздавалась пушечная пальба и ружейные выстрѣлы, гоготанье мужчинъ и пронзительное взвизгиванье женщинъ, съ которыми продѣлывали разныя безчинства и сумасшедшія выходки. Однимъ словомъ, все ликовало и предавалось самому разнузданному веселью. Все населеніе или торчало у окошекъ, или высыпало на улицу, рѣдко кто продолжалъ заниматься работой, потому что каждому хотѣлось вполнѣ насладиться послѣднимъ днемъ масленицы 1768 года

или хоть посмотрѣть, покрайней мѣрѣ, на бѣснованіе сумасшедшихъ.

Процессія съ масленичной куклой двигалась по той улицѣ, гдѣ жилъ Альмарикъ, и Дюбуръ нарочно задержалъ толпу на нѣсколько минутъ передъ его домомъ. Изъ оконъ всѣхъ сосѣднихъ домовъ повысовывались головы ихъ обитателей, но не было видно ни столяра, ни его семьи.

— Жалкій упрямецъ! сердито пробормоталъ про себя Дюбуръ. Онъ не одобряетъ нашего небольшаго удовольствія, а самъ въ мои годы навѣрно пускался во всѣ тяжкія. Не стоитъ впрочемъ безпокоиться изъ-за-этого вновь испеченнаго святого!

— Впередъ, друзья! — крикнулъ онъ толпѣ громовымъ голосомъ.—Впередъ—къ костру, и запѣвайте предсмертную пѣсню!

И при громкихъ возгласахъ непристойной пѣсни, шествіе снова двинулось по улицѣ, направляясь къ набережной.

Дюбуръ схватилъ за руку семнадцатилѣтнюю дѣвушку и пошелъ съ нею впереди толпы. Въ противоположность остальнымъ участницамъ она была сравнительно прилично одѣта, да и вообще не походила на прочихъ. Она еще стыдливо краснѣла отъ рѣчей, которыя по дорогѣ говорилъ ей ея спутникъ, тогда какъ у ея товарокъ со стыдомъ дѣло было рѣшенное. Она примкнула къ веселой компаніи изъ любопытства и была настолько безразсудна, что дала своему кавалеру обѣщаніе принять участіе послѣ похоронъ въ пріятельской вечеринкѣ. Еслибы она знала, въ какомъ видѣ она вернется домой, то навѣрно не давала бы такого необдуманнаго обѣщанія. Но любопытство, легкомысліе и тщеславіе искони были подводными камнями, о которые терпѣло крушеніе невинность молодой дѣвушки, и вѣчно будутъ такими, пока стоитъ свѣтъ, потому что въ сердцѣ женщины вѣчно тлится непреоборимая страсть полакомиться запрещеннымъ плодомъ.

Наконецъ процессія достигла до площади передъ пап-

скимъ дворцомъ. Здѣсь должна была совершиться главная сцена всей забавы.

Посреди площади, на глазахъ легата, былъ воздвигнутъ громадный костеръ для сожженія масленицы среди всевозможнаго веселья. Когда траурная процессія пришла на площадь, то эта послѣдняя была уже полна любопытныхъ обоего пола.

Костеръ былъ окруженъ тройною цѣпью шутовъ и принцъ Карнавалъ былъ брошенъ на самый верхъ его. Тогда Дюбуръ рукою далъ знакъ молчать, и когда все смолкло, запѣлъ сочиненную имъ самимъ пѣсню, и послѣднія слова каждой ея строфы повторялись всѣми присутствующими.

Собравшаяся толпа разразилась изступленнымъ крикомъ одобренія, когда молодой человѣкъ окончилъ свою пѣсню и раздалось многоголосное «да здравствуетъ Дюбуръ!» Послѣдній скромно поблагодарилъ и далъ знакъ обоимъ факельщикамъ поджигать костеръ.

Только что эти послѣдніе приготовились исполнить приказаніе, какъ вдругъ два папскихъ солдата протолкались сквозь толпу и вырвали у исполнителей факелы.

— Это что такое? Кто вамъ позволилъ мѣшать нашему удовольствію? вспылилъ Дюбуръ.

— Да, да, что вамъ нужно? Прочь отсюда! кричали нѣкоторые молодые люди.

— Монсиньоръ легатъ приказываетъ вамъ спокойно разойтись по домамъ, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ.

— Намъ никто не смѣетъ приказывать! закричали женщины. Что мы хотимъ, то и дѣлаемъ!

Изъ толпы посыпался градъ ругательствъ и проклятій.

— Къ черту легата! послышался одинъ голосъ.

— Въ огонь солдатъ!—крикнула какая-то грязная старуха.

— Сегодня мы еще имѣемъ право веселиться, и никто не долженъ мѣшать вамъ, спокойно замѣтилъ Дюбуръ. Итакъ,

не обращайте вниманія, друзья, обратился онъ къ товарищамъ. Впередъ къ костру!

Тотчасъ человѣкъ двадцать участниковъ маскарада бросились на солдатъ, чтобы обезоружить ихъ. Къ великому удовольствію толпы костеръ былъ зажженъ, огромный столбъ дыма поднялся кверху и густымъ облакомъ закуталъ на минуту всю толпу. Страшные голоса заревѣли уличную пѣсню и пушечная пальба завершила ауто-да-фе.

Веселье и ликованье дошли до невозможнаго, каждый старался перекричать другого, какъ вдругъ шумъ прекратился и наступила глубокая тишина.

Папскимъ солдатамъ не удалось остановить неистовый ревъ толпы, но она мгновенно стихла при появленіи достопочтеннаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и за свои добродѣтели и по своему высокому сану, человѣка. То былъ папскій генералъ-прокуроръ, аббатъ Сестили, семидесятипятилѣтній старикъ, исполненный достоинства и съ ласковыми чертами лица, изобличавшимм сердечную доброту.

Боязливо разступалась направо и налѣво толпа, чтобы дать ему мѣсто; онъ далъ знакъ, что хочетъ говорить. Наконецъ къ нему подошелъ Дюбуръ и подвелъ его къ каменной скамьѣ.

Аббатъ всталъ на нее и началъ серьезнымъ, убѣдительнымъ тономъ:

— Возлюбленные братья и сестры, выслушайте меня внимательно и не перерывайте, потому что то, что я намѣренъ сообщить вамъ, исполнитъ сердца ваши ужасомъ. Приказывая вамъ разойтись по домамъ, легатъ сдѣлалъ это не съ тѣмъ, чтобы помѣшать вашему удовольствію, имъ же разрѣшенному; нѣтъ, напротивъ, монсиньоръ мнѣ велѣлъ даже выразить вамъ свое живѣйшее сожалѣніе о томъ, что онъ принужденъ превратить вашу радость въ горе и ваши ликованія въ вопли. Братья и сестры, сердце мое на-

полнила скорбью мрачная вѣсть, которую я имѣю вамъ передать: прошлою ночью, въ городѣ совершено ужасное преступленіе. Боюсь, что совершившій его гнусный злодѣй находится все еще въ стѣнахъ нашего города и, можетъ быть, среди васъ, чтобы заглушить голосъ совѣсти весельемъ и ликованіемъ... Въ виду такого ужаснаго несчастія, вы будете сѣтовать, что предались удовольствію, и сожалѣть о своей радости и веселья. Станетъ-ли у васъ духу продолжать свою пляску?

Всеобщій ужасъ охватилъ толпу, внимательно прислушивавшуюся къ словамъ любимаго священнослужителя. Теперь каждый сознавалъ свою вину и, повидимому, раскаявался въ неисполненіи приказанія идти домой. Несмотря на то, лишь немногіе потихоньку прокрались вонъ изъ толпы, большинство же точно окаменѣло на своихъ мѣстахъ и стояло въ молчаніи, не пророняя ни одного слова. Одинъ боязливо, тревожно, украдкой поглядывалъ на другого, какъ бы желая прочесть на лицѣ сосѣда, не онъ ли тотъ безбожный злодѣй, о которомъ говорилъ аббатъ.

Дюбуръ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и дрожалъ всѣми членами, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова.

Аббатъ только что хотѣлъ спуститься со скамьи, какъ одинъ изъ ближе стоявшихъ къ нему людей, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Надъ кѣмъ-же совершено это страшное преступленіе, ваше высокопреподобіе? Кто убійца?

— Убійство съ грабежемъ? спросилъ другой изъ толпы.

— Не знаю, отвѣчалъ старецъ.—Власти не могли еще привести это въ полную извѣстность. Я знаю, только то, что убиты Минсы, какъ я уже сказалъ вамъ передъ этимъ.

Достойный служитель Божій, вслѣдствіе легко понятнаго возбужденія, въ которомъ онъ находился, совершенно забылъ, что онъ до сихъ поръ не называлъ жертвы преступленія. Этимъ извѣстіемъ, повидимому, особенно пораженъ былъ Дю-

буръ, потому что въ сильномъ испугѣ онъ попятился на шагъ назадъ и запинаясь воскликнулъ:

— Какъ? Что вы говорите... ваше высокопреподобіе... семейство... Минсовъ... все семейство?

Аббатъ съ прискорбіемъ склонилъ голову и повторилъ:

— Да, все семейство! Какъ жаль!

— О, Боже мой! горестно пролепеталъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу.

Вдругъ, повидимому, у него блеснула слабая надежда, потому что его лицо какъ будто нѣсколько просіяло и прерывающимся голосомъ онъ воскликнулъ:

— Всѣ убиты?... Невозможно!... Вы ошиблись, ваше высокопреподобіе... не можетъ быть, какъ вы сказали... Вы качаете головой. Какъ? Неужели же это правда, страшная, ужасная истина?.. Всѣ, всѣ... и... дочь ...и Юлія?

— Всѣ, подтвердилъ старецъ глухимъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Это ужасно! бормоталъ Дюбуръ, закрывая лицо руками. И она! О, это страшно, я не въ силахъ этого вынести...

Рыданія заглушили его голосъ. Слезы самой глубокой скорби брызнули изъ его глазъ.

Аббатъ нѣжно провелъ рукой по его головѣ и, наклонясь къ нему, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Утѣшьтесь, мой бѣдный другъ! Я понимаю вашу горесть, я знаю какъ вы были близки къ бѣдной дѣвушкѣ и какую страшную потерю вы понесли. Но мужайтесь и будьте увѣрены, что Господь налагаетъ на человѣка крестъ не тяжелѣе того, что онъ можетъ снести, и что кого онъ любитъ, тѣхъ и наказуетъ.

— Но это наказаніе слишкомъ жестоко, ваше высокопреподобіе, возразилъ плача молодой человѣкъ.

— Не слишкомъ жестоко, возразилъ аббатъ. Оно послужитъ къ вашему благу и очиститъ душу вашу.

— Я знаю, отецъ мой духовный, что я много согрѣшилъ и во многомъ долженъ каяться, отвѣчалъ Дюбуръ опустивъ глаза, какъ будто пристыженный. На все бы я согласился спокойно и безропотно въ наказаніе за свои грѣхи, но это горе—слишкомъ жестокое наказаніе, которое я долженъ нести всю мою жизнь, которое я вѣкъ буду помнить.

— И все же вы перенесете это горе, сказалъ аббатъ. Время исцѣляетъ всѣ недуги; заживетъ и рана, нанесенная вашему сердцу, сынъ мой, будьте въ этомъ увѣрены.

— Никогда! съ жаромъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

Затѣмъ, вытирая свои слезы, онъ быстро прибавилъ, вдругъ осѣненный внезапною мыслью:

— Когда, сказали вы, ваше высокопреподобіе, было совершено преступленіе?

— Въ прошлую полночь, отвѣчалъ старецъ. Я уже говорилъ вамъ, что хорошенько это еще не приведено въ извѣстность.

— Въ самую полночь, поторилъ про себя Дюбуръ, но можетъ быть нарочно, на столько громко, чтобы его слова слышали стоявшіе вокругъ его и аббата. О, значитъ меня всетаки не обмануло мое предчувствіе!

— Вы догадывались объ этомъ, Дюбуръ? спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ молодыхъ людей. Какъ же можно было догадаться или предчувствовать такое ужасное преступленіе?

— Какой же ты дуракъ, Брютондоръ, вспылилъ Дюбуръ. Развѣ я говорилъ, что я предчувствовалъ преступленіе? У меня было только какое-то темное предчувствіе, что съ Минсами случилось несчастіе, вотъ и все! И это оттого, что сегодня, рано утромъ, когда я стучался у Минсовъ, желая спросить ихъ, не хотятъ ли они принять участіе въ нашемъ маскарадѣ, никто мнѣ не отворилъ дверей, что можетъ под-

свердить и столяръ Альмарикъ, съ которымъ я разговаривалъ.

— Ну, ну, изъ за этого нечего сейчасъ же горячиться, спокойно замѣтилъ Брютондоръ. Твое замѣчаніе показалось мнѣ какъ-то страннымъ, и такъ какъ...

— Страннымъ, ты, кажется, пьянъ, иначе не сталъ бы городить такую чепуху! сердито воскликнулъ Дюбуръ.

Между молодыми людьми готова была завязаться сильная ссора, которая, пожалуй, перешла бы и въ болѣе серьезное дѣло. Но видя это достойный аббатъ вмѣшался и сказалъ:

— Полно-те, любезные друзья! Къ этому дню печали и скорби не станемъ прибавлять новаго горя.

Затѣмъ, обращаясь прямо къ Дюбуру, онъ прибавилъ:

— А вы, мой сынъ, умѣрьте свою неумѣстную горячность, которую я уже не разъ порицалъ въ васъ. Вашъ пріятель не такъ понялъ васъ, что, при возбужденіи, которое причинило намъ ужасное преступленіе, весьма извинительно. Дайте ему руку, чтобы я видѣлъ, что вы другъ другъ прощаете, и чтобы мнѣ не вернуться домой съ непріятною мыслью, что своимъ сообщеніемъ я поселилъ еще и раздоръ.

— Я не допущу этого, отвѣчалъ тронутый Брютондоръ, по крайней мѣрѣ я не желаю этого, ваше высокопреподобіе.

Съ этими словами онъ протянулъ улыбаясь Дюбуру руку, которую тотъ взялъ, хотя и нерѣшительно.

— Благодарю васъ, друзья мои, теперь я спокойно ухожу отсюда, сказалъ старецъ сходя со скамьи и готовясь уходить съ площади.

— Еще на минуту, ваше высокопреподобіе, обратился къ нему Дюбуръ.

— Что вамъ угодно, сынъ мой? — спросилъ ласково аббатъ.

— Извѣстно ли имя злодѣя, совершившаго преступленіе? спросилъ Дюбуръ.

— Нѣтъ еще, насколько мнѣ извѣстно, — отвѣчалъ старецъ.

— Покрайней мѣрѣ, кого подозрѣваютъ въ убійствѣ? разспрашивалъ Дюбуръ.

— Гм, да, не знаю, возразилъ нерѣшительно аббатъ; но оно до того чудовищно, что неизвѣстно на кого и подумать.

Затѣмъ, послѣ нѣкотораго раздумья, онъ прибавилъ какъ-бы озаренный внезапною мыслью:

— Я думаю, было бы очень полезно, если бы вы пошли со мною на мѣсто преступленія, сынъ мой. Впрочемъ я за этимъ и пришелъ сюда. Вы были лучшимъ другомъ несчастной семьи и часто видѣлись съ ними. Я буду предлагать вамъ вопросы на этотъ счетъ; во всякомъ случаѣ вы можете дать правосудію самыя лучшія и точныя свѣдѣнія.

— Конечно, ваше высокопреподобіе, конечно, съ готовностью возразилъ молодой человѣкъ. Въ этомъ отношеніи вы можете на меня положиться, я вамъ разскажу все, что я знаю. Такъ пойдемте же, меня влечетъ туда непреодолимое желаніе взглянуть на мою бѣдную несчастную Юлію. О, Боже мой, въ какомъ состояніи я ее увижу!

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана платокъ и быстро утеръ имъ глаза.

Затѣмъ, взявъ за руку аббата, онъ пошелъ съ нимъ черезъ площадь.

Нѣсколько минутъ спустя площадь покинули и остальные участники торжества и или разошлись по ближайшимъ улицамъ, или отправились по домамъ.

VI.

Вѣсть о гнусномъ преступленіи быстро облетѣла весь городъ и всѣхъ поразила. Вездѣ встрѣчались озадаченныя,

тревожныя лица; на всѣхъ улицахъ собирались кучки людей, толковавшихъ о происшествіи и жалѣвшихъ о несчастномъ семействѣ, заслужившемъ всеобщую любовь.

Людовикъ-Флорентинъ де-Минсъ-Фонбаррэ былъ родомъ изъ Намура, обучался часовому мастерству, затѣмъ отправился путешествовать для необходимаго усовершенствованія, и наконецъ, въ 1733 году, поселился въ Авиньонѣ и женился. Счастье ему улыбнулось на столько, что онъ имѣлъ возможность, благодаря своему усердію и скромной жизни, составить себѣ довольно значительное состояніе. Спустя два года послѣ женитьбы, его жена обрадовала его рожденіемъ сына, а черезъ пять лѣтъ и дочери. Вторая дочь, мертворожденная, стоила жизни матери. Это было единственное несчастіе, постигшее Минса, но для него оно было такъ тяжело, что надолго подѣйствовало угнетающимъ образомъ и на его душу, и на здоровье. Онъ слишкомъ любилъ жену и никогда не могъ забыть ее. Съ того самаго дня, какъ она закрыла глаза, онъ, бывшій до того человѣкомъ веселаго нрава и свѣтлаго настроенія духа, совсѣмъ перемѣнился, повидимому, навсегда отказался отъ всѣхъ радостей и удовольствій этого міра, и всѣ свои помышленія направилъ на одну цѣль—посвятить себя наилучшему воспитанію дѣтей. Онъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ предложеній вступить во второй бракъ, потому что никакъ не могъ забыть своей жены. Затѣмъ его пугала мысль, что у его дѣтей будетъ мачиха; онъ былъ убѣжденъ, что ему не найти женщины, которая могла бы любить его, ради его самого, а не ради его состоянія, и въ то же время такъ искренно любить его дѣтей, какъ своихъ собственныхъ. Минсу приходило на умъ, что ему нерѣдко, можетъ быть, придется подвергаться большимъ непріятностямъ и защищать отъ жены дѣтей. Поэтому онъ счелъ за лучшее отказаться отъ сомнительнаго счастья, и весь запасъ своей любви и нѣжности посвятилъ сыну и дочери, не поступаясь этими чувствами

въ пользу чуждой ему женщины. Итакъ, онъ сталъ жить съ тѣхъ поръ только для своихъ дѣтей и дѣлилъ свое время между работой и молитвой, посѣщая церковь такъ часто, какъ только ему позволяли его занятія: единственный отдыхъ доставляла ему охота. Впрочемъ, весьма строгій въ исполненіи составленныхъ себѣ правилъ жизни, онъ никогда не допустилъ-бы, чтобы его дѣти не исполняли какого-нибудь предписанія римско-католической церкви.

Ко времени нашего разсказа сыну часовщика было двадцать-три года, а дочери восемнадцать. Первый, по имени Іосифъ, былъ красивый и стройный молодой человѣкъ, совершенно походившій на отца и наружностью, и характеромъ. Юлія-же, напротивъ, походила больше на покойную мать, отъ которой къ ней перешла кротость и любезность. Впрочемъ, она была первоклассной красавицей, и многіе юноши страстно желали имѣть ее своею женой, отказываясь даже отъ значительнаго приданаго, на которое она могла отъ отца разсчитывать. Когда пронесся слухъ, что эта прекрасная дѣвушка предназначена счастливцу Дюбуру, часовой мастеръ былъ заваленъ множествомъ безъимянныхъ писемъ, представлявшихъ Дюбура въ высшей степени легкомысленнымъ и даже развратнымъ человѣкомъ, и умолявшихъ Минса отмѣнить рѣшеніе, исполненіе котораго будетъ имѣть послѣдствіемъ несчастіе его дочери. Часовщикъ прочелъ только два или три письма; убѣдившись, что во всѣхъ прочихъ говорится о томъ-же, онъ сталъ бросать ихъ въ огонь. Но авторы этихъ писемъ все-таки достигли своей цѣли, и ихъ предостереженія не остались безъ вниманія. Были ли содержавшіяся въ письмахъ обвиненія Дюбура основательны или нѣтъ, Минсъ все-таки рѣшился быть осторожнымъ, исподтишка слѣдить за образомъ жизни молодаго человѣка и тщательно изучить его характеръ, прежде чѣмъ вручить ему ту, которая, наравнѣ съ сыномъ, была ему дороже всего на свѣтѣ. Разумѣется, онъ принялъ въ уваженіе и мнѣніе о Дюбурѣ самой Юліи,

такъ что, въ концѣ концовъ, этому послѣднему оставалось меньше надежды стать зятемъ Минса, чѣмъ онъ воображалъ. Но, можетъ быть, его предположеніе все-таки осуществилось бы, потому что непринужденное обращеніе молодаго кутилы, его неистощимая веселость, ключемъ бьющее остроуміе остались не безъ вліянія на отца Юліи, и заставляли его мягче относиться къ недостаткамъ Дюбура, чѣмъ бы это слѣдовало.

Такъ какъ самъ онъ о своихъ планахъ насчетъ замужества Юліи ничего не сообщалъ своему другу Альмарику, то никому, кромѣ Дюбура, не было извѣстно, на чемъ собственно остановились дѣла. Этотъ послѣдній, хотя и питалъ очень слабую надежду, тѣмъ не менѣе не упускалъ никакого случая, чтобы не разсказать о своемъ сватовствѣ.

Кромѣ сына и дочери, въ семьѣ часовыхъ дѣлъ мастера проживала еще хорошенькая и дѣловитая дѣвушка, на которой лежали второстепенныя обязанности по хозяйству. Эта семнадцатилѣтняя дѣвушка, два года тому назадъ, потеряла своихъ родителей и нашла пріютъ у Минсовъ. Она всегда очень хвалила своихъ хозяевъ, не отзывалась о нихъ иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ, и въ разговорѣ съ пріятельницами говорила неодобрительно только о томъ, что домъ часовщика очень походитъ на монастырь.

Итакъ, въ домѣ жило четверо, считая въ томъ числѣ и главу семейства, молва же говорила, что убиты только трое. Слѣдовательно одинъ изъ нихъ избѣжалъ общей участи; во всякомъ случаѣ, его не было въ то время, когда совершилось убійство, на мѣстѣ преступленія случайно, а можетъ быть и умышленно, чтобы убійцѣ легче было справиться. Кого-же могло не оказаться кромѣ прислуги? Вѣроятно она спросилась и получила позволеніе провести эту ночь не дома. Для чего она это сдѣлала—неизвѣстно. Но это наводило на мысль, что она дѣйствовала за-одно съ убійцей, бывшимъ, можетъ быть, ея возлюбленнымъ.

Такъ думали люди, еще ничего вѣрнаго не знавшіе о преступленіи, и полагали, что они уже напали на вѣрный слѣдъ убійцы, не удостовѣрившись напередъ, не была-ли дѣвушка въ числѣ убитыхъ. Толпа всегда готова опрометчиво судить, рядить и выводить заключенія, не заботясь о послѣдствіяхъ, или не взвѣшивая тщательно факты. Поговорка, что «гласъ народа, гласъ Божій», рѣдко оправдывается, и столько-же невѣрной она оказалась и тутъ. Вскорѣ стало извѣстно, что рука убійцы пощадила не прислугу.

Убійство заразъ трехъ людей, конечно, во всякое время вещь въ высшей степени прискорбная, но когда эти люди пользовались уваженіемъ цѣлаго города, то такое гнусное дѣло составляетъ общественное бѣдствіе. Убѣдившись, послѣ первыхъ горестныхъ извѣстій, что подозрѣвали невинную, всякій спрашивалъ своего сосѣда: «кто-же убійца? и кому-же удалось спастись?» Ни у кого не хватило духа отвѣчать на эти вопросы. Вообще какъ раскрылось преступленіе? Насчетъ этого послѣдняго вопроса недолго оставались въ неизвѣстности. Не прошло и часа, какъ всѣ узнали, что о случившемся первый далъ знать столяръ Альмарикъ. Этотъ достойный человѣкъ цѣлый день не могъ избавиться отъ страшнаго предчувствія, что съ его сосѣдомъ и пріятелемъ случилось что нибудь необычайное, такъ какъ въ окнахъ его дома никого не было видно, и въ теченіе цѣлаго дня двери не отворялись ни разу. Однако, Альмарикъ рѣшился подождать до полдня, чтобы какъ нибудь удостовѣриться, не отправились ли сосѣди въ самомъ дѣлѣ въ какое нибудь путешествіе, какъ предполагала утромъ его дочь. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы они взяли прислугу съ собой и оставили домъ безъ всякаго надзора. Было уже три часа по-полудни, когда столяръ направился къ дому своего сосѣда, и несмотря на стукъ, ему не отворилъ никто. Онъ убѣдился, что заперты были и переднія и заднія двери. Тогда онъ поспѣшилъ къ полицейскому коммиссару этой части го-

рода и настоялъ на томъ, чтобы войти въ домъ при помощи слесаря. Когда они втроемъ вошли въ кухню, дверь въ которую, какъ и во всѣ остальныя комнаты, они принуждены были взломать, то они нашли дѣвушку совершенно раздѣтою и мертвою въ постели. Одѣяло, подушка, все было залито кровью, сочившейся изъ глубокой раны въ груди. При такомъ зрѣлищѣ Альмарикъ чуть не упалъ отъ испуга и ужаса и, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ вслѣдъ за чиновникомъ въ семейную спальню, которую, тѣмъ временемъ, слесарь отворилъ также. Въ ней они нашли, какъ и слѣдовало ожидать, трупы часовщика и его дочери; сына же они нигдѣ не могли отыскать.

Эти подробности успѣли распространиться въ народѣ, бросившемся къ дому столяра, чтобы разузнать дѣло во всей подробности. Этотъ послѣдній принужденъ былъ, наконецъ, запереться и не пускать ни кого, чтобы отдѣлаться отъ безчисленныхъ однихъ и тѣхъ же вопросовъ со стороны любопытныхъ.

Стало быть, говорилось въ толпѣ, сына часовщика нѣтъ среди убитыхъ. Далеко ли тутъ до мысли, что онъ, можетъ быть, и былъ убійцею своего отца? Правда, до сихъ поръ, о молодомъ Минсѣ никто не говорилъ чего нибудь худого; но это какъ-то упустилось изъ вниманія; онъ могъ совершить множество скверныхъ дѣйствій, не дошедшихъ до всеобщаго свѣдѣнія и прикрытыхъ самимъ отцомъ. Можетъ быть, этотъ послѣдній, узнавъ о какой нибудь новой продѣлкѣ своего сына, отказался загладить ее деньгами, или скрыть по прежнему; приведенный этимъ отказомъ въ бѣшенство, Людовикъ Минсъ убилъ отца, а вмѣстѣ съ нимъ сестру и служанку, также знавшихъ о его продѣлкѣ, и сверхъ того ограбилъ отца, чтобы имѣть возможность предаваться своимъ преступнымъ наклонностямъ.

И такъ молодой Минсъ сталъ убійцею и грабителемъ, не удовольствовавшимся одною жертвою, а убившимъ трехъ ли-

дей, изъ которыхъ двое были связаны съ нимъ священными кровными узами! Но преступникъ не разсуждаетъ объ этомъ, лишь бы при помощи своего злодѣянія овладѣть тѣмъ, что дастъ ему возможность жить для удовлетворенія своихъ порочныхъ наклонностей.

Такъ разсуждала толпа и дѣлала свои выводы. Гласъ народа—гласъ Божій! Насколько правъ былъ этотъ голосъ, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго теченія этото разсказа, правдиво составленнаго изъ судебныхъ актовъ. Сначала это было только предположеніе, вскользь высказанное нѣкоторыми лицами, близкими пріятелями Дюбура, но понемногу оно находило все болѣе и болѣе вѣры, и наконецъ чѣмъ дальше разносилось, тѣмъ больше становилось достовѣрнымъ. Такъ какъ люди не боятся самую явную глупость выдавать за истину и отъявленныя небылицы признавать за дѣйствительные факты, то и это предположеніе сочли за вѣроятное, и сначала неопредѣленный слухъ постепенно сдѣлался ужасною достовѣрностью, подвергшею сына всеобщему проклятію. Какъ будто все соединилось для того, чтобы подтвердить эту молву, облечь ее покровомъ истины.

Всѣ наличныя деньги часовщика, его товаръ, состоявшій изъ часовъ, золотыхъ и серебряныхъ, цѣпочекъ, медалей и другихъ дорогихъ вещей, равно какъ и изъ другихъ цѣнныхъ предметовъ — все исчезло. Шкафы и и ящики были взломаны и ограблены; въ сундукѣ не оказалось бѣлья, изъ серебра—всѣхъ сколько нибудь стоющихъ и служащихъ для украшенія вещей. Очевидно преступникъ дѣлалъ все это въ полной безопасности и имѣлъ достаточно времени, чтобы не забыть малѣйшей бездѣлицы; кромѣ того все указывало, что ему очень хорошо были извѣстны и расположеніе комнатъ и мѣста, гдѣ находились цѣнныя вещи. И подозрѣніе, что молодой Миисъ былъ и убійцей, и грабителемъ, стало вслѣдствіе этого обстоятельства несомнѣнною истиною. Еслибы сынъ не былъ виновенъ, то, по

крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ быть тутъ же мертвымъ или живымъ, жертвой или мстителемъ, потому что нельзя было допустить, чтобы это гнусное дѣло, поразившее весь городъ скорбью и ужасомъ, было ему совершенно неизвѣстно.

Власти, съ своей стороны, тоже полагали, что они напали на вѣрный слѣдъ, придавая на этотъ разъ, какъ и всегда, вѣру всеобщей молвѣ. Поэтому, когда преступленіе было открыто, во всѣ стороны были разосланы приказанія объ арестованіи Минса вездѣ, гдѣ бы его ни встрѣтили. Предполагали, что онъ уже покинулъ Венессенъ, тогда еще принадлежавшій къ непосредственнымъ папскимъ владѣніямъ, и отправился въ Марсель, Сетту или другую какую нибудь французскую гавань. Поэтому во всѣ приморскіе города или мѣстечки были посланы курьеры съ описаніемъ примѣтъ молодаго Минса.

Менѣе чѣмъ черезъ два часа послѣ того какъ до властей дошло извѣстіе о преступленіи, курьеры были уже въ пути.

Разсылка сообщеній къ намѣстникамъ сосѣднихъ провинцій была возложена на аббата Сестили. Кончивъ это занятіе, онъ отправился на площадь, гдѣ происходила описанная нами церемонія похоронъ масленицы. Для него не столько важно было заставить народъ разойтись по домамъ, сколько разыскать распорядителя празднества и уговорить его идти съ собою въ домъ убитыхъ. Мы уже видѣли съ какою предупредительностью согласился Дюбуръ на предложеніе своего духовнаго отца.

Обоимъ имъ стоило не малаго труда проложить себѣ дорогу сквозь густыя толпы народа, запрудившаго всѣ улицы, по которымъ имъ было нужно идти. Масса находилась въ страшномъ возбужденіи и направлялась къ мѣсту преступленія, изливая свою ярость въ безчисленныхъ проклятіяхъ и поношеніяхъ предполагаемому убійцѣ. Такъ, въ то самое

время, какъ Сестили и его спутникъ проходили мимо кучки ремесленниковъ и рабочихъ, одинъ изъ нихъ кричалъ своему товарищу:

— Да, да, ты совершенно правъ! Это онъ и есть убійца, и никто другой! Я сейчасъ же подумалъ объ этомъ!

Дюбуръ, полагавшій, что эти слова относятся къ нему, быстро обернулся къ говорившему и, смѣривши его сверкавшими гнѣвомъ глазами, спросилъ запальчиво:

— Почему это вы такъ увѣрены, что я убійца? Какія у васъ на это доказательства? Сейчасъ же отвѣчайте, иначе я...

Конецъ его рѣчи былъ прерванъ и заглушенъ ремесленникомъ, воскликнувшимъ:

— Съ чего это вы выдумали, г. Дюбуръ? Развѣ я говорилъ, что это вы? Я говорю о Минсѣ, а не о васъ!

— Ну да,—отвѣчалъ Дюбуръ, нѣсколько успокоившись. Это, конечно, другое дѣло.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ дальше, чтобы догнать аббата Сестили, ушедшаго впередъ и ничего не слыхавшаго изъ этого разговора, затерявшагося въ шумѣ и гамѣ толпы.

Но такъ какъ оба ремесленника шли по тому же направленію и недалеко отъ Дюбура, то въ случайную минуту затишья аббатъ ясно разслышалъ слова, которыми оба они обмѣнялись.

— Странно однако-же, что Дюбуръ принялъ мои слова на свой счетъ, хотя я и не поминалъ его имени!

— Ну вотъ, это вышло просто пустяшное недоразумѣніе, засмѣялся другой, оттого, что Дюбуръ какъ разъ проходилъ мимо.

— Что это говорятъ о васъ? — спросилъ тихонько аббатъ молодаго человѣка. — Они сейчасъ назвали васъ по имени.

— Не знаю, ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ съ нѣкоторой досадой Дюбуръ, разсердившись на замѣчаніе, кото-

рос онъ понялъ. Выйдемте поскорѣе изъ этой суматохи, прибавилъ онъ поспѣшно, прибавивъ шагу и слегка увлекая за собою аббата.

Послѣдній болѣе не разспрашивалъ и, казалось, раздѣлялъ мнѣніе своего спутника, потому что согласился съ его желаніемъ. Оба пошли далѣе молча и чрезъ нѣсколько минутъ достигли цѣли своего путешествія.

VII.

Въ залѣ, рядомъ съ магазиномъ часовщика, на столѣ лежало три трупа. Два выходившія на улицу окна были закрыты изнутри гардинами, самая зала освѣщалась восковыми свѣчами, бросавшими яркій свѣтъ па лица покойниковъ. Лютая смерть нисколько не измѣнила черты часоваго мастера; казалось, его застали врасплохъ спящимъ. Напротивъ трупъ дочери представлялъ совсѣмъ другой видъ. Черты лица молодой дѣвушки были страшно искажены, казалось; онѣ выражали тоску, ужасъ и отчаяніе, и руки были сжаты въ кулакъ какъ будто между нею и убійцей происходила ожесточенная, отчаянная борьба. На ея шеѣ ясно виднѣлось нѣсколько кровяныхъ подтековъ и отпечатковъ, какъ будто шея дѣвушки была обхвачена руками убійцы, старавшагося задушить ее, глубоко вонзивши въ тѣло ногти и оставивъ на шеѣ отпечатки. Но Юлія умерла не отъ задушенія, а, подобно отцу и служанкѣ, была убита ножомъ.

Вокругъ стола, на которомъ лежали трупы, стояли лучшіе врачи города, которые должны были произвести осмотръ, и члены папскаго уголовнаго судилища.

Когда явился генералъ-прокуроръ, аббатъ Сестили, всѣ присутствовавшіе встали со своихъ мѣстъ со знаками глубочайшаго почтенія; это была почесть, воздаппая не столько его сану, сколько его личному достоинству.

Дюбура же, хотя его и очень хорошо знали, привѣтствовали, правда, вѣжливо, но холодно и нѣсколько свысока; въ немъ видѣли только свидѣтеля, отъ котораго въ правѣ требовать нѣсколько интересныхъ, относящихся къ дѣлу показаній.

Занявъ свое мѣсто, аббатъ обратился къ Помору, извѣстнѣйшему хирургу въ городѣ и спросилъ его:

— Изслѣдовали ли вы, милостивый государь, этихъ трехъ несчастныхъ? Что вы нашли у нихъ? Нельзя-ли передать намъ добытыя вами о нихъ свѣдѣнія?

Спрошенный слегка поклонился сѣдобородому священнослужителю и, обратившись къ собранію, сталъ говорить:

— Милостивые государи! Вслѣдствіе требованія высокодостопочтеннаго судилища, чтобы мы высказали свое мнѣніе по поводу трехъ убійствъ, коихъ достойныя всякаго сожалѣнія жертвы мы видимъ передъ собою, мы всѣ пришли, касательно способа, коимъ совершено преступленіе, къ тому заключенію, что смерть этихъ трехъ особъ причинена посредствомъ рѣжущаго орудія, а именно такъ называемаго скотобойнаго ножа. Ошибка въ этомъ отношеніи невозможна. Но это еще не все. Я и мои сотоварищи въ отношеніи дочери согражданина нашего Минса открыли новое преступленіе, которое омерзительнѣе тройнаго убійства.

Онъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ.

Дюбуръ, внимательно слѣдившій за словами знаменитаго хирурга, быстро вскочилъ со своего мѣста и воскликнулъ въ смущеніи:

— Какъ, милостивый государь? Новое преступленіе, и надъ бѣдной Юліей? Что же это такое?

— Тише, г. Дюбуръ! остановилъ его предсѣдатель строгимъ голосомъ. Вы должны только слушать, а не задавать вопросовъ.

Молодой человѣкъ молча снова занялъ свое мѣсто. Но

можно было замѣтить, что его покоробило отъ полученнаго выговора.

— Можно просить васъ продолжать? обратился предсѣдатель къ хирургу.

Этотъ послѣдній поспѣшилъ исполнить требованіе.

— Трупъ убитой мы подвергли тщательному изслѣдованію, говорилъ онъ, и это изслѣдованіе доставило намъ неоспоримое доказательство, что убійца, передъ тѣмъ какъ убить свою жертву, изнасиловалъ ее. Несчастная старалась защититься отъ нападенія, но преступникъ сжалъ ей горло, что доказывается видимыми на немъ темносиними пятнами и отпечаткомъ ногтей. Вслѣдстіе этого она пришла въ безсознательное состояніе, и гнусный злодѣй легко привелъ въ исполненіе свое омерзительное намѣреніе.

Крикъ сильнѣйшаго негодованія, величайшаго отвращенія вырвался у всѣхъ присутствующихъ, и подобно электрической искрѣ перешелъ къ собравшемуся на улицѣ народу, который не подозрѣвая истинной причины этого крика, думалъ, что въ домѣ нашли четвертый трупъ и по этому поводу разразился также криками.

Одинъ изъ находившихся въ залѣ полицейскихъ чиновниковъ вышелъ изъ дома и сообщилъ толпѣ о результатахъ изслѣдованія. Бѣшеный крикъ и взрывъ негодованія противъ убійцы послѣдовалъ за этимъ неосторожнымъ сообщеніемъ:

— Гдѣ онъ? Пусть назовутъ намъ его, мы его найдемъ и сами съ нимъ расправимся! кричалъ одинъ гражданинъ.

— Разумѣется! кричалъ другой. Тѣ, что сидятъ въ домѣ, въ концѣ концовъ опять выпустятъ его!

— Правосудіе!

— Смерть убійцѣ!

— Выдайте намъ его! Мы изрубимъ его въ мелкіе куски!

— Онъ долженъ трижды умереть, потому что убилъ трехъ человѣкъ!

— Да, да, ведите его сюда, мерзавца!

Такъ вопила, кричала, бушевала разноголосная толпа. Напрасно полицейскій старался успокоить возбужденные умы: его не слушали.

Шумъ на улицѣ дошелъ наконецъ до того, что въ залѣ ничего нельзя была разслышать.

Аббатъ Сестили нашелся вынужденнымъ отворить окно и обратиться къ народу. Махнувъ рукой онъ возстановилъ тишину, и таково было уваженіе къ набожному старцу, что тотчасъ же воцарилась почти торжественная тишина.

— Любезные братья, говорилъ аббатъ, мы еще не знаемъ навѣрное, кто совершилъ всѣ эти ужасныя преступленія; но повѣрьте моему слову, какъ скоро отвратительный злодѣй попадетъ въ руки правосудія, онъ будетъ осужденъ. И это осужденіе будетъ не легкое, ибо какъ страшно было его преступленіе, такъ же страшно будетъ и его наказаніе. Каждый изъ насъ, высокаго или низкаго состоянія, богатый или бѣдный, обязанъ передъ лицомъ этихъ ужаснымъ образомъ убитыхъ, передъ лицомъ правосудія, употребить всѣ свои старанія, чтобы разыскать злодѣя. Обѣщаете ли вы мнѣ это сдѣлать?

— Да, да! — раздались почти единодушно тысячи голосовъ.

— Прекрасно, любезные друзья, я доволенъ вами, началъ снова аббатъ. Но теперь исполните и другую мою просьбу. Отправьтесь безъ шума домой, или, покрайней, мѣрѣ стойте спокойно. Вашъ крикъ и шумъ затрудняютъ разслѣдованіе преступленія и не даютъ намъ возможности посовѣтоваться о томъ, какъ отыскать слѣды убійцы. Итакъ, возвратитесь домой; быть можетъ, Всемогущій поможетъ намъ скоро до-

стигнуть своей цѣли. А до тѣхъ поръ, да хранитъ васъ Богъ, друзья мои.

Громкое браво было отвѣтомъ на эту рѣчь, и аббатъ закрылъ окно.

Большинство послѣдовало совѣту достойнаго старца и отправилось домой. Остальные стояли кучками и только шептались.

Когда аббатъ Сестили закрылъ окно, засѣданіе въ гостинной убитаго мастера опять возобновилось.

Дюбуръ попросилъ предсѣдателя дозволить ему сдѣлать относящееся къ дѣлу замѣчаніе.

— Говорите, милостивый государь,—отвѣчалъ предсѣдатель.

— Я разскажу вамъ все,—началъ молодой человѣкъ,— и думаю, что мои показанія могутъ послужить къ открытію преступника. Господинъ докторъ Помаръ только что сообщилъ, что Юлія—мамзель Юлія Минсъ, была изнасилована. Если это дѣйствительно такъ, то я болѣе не сомнѣваюсь. кто совершилъ всѣ эти ужасныя злодѣянія... Я его знаю...

— Назовите его!—крикнули всѣ присутствовавшіе.

— Но, берегитесь, милостивый государь, заподозрить невиннаго! Помните, что свое показаніе вы должны будете подтвердить присягою!—сказалъ предостерегающимъ тономъ предсѣдатель, почему-то чуствовавшій къ Дюбуру антипатію.

— Я это помню, милостивый государь,—отвѣчалъ гордо Дюбуръ;—но я слишкомъ твердо увѣренъ, чтобы имѣть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что мое подозрѣніе падетъ не на невиннаго. Итакъ, преступникъ—Іосифъ Минсъ, собственный сынъ убитаго. Да, милостивые государи, въ такомъ важномъ дѣлѣ я вынужденъ, какъ ни тяжело это для меня, подавить всякое чувство дружбы. Правосудіе прежде всего; это моя обязанность передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

мнѣ повелѣваетъ это и Богъ, и моя собственная совѣсть; я долженъ говорить, я долженъ исполнить свой долгъ.

Это самоувѣщаніе было встрѣчено всеобщимъ молчаніемъ. Только предсѣдатель, подававшій знаки нетерпѣнія, вслѣдствіе многорѣчивости молодаго человѣка, воскликнулъ съ досадой.

— Избавьте насъ отъ этихъ прекрасныхъ фразъ, милостивый государь, и говорите, наконецъ, дѣло! Какія у васъ доказательства, что виновникъ—Іосифъ Минсъ?

— Вы увидите это изъ моего показанія, милостивый государь,—отвѣчалъ холодно Дюбуръ, и затѣмъ, обратившись къ собранію, тотчасъ-же продолжалъ:—да, милостивые государи, съ той самой минуты, какъ я услышалъ изъ устъ высокопочтеннаго господина аббата Сестили объ этихъ гнусныхъ дѣяніяхъ, мое подозрѣніе пало на Іосифа Минса, котораго я еще вчера считалъ за своего лучшаго друга и съ которымъ я въ своемъ ослѣпленіи думалъ соединиться еще болѣе крѣпкими узами. Да и кому могло придти въ голову, что молодой человѣкъ вдругъ начнетъ свое преступное поприще съ убійства отца, сестры и служанки? Но теперь я, сначала не вѣрившій въ это тройное злодѣяніе, убѣдился въ немъ, когда услыхалъ, что дѣвушка передъ убійствомъ была изнасилована. Именно это преступленіе и превратило мое подозрѣніе въ увѣренность, что виновный—никто иной, какъ Іосифъ Минсъ.

— Изъ чего-же вы это заключаете, милостивый государь?—спросилъ недовѣрчиво предсѣдатель, когда Дюбуръ остановился, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвело на слушателей его сообщеніе.

— Изъ его признаній,—отвѣчалъ спокойно молодой человѣкъ.—Онъ, игравшій передъ свѣтомъ роль добродѣтельнаго героя и часто бранившій меня за мои веселыя похожденія, такъ что и я считалъ его за самаго добродѣтельнаго и религіознаго человѣка, мѣсяца три тому назадъ поразилъ меня

откровеннымъ признаніемъ, что онъ чувствуетъ къ сестрѣ преступную склонность. Отправлялись ли мы съ нимъ на прогулку, или находились гдѣ-нибудь наединѣ, мой бѣдный, заблудшій другъ только и твердилъ о своей любви къ сестрѣ, о томъ, что эта несчастная страсть не давала ему никакого покоя и что онъ, во чтобы то ни стало, долженъ удовлетворить ее. Сначала я смѣялся надъ нимъ, такъ какъ я обыкновенно все принимаю въ видѣ шутки, но это его очень сердило. Тогда я постарался эту противоестественную страсть въ немъ побороть нравственными и религіозными увѣщаніями. Но всѣ мои старанія оказались безплодными, я проповѣдывалъ глухому, и вмѣсто того, чтобы утихнуть, страсть этого холерическаго, дикаго, неукротимаго человѣка, не понимавшаго всей преступности своей склонности, возгорѣлась еще болѣе. Наконецъ, онъ дошелъ даже до того, что сталъ дѣлать цѣломудренной Юліи безстыдныя предложенія, о чемъ мнѣ эта послѣдняя и призналась вся въ слезахъ, когда я встрѣтилъ ее, однажды, необыкновенно блѣдною и съ красными отъ слезъ глазами, и спросилъ о причинѣ ея огорченія.

Въ эту минуту аббатъ Сестили, съ явнымъ вниманіемъ слѣдившій за разсказомъ свидѣтеля вмѣстѣ съ другими находившимися въ залѣ, взялъ изъ своей табакерки щепотку табаку и уставился на ея крышку, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать, когда что нибудь казалось ему не совсѣмъ вѣроятнымъ.

Дюбуръ нисколько не смутился этимъ молчаливымъ знакомъ сомнѣнія въ правдивости его разсказа, и очень спокойно продолжалъ:

— Я счелъ, наконецъ, за лучшее средство исцѣлить своего друга отъ его несчастной страсти тѣмъ, что разсказалъ объ этомъ его отцу. Бѣдному человѣку сообщеніе показалось до того чудовищнымъ, что онъ сначала не хотѣлъ мнѣ и вѣрить. Лишь только тогда, когда онъ спросилъ объ этомъ дочь, и эта послѣдняя подтвердила все то, что я ему пе-

редалъ, онъ убѣдился, и съ этой поры сталъ придумывать, какъ-бы удалить отъ дочери обезумѣвшаго сына. Вслѣдствіе этого между Іосифомъ и раздраженнымъ отцомъ дошло до крайне бурной сцены, окончившейся тѣмъ, что первый оставилъ отеческій кровъ съ намѣреніемъ лишить себя жизни, однако не сдѣлалъ этого, и въ тотъ-же день вернулся къ отцу и на колѣняхъ просилъ у него прощенія. Отецъ простилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ подавилъ въ себѣ преступную страсть и постарался исправиться.

— Когда это случилось?—спросилъ предсѣдатель разсказчика. Безъ сомнѣнія, вы можете въ точности припомнить тотъ день, когда Іосифъ Минстъ хотѣлъ лишить себя жизни?

Дюбуръ, никакъ не ожидавшій такого вопроса, видимо смутился.

— По чести,—отвѣчалъ онъ запинаясь, я не могу сказать этого въ точности.

— Гм, замѣтилъ предсѣдатель, и на его губахъ заиграла ироническая улыбка,—такого рода необыкновенныя происшествія не такъ-то легко забываются, особенно когда—какъ въ данномъ случаѣ—играетъ роль нашъ закадычный другъ. Кромѣ того, о васъ идетъ слава, что у васъ превосходная память.

— Ваша правда, господинъ совѣтникъ, поспѣшно отвѣчалъ Дюбуръ, тѣмъ временемъ успѣвшій овладѣть собою, и я прошу извиненія въ оплошности со стороны моей памяти. Но она очень понятна, и причиной тому страшное возбужденіе, въ которое меня повергла смерть этихъ столь дорогихъ моему сердцу людей и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное преступленіе моего друга. Но меня извиняетъ еще и другое обстоятельство. Въ самомъ дѣлѣ, обладая превосходною памятью во всѣхъ отношеніяхъ, я въ то же время не способенъ запоминать ни именъ, ни чиселъ. Поэтому...

— Хорошо, милостивый государь, опять прервалъ его

предсѣдатель, избавьте насъ отъ этихъ объясненій и, пожалуйста, переходите къ дѣлу.

— Столкновеніе между отцомъ и сыномъ, началъ опять Дюбуръ, произошло надо полагать, 10, 11 или 12 декабря. Вотъ все что я могу сказать относительно времени. Г. Минсъ зналъ однако же своего сына слишкомъ хорошо, и былъ убѣжденъ, что его раскаяніе не чистосердечно. Поэтому, чтобы лишить сына всякой возможности питать свою нечистую страсть, онъ предложилъ мнѣ руку своей дочери. Такъ какъ я давно уже всѣмъ сердцемъ любилъ Юлію и былъ увѣренъ во взаимности—дѣвушка призналась однажды, что я былъ для нея очень дорогъ—то я съ радостью ухватился за это предложеніе. Въ согласіи со стороны Юліи я ни сколько не сомнѣвался. Но, къ сожалѣнію, я ошибся. Изъ страха ли передъ братомъ, или по другимъ, мнѣ неизвѣстнымъ, причинамъ, но она упорно отказывалась отдать мнѣ свою руку. Я рѣшился ждать терпѣливо того времени, когда Юлія станетъ уступчивѣе. Но за это время преступная склонность моего друга къ своей сестрѣ не только не утихла, но еще усилилась. Очутившись однажды въ комнатѣ наединѣ съ дѣвушкой, онъ рѣшился сдѣлать на нее безственное покушеніе.

Не будучи въ силахъ освободиться отъ полупомѣшаннаго, она громко закричала. На ея крикъ прибѣжалъ отецъ и засталъ дѣтей своихъ въ положеніи, отъ описанія котораго, милостивые государи, я изъ благопристойности отказываюсь. Довольно того, что г. Минсъ поспѣлъ во время, чтобы помѣшать совершиться преступленію самому гнусному, какое вы можете себѣ представить. Со слезами на глазахъ, съ пылающими отъ стыда щеками, Юлія бросилась вонъ изъ комнаты, между тѣмъ какъ между отцомъ и сыномъ произошла страшная сцена. Вслѣдствіе этого Іосифъ отыскалъ меня и сказалъ: «отецъ проклялъ меня и хочетъ выгнать изъ дома, чтобы я никогда не видалъ ни его, ни Юлію.

Но я не могу и не хочу жить безъ нея, и если я уйду отсюда, то горе всѣмъ тѣмъ, кто меня повергъ въ несчастіе, горе и мнѣ самому! Если меня насильно заставляютъ совершить преступленіе, кто же тогда виноватъ? Пусть будетъ такъ! Они хотятъ, чтобъ я сталъ преступникомъ—да будетъ ихъ воля!»—«Что такое случилось?» спросилъ я, поблѣднѣвъ отъ ужаса. Но сколько я не приставалъ къ нему съ разспросами, я не могъ ничего болѣе отъ него добиться.

— Вамъ слѣдовало тотчасъ же сообщить обо всемъ этомъ властямъ, замѣтилъ предсѣдатель строго, когда молодой человѣкъ замолчалъ. Это могло бы предупредить преступленіе.

Аббатъ Сестили, казалось, также былъ недоволенъ поведеніемъ своего духовнаго сына, потому что укоризненно сказалъ:

— По крайней мѣрѣ на исповѣди вы должны были бы намекнуть мнѣ о заблужденіяхъ вашего друга, сынъ мой. Съ Божьей помощью мнѣ, можетъ быть, посчастливилось бы исцѣлить его отъ этой роковой страсти.

Дюбуръ, какъ бы пристыженный, опустилъ голову и отвѣчалъ, не поднимая глазъ:

— Признаюсь чистосердечно, что я заслуживаю этотъ упрекъ, и я самъ уже укорялъ себя въ этомъ. Но мнѣ и въ голову не приходило, что Іосифъ можетъ быть преступникомъ и считалъ слова его за пустыя угрозы. Да и отецъ его, сообщивъ мнѣ о покушеніи, просилъ не говорить объ этомъ ни кому. Правда, еслибы я зналъ, что... О Боже мой!

Рыданія не дали договорить ему; онъ вынулъ платокъ и вытеръ себѣ глаза.

— Гмъ, это дѣло другое и служитъ къ вашему извиненію, сказалъ предсѣдатель нѣсколько смягченный и тронутый горемъ молодаго человѣка. Когда Іосифъ Минсъ приходилъ къ вамъ и дѣлалъ вамъ свое безумное признаніе?

— Три дня тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Но это впрочемъ и все, что я могу сказать о немъ.

Все собраніе было въ высшей степени поражено всѣмъ тѣмъ, что оно услышало отъ Дюбура. Никто не вѣрилъ въ возможность подобнаго преступленія. Въ виду такихъ подавляющихъ фактовъ, врядъ ли можно было сомнѣваться, что не Іосифъ Минсъ сдѣлалъ это гнусное дѣло. То обстоятельство, что онъ исчезъ, придало тяготѣвшему на немъ подозрѣнію полную достовѣрность.

— Не можете ли вы сказать, въ которую сторону бѣжалъ молодой Монсъ? снова обратился предсѣдатель къ Дюбуру.

— Къ сожалѣнію, не могу, отвѣчалъ этотъ послѣдній. Впрочемъ, продолжалъ онъ, немного подумавъ, я припоминаю, что онъ нерѣдко говорилъ мнѣ, что въ Марсели легко сѣсть на корабль и уѣхать. Поэтому, хоть я и не ручаюсь за свое мнѣніе, я думаю, что онъ нашелъ убѣжище въ Испаніи.

Предсѣдатель и аббатъ Сестили стали тихо совѣщаться между собою.

Во время наставшаго вслѣдствіе этого молчанія Дюбуръ подошелъ къ трупу Юліи и поднявъ платокъ, которымъ была прикрыта обнаженная грудь молодой дѣвушки, казалось внимательно разсматривалъ рану.

— Ахъ, милостивые государи, началъ онъ затѣмъ снова, еслибы оставалось еще малѣйшее сомнѣніе насчетъ виновности моего прежняго друга, то теперь оно совершенно устраняется. Изслѣдуйте эту рану, она нанесена не обыкновеннымъ убійцей. Всѣ здѣсь присутствующіе свѣдующіе люди должны сознаться, что этотъ презрѣнный отлично зналъ устройство человѣческаго тѣла. Іосифъ учился со мною хирургіи въ Парижскомъ Отель-Дье. Онъ убилъ сестру однимъ ударомъ, поразившимъ въ самое сердце. Такъ какъ смертоносное оружіе проникло сверху внизъ, то кровь излилась въ грудь, подавила безжизненный крикъ и не обрызгала

убійцу. Такимъ же образомъ ударилъ онъ отца, только у служанки онъ направилъ оружіе инымъ образомъ.

Доктора еще разъ осмотрѣли рану и всѣ согласились съ мнѣніемъ молодаго человѣка; они даже высказали удивленіе, что не замѣтили этого обстоятельства.

Аббатъ Сестили, уже пославшій увѣдомленіе къ намѣстнику Прованса, далъ теперь курьеру порученіе сейчасъ же отправиться въ Марсель и войти въ соглашеніе съ властями этого города о задержаніи Іосифа Минса, если это еще не поздно.

Затѣмъ всѣ находившіеся въ залѣ, въ томъ числѣ и Дюбуръ, подписались на протоколѣ и разошлись.

VIII.

На слѣдующій день, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, было совершено торжественное погребеніе всѣхъ трехъ достойныхъ всякаго сожалѣнія жертвъ. Ихъ сопровождали всѣ жители города, моля Бога о томъ, чтобы отвратительный убійца попалъ какъ можно скорѣе въ руки правосудія.

Непосредственно позади печальной похоронной процессіи шелъ Дюбуръ и, повидимому, никакъ не могъ совладать со своимъ горемъ, потому что постоянно вытиралъ глаза носовымъ платкомъ; шедшіе передъ нимъ носильщики неоднократно слышали вырывавшіяся у него слова самого горькаго отчаянія:

— Боже мой, Боже мой, какому испытанію подвергаешь ты меня!... О моя бѣдная, несчастная Юлія, теперь я навсегда потерялъ тебя!... Будь проклятъ, презрѣнный убійца, называвшійся моимъ другомъ и похитившій у меня самое милое, самое дорогое существо! Будь проклятъ, и тысячу разъ проклятъ!... Ахъ, чѣмъ я заслужилъ такое ужасное наказаніе?

— Бѣдный малый, сказалъ одинъ носильщикъ тономъ сожалѣнія своему товарищу, онъ должно быть крѣпко любилъ ее!

— Ба! отвѣчалъ другой. Это горе только на первыхъ порахъ. Онъ ее скорехонько забудетъ. Сколько разъ видалъ я это на другихъ на своемъ вѣку, и съ нимъ будетъ тоже.

Слѣдомъ за Дюбуромъ шелъ столяръ Альмарикъ со своею женою и дочерью. Его горе было можетъ быть истиннѣе, глубже, чѣмъ у молодаго человѣка, хотя онъ и не выставлялъ его напоказъ, а шелъ себѣ, съ поникшей головой и ни одной слезы не блестѣло на его рѣсницахъ.

Достойный столяръ и его семья слышали также слова Дюбура. Альмарикъ только качалъ головою, а дочь его шептала на ухо матери:

— Лицемѣръ! Его горе не настоящее, иначе онъ не сталъ бы говорить такъ громко, чтобы его слышали люди. Онъ ни коимъ образомъ не могъ разсчитывать когда нибудь жениться на Юліи. Ты можешь мнѣ повѣрить, матушка, потому что я слышала это отъ самой Юліи.

Мать ничего не отвѣчала и только кивнула дочери въ знакъ того, что поняла ее и согласна съ ея мнѣніемъ.

— И кромѣ того, онъ обвиняетъ Іосифа въ гнусномъ преступленіи, мерзавецъ! горячилась молодая дѣвушка. Кто знаетъ, можетъ быть онъ самъ...

— Во имя Пресвятой Дѣвы, молчи, дочка! прошептала испуганная мать. Какъ можно высказывать такія догадки! Ну, если кто услышитъ? Молчи, молчи, не говори больше ни слова, пожалуйста, Августа!

Молодая дѣвушка не смѣла продолжать, очевидно сама испугавшись того, что въ волненіи и раздраженіи сорвалось у нея съ языка.

Семья Альмарика дѣйствительно не вѣрила въ виновность молодого Минса; вообще они были единственные, которые сомнѣвались въ этомъ. Когда одинъ изъ сосѣдей сообщилъ сто-

ляру о результатѣ совѣщаній и о возникшемъ на Іосифа Минса подозрѣніи, Альмарикъ отвѣчалъ качая головою:

— Какъ? Полагаютъ, что Іосифъ преступникъ? Да это такая нелѣпость, какой я не встрѣчалъ еще въ жизни! Молодой Минсъ, олицетворенная добродѣтель и набожность, зарѣзалъ своего отца, сестру и служанку, да сверхъ того осквернилъ сестру? Невозможно, я этому ни словечка не вѣрю, да и вообще никто этому не повѣритъ, кто его знаетъ также, какъ я. Я никогда не замѣчалъ, чтобы Іосифъ былъ со своею сестрою нѣжнѣе, чѣмъ это брату слѣдуетъ.

— Однако Дюбуръ увѣрялъ, что Іосифъ чувствовалъ къ Юліи сильную страсть, возразилъ сосѣдъ.

— Дюбуръ солгалъ или ошибся! вспылилъ Альмарикъ. Моя дочь была съ Юліей закадычной подругой, она знала всѣ ея тайны, знала бы и объ этой безумной страсти.

— Подобнаго рода вещи обыкновенно не говорятся даже между лучшими пріятельницами. Но допустимъ, что вы правы, развѣ неудивительно, что о молодомъ Минсѣ ни слуху, ни духу?

— Разумѣется, это меня удивляетъ, но на это у меня есть свои соображенія.

— Какія-же? полюбопытствовалъ сосѣдъ.

— Гм, не знаю... но у меня темное предчувствіе, что и съ нимъ случилось несчастіе.

— Развѣ вы думаете, что и онъ зарѣзанъ? Если бы такъ, то гдѣ нибудь нашли бы его трупъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть и найдутъ еще? Но не станемъ, сосѣдъ, придумывать еще худшее. Впрочемъ, мнѣ это и въ голову не приходило. Напротивъ, я думалъ, что Іосифъ, такъ какъ онъ учится въ Парижѣ, ѣхалъ домой, дорогой вдругъ захворалъ и гдѣ нибудь нашелъ такое пристанище, куда не дошелъ еще слухъ о преступленіи.

— По правдѣ сказать, ваши предположенія можетъ быть и справедливы. Но пока онъ не покажется или не будетъ о

немъ вѣстей, его будутъ считать виновнымъ. По крайней мѣрѣ такъ думаетъ цѣлый городъ.

— Да пускай ихъ! Я остаюсь при своемъ мнѣніи и стою за его невинность. Во всякомъ случаѣ онъ скоро дастъ о себѣ вѣсть и докажетъ свою невиновность. Да хранитъ васъ Богъ, сосѣдъ!

Съ этими словами сосѣди разстались.

Альмарикъ ошибся, полагая, что молодой Минсъ скоро отыщется.

Отправленный папскимъ генералъ-губернаторомъ Сестили въ Марсель посолъ черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ вернулся назадъ безъ всякаго успѣха; онъ ничего не могъ разузнать о преступникѣ. Подобнаго же рода извѣстія получались изъ Сетты, Арля и другихъ городовъ: нигдѣ не оказалось человѣка, носящаго примѣты Іосифа Минса.

Самъ папскій легатъ ревностно занимался этимъ дѣломъ и употребилъ всѣ средства, чтобы отыскать слѣды преступника. Винчентини писалъ и парижскому полицiймейстеру Сартину, но получилъ короткій отвѣтъ: «разыскиваемый вами молодой человѣкъ до сихъ поръ не встрѣчался и врядъ ли покажется здѣсь. Ищите, пожалуйста, въ Авиньонѣ».

Его и искали, но тщетно. Все-таки мѣстные розыски властей значительно облегчились тѣмъ, что имъ охотно содѣйствовалъ каждый обыватель. Для всѣхъ было важно поскорѣе отыскать преступника и передать его правосудію. Обысканы были всѣ углы и закоулки, всѣ монастыри и уединенныя мѣста съ самою кропотливою добросовѣстностью, но Минса не находили нигдѣ и, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что онъ давно скрылся изъ Авиньона и нашелъ убѣжище въ Испаніи.

. . . .

Со времени убійства прошло уже два мѣсяца. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля папскій легатъ пригласилъ къ себѣ

во дворецъ на празднество нѣкоторыхъ самыхъ знатныхъ жителей изъ города и окрестностей.

Между гостями находился и знаменитый докторъ изъ Монпелье, лечившій жену часовыхъ дѣлъ мастера во время ея послѣдней болѣзни и стоявшій съ послѣднимъ на дружеской ногѣ. Его глубоко потрясло извѣстіе объ убійствѣ близкой ему семьи, и онъ откровенно высказывалъ это присутствовавшимъ гостямъ. Разговоръ между этими послѣдними вращался, разумѣется, лишь о подробностяхъ преступленія и о невозможности поймать виновнаго; вообще въ Авиньонѣ ни о чемъ больше не толковали.

— Сознаюсь откровенно, мои почтенные собесѣдники,— прибавилъ докторъ,—что сначала я считалъ невозможнымъ, чтобы Іосифъ Минсъ могъ совершить ужасное преступленіе. Но теперь я не сомнѣваюсь въ его виновности.

— А, въ самомъ дѣлѣ?—воскликнули съ разныхъ сторонъ.—Развѣ вы что нибудь узнали, любезный докторъ?

— У васъ, безъ сомнѣнія, есть доказательства его виновности?—спросилъ въ изумленіи одинъ изъ гостей.

— Этого, положимъ, нѣтъ,—возразилъ докторъ,—но я считаю ее весьма вѣроятною, потому что всѣ обстоятельства говорятъ за это. Сегодня я встрѣтилъ нѣкоего Ланглода, который разсказалъ мнѣ все дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Я думаю, что если-бы сынъ убитаго не былъ виноватъ, то онъ долженъ былъ бы явиться, чтобы отмстить за отца и сестру.

— Ланглодъ! Кто это Ланглодъ?—воскликнулъ папскій легатъ, только что подходившій къ группѣ, среди которой находился докторъ.—Я гдѣ-то уже слышалъ это имя, но не помню когда и при какихъ обстоятельствахъ,—прибавилъ онъ задумавшись.

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ докторъ.—Ланглодъ— студентъ, усердно посѣщавшій въ Монпелье въ прошломъ году мои лекціи. По его словамъ,—онъ живетъ въ настоящее время

въ этомъ городѣ,—былъ ближайшимъ другомъ семейства Минсовъ и больше всѣхъ былъ пораженъ его убійствомъ, потому что, намѣревался на дочери...

— Вы ошибаетесь, любезный докторъ,—перебилъ его съ полуулыбкой легатъ,—намъ всѣмъ извѣстно, что мамзель Минсъ была почти-что помолвлена съ Дюбуромъ.

— Извините, ваше высокопреподобіе, если я осмѣлюсь противорѣчить вамъ,—отвѣчалъ докторъ совершенно увѣреннымъ тономъ,—я знаю это отъ самого Ланглода, и такъ какъ молодой человѣкъ мнѣ извѣстенъ за весьма правдиваго, то я и не имѣю никакихъ причинъ сомнѣваться въ его словахъ.

— Гм,—замѣтилъ легатъ,—тогда или Дюбуръ солгалъ, или же онъ и вашъ Ланглодъ, одно и то же лицо.

— Это можетъ быть,—отвѣчалъ улыбаясь докторъ,—но я не знаю никакого студента Дюбура, а Ланглода, и потому долженъ стоять на своемъ.

— Это дѣло легко выяснить,—возразилъ Винчентини. Затѣмъ, обращаясь къ подходившему аббату Сестили, онъ сказалъ: любезный аббатъ, будьте такъ добры, прикажите сію же минуту позвать ко мнѣ Дюбура.

Старецъ удалился, чтобы передать находившемуся въ передней караульному офицеру приказаніе легата, а прочіе обмѣнивались своими мнѣніями на счетъ только что происходившаго разговора и нетерпѣливо ожидали развязки этой загадки. Ихъ любопытство скоро должно было удовлетвориться, потому что отправившійся на домъ къ Дюбуру офицеръ встрѣтилъ молодаго человѣка въ одной изъ ближайшихъ къ дворцу улицъ. На приглашеніе офицера идти съ нимъ онъ, правда, пробормоталъ что-то о крайне нужныхъ, неотложныхъ дѣлахъ, но изъ опасенія навлечь на себя немилость папскаго легата, онъ все-таки подъ конецъ согласился немедленно исполнить его приказаніе.

Офицеръ тотчасъ же провелъ Дюбура въ столовую.

Завидѣвъ дружески кивавшаго ему доктора, молодой человѣкъ на минуту перемѣнился въ лицѣ и, ошеломленный, отступилъ на шагъ назадъ. Но въ слѣдующую же минуту онъ пересилилъ свое смущеніе и съ дерзкой, нѣсколько насмѣшливой улыбкой обвелъ глазами блестящее собраніе, большинство котораго было ему знакомо.

Отъ проницательнаго взора папскаго намѣстника не укрылась ни внезапная краска вошедшаго, ни его минутное смущеніе. Нахальный видъ, которымъ онъ старался скрыть это послѣднее, очевидно, произвелъ на Винчентини дурное впечатлѣніе; однако онъ подавилъ свое неудовольствіе и обратился къ молодому человѣку съ рѣзкимъ вопросомъ:

— Какъ ваше имя, милостивый государь, Дюбуръ или Ланглодъ? Которое изъ нихъ настоящее?

— И то и другое, монсиньоръ,—отвѣчалъ спрошенный, дерзко встрѣчая испытующій взглядъ князя церкви.—Я...

— Какъ?—нѣсколько запальчиво перебилъ его Винчентини.—Нельзя-же носить два имени? Или, можетъ быть, у васъ ихъ нѣсколько, особое для каждаго города, и вы мѣняете ихъ смотря по надобности?

Этотъ сдѣланный легатомъ насмѣшливый вопросъ сопровождался пронизывающимъ взглядомъ.

— Ваше высокопреподобіе, извините меня,—робко возразилъ Дюбуръ, нѣсколько растерявшійся при этихъ словахъ; кромѣ этихъ двухъ именъ я никогда не употреблялъ другого, а на эти, я полагаю, имѣю полное право; а что касается до моихъ намѣреній, то...

Винчентини опять перебилъ его, но на этотъ разъ уже нѣсколько мягче:

— Каковы бы ни были ваши намѣренія, молодой человѣкъ, вы должны понимать, что вы на себя бросаете тѣнь, нося два имени, потому что принадлежать вамъ можетъ только одно. Какъ-то странно, если не подозрительно, что въ одномъ городѣ вы называетесь Дюбуромъ, а въ другомъ

Ланглодомъ; это невольно наводитъ на предположеніе, что вы совершили что-нибудь противозаконное и, вслѣдствіе этого, чтобы избѣжать преслѣдованія властей, перемѣнили свое имя.

Дюбуръ внезапно поблѣднѣлъ и опустилъ глаза.

— Монсиньоръ,—сказалъ онъ запинаясь,—даю вамъ честное слово... я ничего такого не дѣлалъ, что бы... походило на преступленіе.

— Вѣрю, молодой человѣкъ,—возразилъ съ полуулыбкой легатъ, истолковавшій блѣдность Дюбура сдѣланнымъ ему выговоромъ.—Ваше поведеніе въ этомъ городѣ намъ извѣстно и хотя оно свидѣтельствуетъ о большомъ легкомысліи, но до сихъ поръ вы оказывали закону должное уваженіе. Я хотѣлъ только показать вамъ, къ какимъ предположеніямъ можетъ повести вашъ безразсудный образъ дѣйствій. Но оставимъ это, отвѣчайте мнѣ чистосердечно на мой вопросъ: какъ ваше настоящее имя?

Сравнительно болѣе мягкій тонъ Винчентини, далъ Дюбуру возможность вздохнуть свободно; съ его сердца свалился камень. Пропасть, только что было открывшаяся подъ его ногами, готовая поглотить его, снова закрылась. На минуту покинувшая его самоувѣренность и дерзость снова возвратились къ нему, и съ облегченнымъ сердцемъ онъ отвѣтилъ:

— Мое имя—Ланглодъ. Присутствіе доктора, лекціи котораго я посѣщалъ цѣлый годъ, доказываетъ мнѣ, что ваше высокопреподобіе имѣете на этотъ счетъ вѣрныя свѣдѣнія, да кромѣ того, къ чему мнѣ и лгать?

— Ну, а зачѣмъ же вы солгали, принявши не принадлежащее вамъ имя? серьезно спросилъ Винчентини.

— Прошу извиненія, монсиньоръ, возразилъ молодой человѣкъ, но я думаю, что вашему высокопреподобію объяснили, что на это имя я имѣю нѣкоторое право, потому что это имя моей матери.

— Допустимъ, что вы имѣете право носить его, съ чѣмъ

я однако не согласенъ, но что васъ вдругъ заставило называться именемъ вашей матери?

При этихъ словахъ папскій легатъ устремилъ на Дюбура строгій инквизиторскій взглядъ, который тотъ однакоже выдержалъ, не моргнувъ глазомъ.

— Монсиньоръ, отвѣчалъ онъ спокойно, присутствующій здѣсь докторъ можетъ засвидѣтельствовать, что я не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ я дѣйствовалъ, вслѣдствіе чего я и былъ принужденъ, хотя и не по доброй волѣ, перемѣнить имя. Далѣе г. докторъ засвидѣтельствуетъ, что дѣло чести, имѣвшее печальный исходъ, заставило меня какъ можно скорѣе оставить Монпелье, гдѣ я учился и въ которомъ мнѣ хотѣлось остаться.

— Ну, а что это за дѣло чести? спросилъ Винчентини съ напряженнымъ вниманіемъ, когда молодой человѣкъ, взглянувъ на кивавшаго ему доктора, замолчалъ.

— Это дѣло чести, ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ Дюбуръ, заключалось въ томъ, что одинъ мой мнимый, какъ оказалось, пріятель,—до сихъ поръ я не умѣлъ выбирать себѣ друзей—постарался, распустивъ обо мнѣ низкую клевету, отбить у меня молодую, прекрасную и богатую дѣвушку, на которой я хотѣлъ жениться. Вслѣдствіе этого между нами произошла крупная ссора; мой, такъ называвшійся другъ, осыпалъ меня бранью до такой степени, что я, въ бѣшенствѣ, ударилъ его въ лицо. О мирномъ окончаніи ссоры нечего было и думать; споръ между нами должна была рѣшить шпага. Драться мнѣ, все-таки, не хотѣлось не потому, что я боялся быть убитымъ, но потому что данную клеветнику оплеуху я считалъ самымъ лучшимъ наказаніемъ, а также и потому, что мнѣ было въ высшей степени противно проливать кровь человѣка, который, несмотря на свой подлый характеръ, былъ все-таки такимъ же Божьимъ созданіемъ, какъ и я.

Но мое колебаніе, продолжалъ Дюбуръ мрачно глядя передъ собою, сдѣланныя мною попытки избѣжать поединка,

мой противникъ истолковалъ себѣ трусостью. Распуская обо мнѣ двусмысленные слухи, отпуская, при встрѣчѣ со мною, ядовитыя, колкія насмѣшки, онъ съумѣлъ возбудить во мнѣ съ трудомъ сдерживаемую ярость, такъ что я, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ друзей и знакомыхъ, вынужденъ былъ согласиться на дуэль. Я схватился за шпагу и... убилъ недостойнаго клеветника. Пусть будетъ небо свидѣтелемъ... я не желалъ смерти своего противника, прибавилъ Дюбуръ глухимъ голосомъ и, казалось, сдерживая рыданія.

На глазахъ тронутаго аббата Сестили заблистали слезы при взглядѣ на молодаго человѣка.

— Утѣшься, сынъ мой,—проговорилъ онъ,—такъ было угодно Богу и потому тебѣ и отпущены были грѣхи твои.

— Ваша правда, ваше преподобіе, возразилъ Дюбуръ съ горечью, не взглянувъ однако на сѣдовласаго священнослужителя, однако въ часы уединенія совѣсть слегка укоряетъ меня. Но позвольте покончить мою исповѣдь.

Затѣмъ, глубоко вздохнувъ, онъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я былъ пораженъ какъ громомъ, убѣдившись, что мой противникъ убитъ. Я считалъ себя за убійцу и хотѣлъ добровольно отдаться въ руки человѣческаго, правосудія чтобы искупить свой тяжкій грѣхъ. Но это рѣшеніе, принятое въ минуту глубокаго отчаянія, продлилось не долго; во мнѣ снова пробудилась жажда жизни, мнѣ не хотѣлось умирать, по крайней мѣрѣ, я содрогался при мысли, что я долженъ принять смерть отъ руки палача, къ которой меня бы навѣрно присудили, если бы я отдался на произволъ властей. Чтобы избавиться отъ этого, я нашелъ убѣжище во владѣніяхъ святого отца. И здѣсь-то, монсиньоръ, чрезъ посредство одного изъ своихъ самыхъ ревностныхъ и благочестивыхъ служителей, высокопочтеннаго аббата Сестили, Богъ простилъ мнѣ мое согрѣшеніе. Ему я покаялся въ сво-

емъ тяжкомъ грѣхѣ, онъ былъ дружескимъ, добрымъ совѣтникомъ, утѣшителемъ и помощникомъ и далъ мнѣ отпущеніе. Я покаялся, и только во избѣжаніе худой славы, которая всегда слѣдуетъ за такими дѣлами чести, я перемѣнилъ свое имя Ланглода на Дюбура. Вотъ и все, ваше высокопреподобіе, что я могу вамъ сказать, закончилъ молодой человѣкъ свое признаніе, робко поднимая глаза на папскаго легата.

Обращаясь къ врачу, этотъ послѣдній спросилъ·

— Вамъ извѣстна эта дуэль, любезный докторъ?

— Да, монсиньоръ, она подняла большой шумъ въ нашемъ городѣ и потому уже, что убитый принадлежалъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ у насъ семей.

— Можете ли вы подтвердить по совѣсти, что молодой человѣкъ, какъ онъ говоритъ намъ, старался избѣгать дуэли? продолжалъ спрашивать Винчентини.

— Не только это, возразилъ спрошенный, но я долженъ даже объяснить вашему высокопреподобію, что Ланглодъ велъ себя при этомъ очень благородно; онъ пощадилъ своего противника, потерявшаго жизнь только потому, что въ слѣпой ярости самъ наткнулся на шпагу.

— Такъ что эту дуэль можно считать за несчастный случай?

— Такъ точно, монсиньоръ.

— Благодарю васъ, г. докторъ, отвѣчалъ папскій легатъ и, обращаясь къ молодому человѣку, прибавилъ: хорошо, милостивый государь, я доволенъ. Только теперь называйтесь уже своимъ настоящимъ именемъ.

— Но, ваше высокопреподобіе, вставилъ боязливо Дюбуръ, если правитель Лангедока узнаетъ, что я здѣсь, то можетъ быть...

— Ничего не бойтесь, г. Ланглодъ, васъ не выдадутъ. святый апостолъ Петръ съумѣетъ защитить васъ.

Сказавъ нѣсколько словъ благодарности, молодой человѣкъ удалился.

— Слава тебѣ, Господи! пробормоталъ онъ, выйдя на улицу, я счастливо выбрался изъ этихъ тисковъ. Нужно же было явиться сюда этому проклятому доктору! А можетъ быть это еще и къ лучшему... Гм, нельзя знать... но теперь нужно вдвое держать ухо востро!

По уходѣ Дюбура изъ дворца, гости Винчентини стали говорить о его дуэли и о немъ самомъ.

— Не знаю, можетъ быть, я и ошибаюсь, признался легатъ аббату Сестили и нѣкоторымъ изъ своихъ ближайшихъ знакомыхъ, но мнѣ сдается, что этотъ Ланглодъ не совсѣмъ непричастенъ къ преступленію, совершонному надъ семействомъ Минсовъ.

При этихъ словахъ начальника, аббатъ въ испугѣ отступилъ на шагъ назадъ, а другіе гости, услышавъ это, взглянули на его съ изумленіемъ.

— Монсиньоръ, — возразилъ сѣдовласый священнослужитель замѣтно дрожащимъ голосомъ, вы высказали страшное подозрѣніе. Какъ это оно могло придти вамъ въ голову?

— Я и самъ не могу дать себѣ въ этомъ отчета,—возразилъ задумчиво Винчентини; можетъ быть этому причиною дурное впечатлѣніе, произведенное на меня молодымъ человѣкомъ, когда я его увидалъ въ первый разъ. Вѣдь, говорятъ, что первое впечатлѣніе самое вѣрное.

— Не всегда же, монсиньоръ, отвѣчалъ аббатъ со слабой улыбкой, именно въ этомъ-то отношеніи обыкновенно чаще всего и ошибаются. Что касается до меня, то я, правда, считаю его за очень легкомысленнаго человѣка, но не за преступника.

— Этого я и не хотѣлъ сказать, — возвразилъ Винчентини.—Я хотѣлъ только дать понять, что ему, можетъ быть, не совсѣмъ незнакома личность убійцы Минсовъ, но что у

него есть причины никому не говорить объ этомъ. Но не будемъ разсуждать объ этомъ, а то, пожалуй, испортимъ себѣ весь сегодняшній вечеръ. Можно просить васъ за столъ? Ужинъ уже готовъ и мы задерживаемъ гостей.

Съ этими словами онъ направился къ столовой. Окружавшіе его гости отправились за нимъ. Начался ужинъ, и вскорѣ зала снова огласилась тостами за здоровье радушнаго виновника пиршества.

IX.

Буря еще не миновала, какъ полагалъ Ланглодъ, какъ мы будемъ отнынѣ называть Дюбура. Напротивъ настоящая опасность только еще начиналась.

Наканунѣ того дня, когда папскій легатъ устроилъ у себя для знатнѣйшихъ жителей города пиръ, онъ поручилъ офицеру своей лейбъ-гвардіи сдѣлать розыски о поведеніи Ланглода со времени прибытія его въ Авиньонѣ. Эти розыски производились, разумѣется, такъ осторожно, что тотъ, кого они касались, и не подозрѣвалъ этого. Но собранныя Винчентини свѣдѣнія далеко не оправдывали родившихся у него подозрѣній на счетъ молодого человѣка, напротивъ они устранили ихъ совершенно.

Собранныя же офицеромъ данныя относительно Ланглода были слѣдующія.

Молодой человѣкъ прибылъ въ Авиньонъ 20-го октября прошлаго года и нанялъ себѣ небольшую комнатку у одного дальняго родственника убитаго часоваго мастера. Мартино —такъ звали этого родственника—былъ смирный и честный человѣкъ, и отозвался о своемъ постояльцѣ съ наилучшей стороны! Онъ увѣрялъ, что молодой человѣкъ далеко не заслуживаетъ никакого недовѣрія, и что, насколько онъ его знаетъ, онъ не замѣтилъ за нимъ рѣшительно ничего худого.

Его прилежаніе, хорошее поведеніе, частое посѣщеніе храмовъ, все это говоритъ за его хорошій характеръ, и совершенно устраняетъ всякое недовѣріе, почему бы то ни было возникшее по отношенію къ нему. «А тѣ глупости, которыя онъ выдѣлывалъ во время масленицы, не заслуживаютъ, говоритъ онъ, никакого вниманія». На вопросъ, не помнитъ ли онъ, не замѣтилъ ли въ среду напервой недѣли великаго поста утромъ у своего постояльца какихъ нибудь признаковъ необыкновеннаго возбужденія, торопливости или боязливости, Мартино возражалъ, что ничего подобнаго онъ не замѣтилъ. Только услыхавъ объ ужасномъ преступленіи, онъ сдѣлался «совершенно внѣ себя» и громко рыдалъ. Но онъ утѣшалъ его, сколько могъ, и тотъ наконецъ сталъ поспокойнѣе.

— Никогда, съ тѣхъ поръ какъ Ланглодъ у меня живетъ, дополнилъ Мартино свои показанія, не видалъ я его возбужденнымъ больше обыкновеннаго; у него такой характеръ, что все дурное на него легко дѣйствуетъ. Вещи, которыя разстраиваютъ другихъ людей на цѣлый день, не производятъ на моего постояльца почти никакого впечатлѣнія. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ прошлаго года онъ отправился на небольшую прогулку въ окрестностяхъ города и вернулся съ нея поздно вечеромъ. Когда онъ вернулся, я случайно еще не ложился спать. Я хотѣлъ было посмѣяться надъ нимъ и спросить, въ какой гостинницѣ онъ засидѣлся такъ долго, какъ къ немалому своему испугу замѣтилъ, что изъ подъ шапочки у него выступило нѣсколько капель крови. «Пресвятая Дѣва, крикнулъ я въ ужасѣ, вы ранены!?» И знаете ли, что онъ на это сказалъ? Какъ будто ни въ чемъ не бывало, онъ отвѣчалъ мнѣ со смѣхомъ: «Ба, пустяки, небольшой рубецъ. На возвратномъ пути на меня напалъ какой-то мошенникъ и сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ съ ногъ. Я потерялъ сознаніе, негодяй воспользовался и основательно очистилъ мои карманы. Вотъ, посмотрите», сказалъ

онъ выворачивая карманы, «онъ мнѣ не оставилъ ни гроша. Но сдѣлайте одолженіе, не говорите объ этомъ происшествіи никому ни слова; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы этотъ бѣдный лѣшій попалъ подъ судъ; можетъ быть его нужда заставила совершить это преступленіе». Ланглодъ разсказывалъ мнѣ все это шутливымъ тономъ и еще смѣялся надъ этимъ грабежомъ, тогда какъ кто нибудь другой или я, покрайней мѣрѣ. заболѣлъ бы отъ одного страха. Свое обѣщаніе не говорить объ этомъ я до сихъ держалъ, а сегодня потому только и разсказалъ, чтобы спасти честь своего постояльца и доказать вамъ его прекрасный характеръ.

— Гм, замѣтилъ аббату папскій легатъ, когда офицеръ кончилъ свой докладъ, мое недовѣріе къ вашему духовному сыну нисколько не уменьшилось, даже нѣкоторымъ образомъ усилилось. Кто извиняетъ чужое преступленіе, тотъ въ состояніи сдѣлать тоже. По крайней мѣрѣ его образъ дѣйствія доказываетъ преступное легкомысліе.

Сѣдовласый священнослужитель краснорѣчиво защищалъ своего кліента, но сколько ни старался, не могъ побѣдить предубѣжденія, которое Винчентини питалъ къ нему.

Поэтому Винчентини не удовольствовался свидѣтельствомъ Мартино.

— Безъ сомнѣнія, думалъ онъ, этотъ добродушный человѣкъ введенъ въ заблужденіе. Ланглодъ съумѣлъ воспользоваться его легковѣріемъ, чтобы оградить себя отъ всякихъ подозрѣній.

Въ его памяти воскресло воспоминаніе о преступленіи, совершенное надъ Раулемъ Бонгле, недавно сообщенномъ ему. Онъ было совсѣмъ забылъ о немъ; но теперь онъ вспомнилъ, что оно случилось также въ ноябрѣ прошлаго года.

— Странно, очень странно! продолжалъ думать легатъ И Ланглодъ говоритъ, что на него напали подъ городомъ въ это же время. Можетъ быть его разсказъ и вѣренъ; но можетъ быть онъ и выдуманъ, и самъ онъ принадлежитъ къ

той шайкѣ разбойниковъ, которая тогда напала на Рауля Бонгле. Слѣдовало бы дать имъ обоимъ очную ставку. Но нѣтъ, перебилъ онъ самъ себя, послѣ нѣкотораго размышленія, это ни къ чему не повело бы. Возможно, что Бонгле не узналъ бы своего грабителя, а Ланглодъ, если онъ этотъ самый злодѣй и есть, постарался бы тайнымъ образомъ спровадить свою жертву, которую онъ не считаетъ въ живыхъ. Покамѣстъ я долженъ ограничиться тѣмъ, что стану собирать доказательства вины или невиновности молодого человѣка и велю не спускать съ него глазъ.

Вслѣдствіе этого, папскій легатъ опросилъ всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, которые видѣли Ланглода въ тотъ самый день, когда Минсы были найдены убитыми, за день передъ тѣмъ, и день спустя, или которые имѣли съ нимъ дѣло, въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Изъ показаній болѣе ста человѣкъ выяснилось, что молодой человѣкъ, въ ночь убійства, былъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ на балу; на каждомъ изъ нихъ являлся въ другомъ костюмѣ, всегда снималъ маску, при этомъ продѣлывалъ тысячу глупостей, много шутилъ, смѣялся и забавлялъ цѣлое общество остротами, игрою словъ, однимъ словомъ, казался всѣмъ разудалымъ и способнымъ на всякія штуки юношей. Всѣ свидѣтели показали единодушно, что имъ никогда не приходила и мысль въ голову, чтобы Ланглодъ могъ совершить преступленіе или быть въ немъ соучастникомъ.

Столяръ Альмарикъ былъ также допрошенъ. Онъ разсказалъ все то же, что мы уже сообщали въ первой главѣ нашей повѣсти. «Я даже могъ по чистой совѣсти, говорилъ почтенный столяръ, поклясться въ томъ, что г. Дюбуръ, или по настоящему Ланглодъ, какъ я узналъ къ своему удивленію, совершенно невиновенъ. Онъ черезъ мѣру легкомысленъ, за что я ему часто выговаривалъ и просилъ, чтобы онъ поменьше дѣлалъ глупостей, но я считаю его неспособнымъ на гнусное преступленіе, въ которомъ его подозрѣваютъ. Я го-

товъ присягнуть, что онъ ничего не зналъ объ убійствѣ, потому что онъ стучался въ дверь того самаго дома, гдѣ лежали уже три трупа; онъ очевидно не зналъ ничего объ убійствѣ, потому что, когда несмотря на стукъ его не впустили, то онъ немедленно отправился въ усадьбу г. Минса, чтобы разыскать его тамъ».

Изо всего этого слѣдствія Ланглодъ вышелъ чистъ какъ хрусталь. Въ папскомъ дворцѣ даже стыдились, что слѣдили за такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Винчентини признался со вздохомъ, что онъ ошибся и увлекся предубѣжденіемъ; что онъ поступилъ опрометчиво и долженъ дѣло поправить. Чтобы возстановить нѣсколько запятнанное доброе имя Ланглода, почтенный легатъ счелъ своимъ долгомъ дать ему торжественное удовлетвореніе и не придумалъ ничего лучшаго, какъ публично пригласить тяжко оскорбленнаго молодаго человѣка и почтить его угощеніемъ Ланглодъ сдѣлался героемъ дня, никто не смѣлъ сказать о немъ что нибудь худое, или связывать его имя съ ужаснымъ преступленіемъ, подъ опасеніемъ немилости со стороны Винчентини. Молодой человѣкъ гордился своимъ счастьемъ и съ торжествующимъ видомъ принималъ поздравленія отъ всѣхъ друзей и знакомыхъ. Но его гордая самоувѣренность, его самомнѣніе слишкомъ скоро должны были превратиться въ противоположное.

За полгода до начала нашего разсказа въ Авиньонѣ была открыта ложа вольныхъ каменьщиковъ, имѣвшая тайныя засѣданія въ одномъ, стоявшемъ въ отдаленіи, домѣ. Папскія власти терпѣли ее, показывая видъ, будто и не знали о ея существованіи. Имъ очень хорошо была извѣстна дѣятельность этого братства; но такъ какъ она ограничивалась сходками два раза въ недѣлю, то Винчентини не считалъ за нужное препятствовать этому.

Въ тогдашнее время, когда даже и самые просвѣщенные люди страдали суевѣріемъ, вольные каменьщики среди лю-

дей набожныхъ не пользовались въ народѣ особенно хорошею славой. Они вообще считались за колдуновъ, людей, продавшихъ свою душу дьяволу и взамѣнъ этого получившихъ отъ него даръ превращаться, по желанію и надобности, въ кошку или собаку. Мяуканье и собачій вой, слышавшійся по сосѣдству съ тѣмъ домомъ, гдѣ помѣщалась ложа, по ихъ мнѣнію, было не что иное, какъ отголоски дикихъ оргій этихъ чародѣевъ. Если и въ наше время такого рода понятія въ большомъ ходу у провансальскихъ крестьянъ, и простые люди, встрѣчаясь съ кѣмъ нибудь, о комъ они слыхали, что онъ принадлежитъ къ благословенному союзу, съ суевѣрнымъ страхомъ сторонились съ дороги. Впрочемъ, и сами каменьщики не упускали случая, чтобы о нихъ въ народѣ распространялись самые нелѣпые слухи, или по крайней мѣрѣ не дѣлали ни малѣйшей попытки снимать съ себя темный и таинственный покровъ, покрывавшій ихъ дѣйствія.

Ланглодъ былъ также каменьщикомъ, и Іосифъ Минсъ изъявилъ ему желаніе также поступить въ этотъ таинственный союзъ, мистеріи котораго и темная, скрытая дѣятельность представлялись для него чѣмъ-то романтическимъ. По его мнѣнію, союзъ не могъ имѣть никакой иной цѣли, кромѣ хорошей, и перспектива возможности въ тиши приносить въ качествѣ члена братства человѣчеству пользу, всѣми силами дѣйствовать для его блага, волновала сердце юноши и наполняло сладкимъ трепетомъ его пылкую душу. Въ краснорѣчивыхъ, горячихъ, восторженныхъ выраженіяхъ изобразилъ онъ передъ отцомъ свое желаніе и просилъ его согласія. Но старый Минсъ, раздѣлявшій на счетъ каменьщиковъ мнѣніе всѣхъ прочихъ гражданъ Авиньона и убѣжденный, что союзъ преслѣдуетъ лишь предосудительныя цѣли, съ самаго начала былъ противъ поступленія сына въ это общество. Хотя доводы отца отчасти и охладили пылъ этого послѣдняго, но Ланглодъ съумѣлъ такъ заманчиво представить доставляемыя ложею наслаждевія, что другъ его рѣ-

шился въ этомъ отношенін не слушать отца и безъ его вѣдома поступить въ братство.

Мы говорили уже, что каменьщики собирались въ отдаленномъ домѣ. Онъ стоялъ въ томъ кварталѣ, гдѣ жили самые бѣдные и нравственно опустившіеся люди, недалеко отъ воротъ св. Роха. Въ ложу было нѣсколько дверей, выходившихъ на улицы, состоявшія большею частью то изъ пустырей, то изъ садовъ, обнесенныхъ каменными стѣнами.

Такъ какъ Минсъ-старикъ позволилъ своему сыну ночь со вторника на среду первой недѣли великаго поста провести гдѣ ему угодно, то Ланглодъ устроилъ, чтобы его пріятель въ этотъ вечеръ сдѣлалъ свое первое вступленіе въ союзъ каменьщиковъ. Онъ уже увѣдомилъ ложу, что приведетъ новаго члена, не называя однако его имени. Когда собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало появленія новаго послѣдователя, Ланглодъ явился одинъ и объявилъ, что тотъ отложилъ свое поступленіе, такъ какъ нѣкоторыя, не требующія разъясненія обстоятельства заставили его покамѣстъ отказаться отъ исполненія. Собраніе успокоилось; объ этомъ небыло больше и рѣчи, не спросили даже и имени адепта, и дѣло было забыто.

Со времени совершоннаго въ домѣ часовщика убійства прошло уже четыре мѣсяца, и власти потеряли всякую надежду поймать преступника.

Наступилъ Ивановъ день, который, какъ извѣстно, каменьщики празднуютъ совершенно особеннымъ образомъ. Въ этотъ день въ ложу собрались всѣ братья и пріятели, и, по окончаніи каменьщицкихъ работъ и послѣ приличнаго такому дню поученія, сѣли за веселый пиръ.

Ланглодъ былъ тутъ же и въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Онъ забавлялъ общество разными веселыми выдумками и остроумными анекдотами, заставляя поневолѣ улыбаться даже самаго серьезнаго человѣка изъ собравшихся.

Молодой легкомысленный студентъ только что отпустилъ какую-то забавную шутку и въ награду заслужилъ отъ общества единодушное браво, какъ вдругъ одинъ изъ участниковъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вышедшій изъ залы, появился въ дверяхъ со всѣми знаками живѣйшаго смущенія въ лицѣ и тѣлодвиженіяхъ, и громко, что есть духу, крикнулъ:

— Братья, друзья, пойдемте со мною... я... я, кажется... напалъ на ужасное преступленіе...

Только что раздававшійся громкій смѣхъ вдругъ точно осѣкся; нѣкоторые повставали съ своихъ мѣстъ.

— Что вы говорите, братъ? воскликнулъ Ланглодъ съ принужденнымъ смѣхомъ. Преступленіе? Что вы тамъ напили?

Говоря это, онъ страшно поблѣднѣлъ и силился скрыть свое смущеніе.

— Идите же! торопливо продолжалъ другой, не обращая вниманія на это замѣчаніе. Я покажу вамъ нѣчто ужасное. Я былъ въ саду, чтобы освѣжить свою горячую голову; вижу, что моя собака усердно разрываетъ въ одномъ мѣстѣ землю, подбѣгаю и вижу человѣческій палецъ, потомъ руку... о это ужасно!

У говорившаго прервался голосъ, онъ содрогнулся и повернулъ къ двери.

Всѣ присутствовавшіе встали и выбѣжали на дворъ.

— Проклятое животное! пробормоталъ Ланглодъ, блѣдный, какъ мертвецъ, идя за другими и дрожа всѣмъ тѣломъ, неизвѣстно отъ бѣшенства ли, или отъ страха.

Между тѣмъ, выбѣжавшіе на дворъ вошли въ садъ, гдѣ въ отдаленномъ углу, между деревьями, собака продолжала усердно рыться. На окрикъ хозяина собака отошла. Одинъ изъ каменьщиковъ захватилъ съ собою лопату и принялся рыть землю на мѣстѣ преступленія; черезъ нѣсколько минутъ показался человѣческій трупъ. По бывшей на немъ

одеждѣ сейчасъ-же узнали, что это было тѣло несчастнаго Іосифа Минса.

Нѣсколько минутъ всѣ присутствовавшіе стояли точно пораженные громомъ, нѣмые отъ изумленія и ужаса. Тогда только они замѣтили отсутствіе Ланглода.

— Гдѣ Ланглодъ?—воскликнулъ одинъ изъ каменьщиковъ.—Ему нужно сейчасъ-же сказать объ этомъ ужасномъ открытіи, онъ долженъ знать... вѣдь Іосифъ Минсъ былъ его другъ.

— Онъ не могъ уйти; я видѣлъ, кажется, что онъ шелъ за нами,—замѣтилъ другой.

— Можетъ быть съ нимъ вдругъ сдѣлалось дурно,—сказалъ третій.

— Да, должно быть,—подтвердилъ четвертый,—я совершенно ясно видѣлъ, какъ онъ при вѣсти, сообщенной намъ братомъ Муніемъ, безъ всякаго предувѣдомленія, ужасно поблѣднѣлъ. Онъ закрылся платкомъ, точно у него вдругъ пошла носомъ кровь.

Казалось, никто еще и не подозрѣвалъ настоящей причины, почему молодой человѣкъ такъ поспѣшно скрылся.

— Все равно!—началъ опять первый изъ говорившихъ. Его нужно отыскать. Онъ вѣрно отправился домой. Пойдемте къ нему, братья!

Не теряя времени, все общество направилось къ дому Мартино, гдѣ, какъ намъ извѣстно, проживалъ Ланглодъ. Когда они дошли до угла улицы, то, къ своему немалому удивленію, увидали передъ его домомъ дорожный экипажъ и кучера, собиравшагося къ поспѣшному отъѣзду. Ихъ удивленіе удвоилось, когда они замѣтили въ ту-же минуту Ланглода, выходившаго изъ дверей дома и поспѣшно приближавшагося къ экипажу. Молодой человѣкъ несъ подъ мышкой сундучекъ, а въ другой рукѣ дорожную сумку. Не обращая вниманія на оклики приближающихся къ нему каменьщиковъ, онъ направлялся къ дверцѣ экипажа. Но въ ту самую ми-

нуту, какъ онъ хотѣлъ вскочить въ него, у него выскользнулъ изъ-подъ мышки сундучекъ и съ громкимъ трескомъ ударился о мостовую. Отъ сильнаго удара о камни, крышка отскочила и всѣ бывшія въ сундучкѣ вещи: золотые и серебряные часы, разные сосуды изъ того-же благороднаго металла и другія драгоцѣнности разсыпались по землѣ.

При видѣ этого, каменьщики, бывшіе только уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Мартино, остановились на секунду какъ вкопанные, но въ слѣдующую-же секунду бросились съ громкимъ крикомъ: «Держите убійцу!» къ экипажу.

Въ головѣ у всѣхъ промелькнуло страшное подозрѣніе. Лежащіе на мостовой часы и драгоцѣнности, признанные за вещи, похищенныя у Минса, поспѣшное бѣгство Ланглода, все это стало слишкомъ очевиднымъ доказательствомъ виновности молодаго человѣка, чтобы имѣть на счетъ этого хотя малѣйшее сомнѣніе.

Улица была малолюдная, на ней лишь кое-когда показывались одинокіе прохожіе, и покамѣстъ они успѣли понять, въ чемъ дѣло, Ланглодъ могъ бы давно уже оказаться въ безопасности, еслибы ему удалось во время уйти отъ своихъ собратій.

Увидѣвъ угрожавшую ему опасность, онъ вскочилъ въ экипажъ, выскочилъ съ противоположной его стороны, и со всѣхъ ногъ, пустился по улицѣ, опрокинувъ двухъ полицейскихъ, загородившихъ было ему дорогу.

Добѣжавъ до монастыря целестиновъ, онъ сталъ просить, чтобы его впустили, но получилъ отказъ. Съ отчаяніемъ оглядывался онъ кругомъ,—его преслѣдовали, гнались за нимъ по пятамъ, со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ, созванный каменьщиками, и онъ, навѣрное, сталъ бы жертвою его ярости, еслибы въ послѣднюю минуту ему не пришла въ голову састливая мысль.

Точно гонимый фуріями, бросился онъ снова впередъ по улицамъ къ воротамъ св. Роха. За этими воротами, почти

въ четверти часа ходьбы отъ города, стоялъ монастырь францисканцевъ. Если его пустятъ туда, то онъ спасенъ, будетъ въ безопасности, по крайней мѣрѣ на время.

Но за нимъ гналась разъяренная толпа, и одинъ носильщикъ уже хотѣлъ схватить его, какъ раскрылись ворота и францисканскій монастырь доставилъ ему убѣжище. Когда ворота за проскользнувшимъ преступникомъ закрылись, въ толпѣ раздался ревъ ярости и тысячи проклятій огласили воздухъ противъ ордена, присвоившаго себѣ право укрывать убійцу отъ земного правосудія. Съ трудомъ, при помощи обѣщанія, что Ланглодъ все-таки будетъ въ рукахъ правосудія, удалось полицейскимъ чиновникамъ успокоить толпу и уговорить ее разойтись.

Но не такъ-то легко было исполнить обѣщаніе. Одной изъ особенныхъ привилегій францисканскаго ордена, бывшаго тогда во всей силѣ, было то, что если преступникъ прибѣгалъ къ покровительству ордена, то свѣтская власть теряла надъ нимъ всякія права, и онъ подвергался только суду духовному. Но этотъ послѣдній наказывалъ по своимъ статутамъ, предписывавшимъ бичеваніе и постъ, но не допускавшимъ смертной казни. Послѣдняя примѣнялась только тогда, когда преступленіе касалось непосредственно церкви, напр. за кощунство надъ причастіемъ, соблазнъ или изнасилованіе монахини; въ этихъ случаяхъ преступника замуравливали, т. е. закладывали въ стѣну, на смерть. Но такъ какъ Ланглодъ не учинилъ ни одного изъ этихъ преступленій, то было сомнительно, чтобы онъ подвергся этой послѣдней казни.

Слѣдовательно, свѣтская власть ничего не могла сдѣлать, и какъ поступить съ Ланглодомъ за его преступленія,—было предоставлено на произволъ францисканцевъ. Никто не помнитъ, чтобы убійцѣ удавалось находить у нихъ убѣжище и покровительство. Но если кто входилъ въ церковь, чтобы схватить преступника, тотъ подвергался высшей степени отлученія, и ни одинъ человѣкъ въ Авиньонѣ не отважился

бы на такое чудовищное дѣло. Поэтому необходимо было выхлопотать разрѣшеніе архіепископа и папскаго легата, за которымъ на слѣдующій день и обратились.

Архіепископъ, признавая желаніе народа вполнѣ заслуживающимъ удовлетворенія, не долго думая, далъ свое разрѣшеніе, легатъ-же встрѣтилъ затрудненіе, и посланной къ нему депутаціи объявилъ, что: «хотя ему и непріятно, что преступникъ нашелъ у францисканцевъ убѣжище, но покамѣстъ тутъ ничего нельзя сдѣлать, потому что онъ не можетъ нарушать правъ ордена. Однако, онъ не противъ, если его преосвященство возьметъ на себя отвѣтственность».

— Хорошо!—сказалъ архіепископъ, когда депутація гражданъ передала ему рѣшеніе Винчентини. Не я буду виноватъ, если преступникъ не будетъ переданъ свѣтской власти.

И онъ тотчасъ-же послалъ настоятелю францисканскаго монастыря приказъ выдать Ланглода.

Но настоятель сталъ отстаивать его и сослался на свои привилегіи.

— Господь Богъ открылъ убѣжище у насъ этому несчастному, и будетъ судить его по своей благости. Онъ болѣе не подлежитъ земному правосудію.

— Это все равно, отвѣчалъ архіепископъ. Взять его именемъ церкви и отправить въ темницу!

— Но, г. архіепископъ, онъ лежитъ подъ самымъ престоломъ и я не имѣю права выдавать его оттуда, возразилъ съ неудовольствіемъ настоятель.

— Даже еслибы онъ находился въ самомъ ковчегѣ, сказалъ его преосвященство, сильно раздосадованный упорствомъ настоятеля, я приказываю, чтобы онъ, несмотря на это, былъ переданъ въ руки правосудія.

Разсерженный настоятель ушелъ посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ монахами. Эти послѣдніе настаивали, чтобы онъ не исполнялъ приказанія и по нѣкоторомъ размышленіи онъ со-

гласился съ ними. Какъ подчиненный архіепископа, онъ долженъ былъ его слушать, но такъ какъ папскій легатъ, въ послѣдней инстанціи, не утвердилъ приказанія, то настоятель еще могъ оказать неповиновеніе своему непосредственному начальнику.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло о выдачѣ Ланглода осталось нерѣшеннымъ. Не зная о результатѣ переговоровъ, этотъ послѣдній сталъ уже торжествовать и радоваться придуманной хитрости убѣжать къ францисканцамъ.

— Они не посмѣютъ меня выдать, говорилъ онъ себѣ, и покамѣстъ я спокоенъ за свою жизнь. Такимъ образомъ въ своей кельѣ я спокойно дождусь того времени, когда буря уляжется, а тогда посмотримъ, какъ выбраться изъ этой чортовой ямы, потому что поступать въ монахи я не чувствую ни малѣйшей охоты.

X.

Ланглоду скоро пришлось убѣдиться, что онъ торжествовалъ слишкомъ рано.

Прошло уже три дня съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ монастырь. Народъ громко роптал противъ легата и настойчиво требовалъ выдачи Ланглода. Между тѣмъ первый, не желая ни слишкомъ приступать къ францисканцамъ, ни ссориться съ гражданами, обдумывалъ, какъ бы овладѣть преступникомъ. Случай, нерѣдкій сотрудникъ юстиціи, помогъ и Винчентини.

При обыскѣ квартиры Ланглода, предпринятомъ тотчасъ же послѣ его бѣгства, нашлись кромѣ различныхъ, принадлежавшихъ убитому часовыхъ дѣлъ мастеру вещей, документы «Рауля Бонгле, землевладѣльца изъ Карпентра» и кромѣ того требникъ одного целестинскаго монаха, по имени Іосифа Делякруа. Какъ попали къ Ланглоду эти послѣднія вещи? Не иначе какъ вслѣдствіе грабежа. Эта находка от-

крыла Винчентини глаза. Рауль Бонгле вѣдь и былъ тотъ молодой человѣкъ, который въ среду на первой недѣли великаго поста сообщилъ ему о новой шайкѣ преступниковъ, извѣстной подъ именемъ «усыпителей». Нельзя было сомнѣваться, что Ланглодъ, убившій четырехъ человѣкъ, принадлежалъ къ той же шайкѣ. Но открытія этого новаго злодѣянія было еще недостаточно для того, чтобы вынудить у францисканцевъ его выдачу.

Папскій легатъ, ревностно занявшійся дальнѣйшимъ раскрытіемъ прошлаго Ланглода, вскорѣ напалъ и на другія важныя открытія. Годъ тому назадъ целестинскій монахъ патеръ Іосифъ Делякруа, занимавшій въ своемъ монастырѣ должность кассира, былъ посланъ своимъ настоятелемъ съ значительной суммой денегъ въ одинъ бѣдный Овернскій монастырь недалеко отъ Логгеака. Деньги заключались въ билетахъ и были тщательно спрятаны между листами требника, снабженнаго застежками. Такъ какъ патеръ не являлся въ мѣсто назначенія, не возвращался и въ Авиньонъ, то заподозрили, что онъ съ деньгами скрылся, хотя подобное предположеніе нисколько не оправдывалось его характеромъ. Теперь все стало ясно: несчастный монахъ былъ убитъ и ограбленъ, и преступленіе это совершилъ Ланглодъ. Найденный въ его комнатѣ требникъ уничтожалъ всякое сомнѣніе въ его виновности. Кровяныя пятна, замѣтныя отчасти на крышкахъ, отчасти на листахъ требника, происходившія вѣроятно отъ убитаго, доказывали съ полною очевидностью, что между нимъ и его убійцей происходила жестокая борьба.

Открытіе этого новаго преступленія дало Винчентини поводъ требовать Ланглода отъ францисканцевъ, не нарушая привилегіи ордена, причемъ исполнилось и желаніе архіепископа, прежде чѣмъ посланный по этому дѣлу къ папѣ гонецъ успѣлъ исполнить данное ему порученіе. Францисканцы, узнавъ объ убійствѣ патера Делякруа, тотчасъ же передали

своего кліента целестинцамъ для того, чтобы они учредили надъ нимъ свой судъ за его преступленіе, но эти послѣдніе отказались отъ принадлежавшаго имъ права въ пользу свѣтской власти.

Спустя недѣлю послѣ того дня, когда палецъ убитаго указалъ преступника, собралось уголовное судилище, подъ предсѣдательствомъ самого папскаго легата, творить судъ надъ Іоанномъ Доминикомъ Ланглодомъ, родомъ изъ Логгеака, въ Оверни. Онъ сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Первымъ изъ нихъ было убійство целестинскаго монаха Делякруа, съ которымъ онъ познакомился въ Логгеакскомъ лѣсу. Въ разговорѣ, завязавшемся между нимъ и патеромъ, Ланглодъ узналъ, что монахъ идетъ въ Логгеакскій целестинскій монастырь съ важнымъ порученіемъ. По боязливости, съ которою монахъ берегъ свой требникъ, преступникъ заключилъ, что въ немъ должно было заключаться большое сокровище, и въ головѣ его родилась мысль овладѣть этимъ требникомъ посредствомъ хитрости или силою. Подъ ничтожнымъ предлогомъ Ланглодъ простился съ монахомъ, и вечеромъ того же дня спрятался въ кустахъ, чтобы подстеречь его. Тутъ онъ напалъ на несчастнаго, послѣ короткой борьбы убилъ и, взявши требникъ, зарылъ трупъ на мѣстѣ злодѣянія.

За первымъ шагомъ на пути преступленія въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовалъ другой, грабежъ землевладѣльца Рауля Бонгле, подробности котораго уже извѣстны читателю. Будучи спрошенъ о соучастникахъ въ этомъ преступленіи, Ланглодъ отвѣчалъ, что онъ ихъ не знаетъ. Документами своей жертвы онъ хотѣлъ воспользоваться при случаѣ, чтобы по мѣрѣ надобности вынуждать отъ его родственниковъ значительныя суммы денегъ, но до сихъ поръ не привелъ въ исполненіе этого намѣренія. Когда ему показали мнимоумершаго, то онъ думалъ, что передъ нимъ при-

видѣніе, и упалъ въ обморокъ. Вслѣдствіе этого допросъ былъ на короткое время отложенъ.

Что касается до послѣдняго и самаго ужаснаго своего преступленія, увѣнчавшаго всѣ остальныя, то злодѣй разсказалъ слѣдующее:

Онъ прибылъ въ Авиньонъ съ намѣреніемъ покончить съ преступною жизнью и стать честнымъ человѣкомъ. Прійдя разъ въ церковь, онъ увидалъ Юлію Минсъ и почувствовалъ къ ней безумную любовь. При посредствѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, онъ нашелъ доступъ въ семейство часовыхъ дѣлъ мастера и такимъ образомъ узналъ и объ его богатствѣ. Это еще болѣе подкрѣпило его въ намѣреніи добиться руки Юліи. Посредствомъ лицемѣрія, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ и старика Минса, и его сына. Но всѣ его старанія разбились о непоколебимость дѣвушки, чувствовавшей къ нему непреодолимое отвращеніе, и однажды—это было въ январѣ мѣсяцѣ—на отрѣзъ объявившей ему, что онъ не долженъ разсчитывать когда либо назвать ее своею. Въ этотъ-то день, раздраженный ея упорствомъ, онъ поклялся отмстить ей и путемъ преступленія овладѣть тѣмъ, чего не могъ добиться законнымъ образомъ. Желаніе Іосифа Минса поступить въ союзъ вольныхъ каменьщиковъ доставило презрѣнному негодяю желанный случай привести свое намѣреніе въ исполненіе. Вечеромъ, въ великопостный вторникъ, онъ повелъ Іосифа Минса въ ложу, въ которой, по его словамъ, уже состоялось собраніе. Когда они подходили къ саду, стало уже темно, и тутъ-то Ланглодъ закололъ того, кого называлъ своимъ другомъ; потомъ вырылъ яму и закопалъ трупъ. Изъ кармана убитаго онъ вынулъ главный ключъ, которымъ отпирался не только домъ старика Минса, но и всѣ комнаты, и тотъ же самый ножъ, которымъ онъ убилъ сына, нанесъ смертельный ударъ отцу, дочери и служанкѣ. Убійца началъ съ послѣдней. Она только начала раздѣваться, когда Ланглодъ, снявшій для того, чтобы не быть услышаннымъ, башмаки,

прокрался черезъ полуотворенную дверь въ кухню, задулъ огонь и однимъ ударомъ въ животъ положилъ на мѣстѣ ничего неподозрѣвавшую дѣвушку. Его второю, или скорѣе третьею жертвою сдѣлался самъ старикъ Минсъ, убитый въ грудь. Юлія, какъ и отецъ, спали уже мертвымъ сномъ, когда убійца подошелъ къ ея кровати, держа въ одной рукѣ окровавленный ножъ, заколовшій уже трехъ человѣкъ, а въ другой горящую свѣчу. Полный свѣтъ ея онъ направилъ на спящую и его взорамъ, исполненнымъ сладострастія и жажды убійства, представилась ея почти обнаженная, вздымающаяся грудь. Въ эту минуту дѣвушка сдѣлала безпокойное движеніе и прошептала сквозь одолѣвавшій ее сонъ: «Іосифъ, это ты?» — «Да, сестрица!» отвѣчалъ Ланглодъ, поддѣлывая голосъ. Юлія больше не сказала ни слова, потому что, вѣроятно, снова заснула. И этою-то минутой воспользовался злодѣй, чтобы совершить свою гнусную месть. Поставивъ свѣчу на столъ и положивъ смертоносное орудіе на стоявшій у изголовья стулъ, онъ быстро сдернулъ съ своей жертвы одѣяло и бросился на нее. Въ этотъ моментъ молодая дѣвушка проснулась; но было уже поздно, она не могла столкнуть съ себя Ланглода, крѣпко схватившаго руками ея шею и глубоко вцѣпившагося въ нее ногтями. Глухой крикъ вырвался изъ ея груди и она потеряла сознаніе. У злодѣя было достаточно времени, чтобы насытить свою скотскую страсть, и затѣмъ прикончить свою жертву ударомъ ножа. Послѣ этого, забравъ наличныя деньги, драгоцѣнности и разныя другія цѣнныя вещи, онъ убѣжалъ—веселиться! Между каждымъ изъ своихъ появленій на балахъ и перемѣной костюма онъ ходилъ въ домъ убитыхъ, и всякій разъ уносилъ съ собою узелъ всего, что только могъ найти: часы, деньги, или какія-нибудь цѣнности. Въ уголовныхъ лѣтописяхъ, всѣхъ временъ и народовъ, врядъ ли можно найти такой примѣръ, чтобы человѣкъ, только что совершившій четыре убійства, посѣщалъ балы, танцовалъ, смѣялся и забавлялъ всѣхъ сво-

ими остротами и шутками. Посѣщеніе трехъ баловъ, троекратное переодѣванье, посѣщеніе утромъ часоваго мастера и громкій стукъ въ его двери, обратившій вниманіе столяра Альмарика и другихъ сосѣдей, наконецъ прогулка въ деревню Воклюзъ: все это было продѣлано, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе.

Ланглодъ сознался во всѣхъ этихъ подробностяхъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго признака раскаянія. Съ истинно дьявольскимъ наслажденіемъ остановился онъ на описаніи совершоннаго надъ Юліей Минсъ злодѣянія, такъ что у собравшихся въ залѣ суда мужчинъ, между которыми находился и честный столяръ, вырывались крики отвращенія, и предсѣдатель не разъ былъ вынужденъ уговаривать ихъ успокоиться; присутствовавшія же тутъ женщины, большею частью жены и дочери высшихъ сословій, закрывали лицо, чтобы скрыть заливавшій ихъ румянецъ стыда при разсказѣ объ этихъ мерзостяхъ.

Преступникъ выслушалъ рѣшеніе, равнодушно и нахально поглядывая на публику. Рѣшеніе же состояло въ слѣдующемъ:

«Іоаннъ Доминикъ Ланглодъ, именовавшійся также Дюбуромъ, родомъ изъ Оверньскаго Логгеака, 26 лѣтъ, обвиненный, уличенный и доведеный до сознанія, что онъ

1) На его преподобіе, целестинскаго монаха Іосифа Деляруа, изъ Авиньонскаго монастыря святого Целестина 10 января 176.. г., въ лѣсу на дорогѣ изъ Делонэ въ Логгеакъ, напалъ, убилъ его и ограбилъ;

2) Землевладѣльца Рауля Бонгле изъ Карпентра, 16 ноября того же года, близъ Авиньона, посредствомъ усыпительнаго напитка, привелъ въ безсознательное состояніе, означеннаго Бонгле ограбилъ и покушался убить его, но соизволеніемъ Божіимъ и при великодушной помощи здѣсь присутствующаго столяра Альмарика, гражданина нашего достопочтеннаго города, не былъ попущенъ, на благо пострадавшаго,

такъ что умышленное преступленіе явилось лишь покушеніемъ на убійство;

3) убилъ сына часовыхъ дѣлъ мастера Минса Фонбаррэ, здѣшняго гражданина, по имени Іосифа Минса, 10 февраля 1768 года, въ саду ложи вольныхъ каменщиковъ у воротъ Св. Роха;

4) Равнымъ образомъ проникъ въ домъ часовыхъ дѣлъ мастера Людовика Флорентина Минса Фонбарре, гражданина нашего города, убилъ его и ограбилъ;

5) Равнымъ образомъ дочь его Юлію, убилъ, совершивъ напередъ надъ нею изнасилованіе;

6) Равнымъ образомъ убилъ служанку, названнаго часовыхъ дѣлъ мастера, Катерину Дюпрэ.

Въ виду всѣхъ сихъ шести преступленій, поименованный Ланглодъ сего числа осужденъ на смерть и справедливымъ признано, чтобы онъ, Ланглодъ, во искупленіе совершенныхъ имъ злодѣяній, на площади Сен-Дидье передъ распятіемъ принесъ всенародное покаяніе, былъ сведенъ на площадь передъ папскимъ дворцомъ, чтобы тамъ, разбивши ему черезъ палача ноги, живьемъ колесовать его тѣло и затѣмъ оставить на эшафотѣ пока не послѣдуетъ смерть.

Послѣ того отрубить ему голову, положить ее въ клѣтку и выставить на позорище на городской стѣнѣ у Ронскихъ воротъ. Тѣло же выбросить въ поле на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Постановлено въ Авиньонѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1768, 13 сентября».

Это жестокое, сообразное съ тѣмъ варварскимъ временемъ, но справедливое рѣшеніе, подписанное папскимъ легатомъ Марино Винчентини, архіепископомъ Авиньонскимъ, аббатомъ Сестили и бывшими присяжными при этомъ замѣчательномъ процессѣ судьями, было во всей точности исполнено надъ Ланглодомъ, громко выввшемъ отъ боли, когда ему разбивали члены. Ужасны были его преступленія, но не менѣе ужасна

была и понесенная имъ за это казнь. Она продолжалась цѣлые десять часовъ, пока смерть не положила конецъ его презрѣнной жизни. Онъ принялъ эту смерть, отвергнувъ утѣшенія религіи, ибо и подходившихъ къ нему монаховъ и даже своего духовнаго отца, аббата Сестили, увѣщевавшаго его покаяться, онъ послалъ ко всѣмъ чертямъ, доказавши этимъ, что онъ никогда не относился къ религіи серьезно, пользуясь ею только для прикрытія своихъ преступленій.

— Кто бы могъ это подумать!—говорилъ въ тотъ-же день послѣ казни своей дочери столяръ Альмарикъ. Я считалъ Дюбура за очень легкомысленнаго молодаго человѣка, но мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы онъ былъ такой страшный злодѣй и что онъ совершилъ такія ужасныя преступленія. Теперь я ясно понимаю, почему, когда въ великопостную середу утромъ я разговаривалъ съ нимъ и случайно упомянулъ объ «эшафотѣ», онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ. Но до сихъ поръ еще страшно вспомнить, что я такъ дружески разговаривалъ съ этимъ шестикратнымъ убійцей,—прибавилъ содрогаясь честный Альмарикъ.

— Утѣшьтесь, любезный другъ,—сказалъ Вьендеморъ, вошедшій въ эту минуту въ комнату и услыхавшій послѣднія слова своего хозяина;—и съ другими не лучше. Богъ далъ вамъ спасти хотя одну жертву этого злодѣя, за что я вѣчно останусь вамъ благодарнымъ. Забудемъ о немъ: онъ умеръ и искупилъ свои преступленія. Но перстъ убитаго, это нѣмое «Мани—Факелъ—Фаресъ» карающаго Бога, указалъ изъ могилы на убійцу своего и всей его семьи, молчаливо, но краснорѣчиво сказавъ: «Это онъ!» и предалъ его человѣческому правосудію.

— И въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ Альмарикъ, сложивъ руки,—вы сказали истину—во всемъ этомъ слѣдуетъ признать Провидѣніе Божіе. Міръ освободился отъ человѣка отверженнаго, и теперь, любезный Вьендеморъ, или какъ васъ тамъ зовутъ, вы можете свободно вздохнуть.

— Рауль Бонгле, любезный Альмарикъ!... возразилъ гость задушевнымъ тономъ. Вьендеморъ, т. е. воскресшій изъ мертвыхъ, умеръ, умеръ навсегда. Но Рауль Бонгле будетъ жить, и, если будетъ угодно Богу и вамъ, будетъ жить счастливо, вмѣстѣ съ вашей дочерью,—прибавилъ онъ, подойдя къ дочери своего хозяина, и протягивая къ стыдливо закраснѣвшейся дѣвушкѣ руку.

— Эге, другъ мой,—возразилъ улыбаясь Альмарикъ,—нельзя же такъ скоро.... и старуха должна подать свой голосъ.

— О, мама уже знаетъ объ этомъ,—стыдливо замѣтила Августа.

— Вотъ какъ? Такъ это ты затѣяла за моей спиной интрижку!—воскликнулъ отецъ, притворно сердитымъ тономъ. Ахъ, прибавилъ онъ со вздохомъ, кто повѣритъ, какъ трудно уберечь молодую дѣвушку!

— Я вотъ и хочу снять съ васъ эту заботу, любезный Альмарикъ,—шутливо отвѣчалъ Бонгле,—и думаю, что для меня это не будетъ такъ трудно!

— Ну, по мнѣ пожалуй! отвѣчалъ смѣясь столяръ, отъ души пожимая руку своему гостю,—вѣдайтесь какъ знаете съ этимъ дичкомъ.

. . . .

Если путешественникъ, ѣдущій на пароходѣ въ Авиньонъ, взглянетъ, проѣхавши старый каменный мостъ, на башню у Ронскихъ воротъ, то увидитъ на ней желѣзную клѣтку. Еще 100 лѣтъ тому назадъ въ ней лежала голова Ланглода. Время и камни, которые швыряли сюда дѣти, совсѣмъ разрушили ее. Но матери и до сихъ поръ разсказываютъ своимъ дѣтямъ объ убійцѣ, загубившемъ шесть душъ и о томъ, какъ одинъ изъ убитыхъ изъ могилы указалъ пальцемъ убійцу.

КОНЕЦЪ.

